

4 2004
(15)

ЯКУТСКИЙ

АРХИВ

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), Комитет государственной архивной службы при Правительстве Республики Саха (Якутия)

Главный редактор
В.Н.Иванов

Заместители главного редактора:

А.А.Калашников,
Н.Р.Константинов

Ответственный секретарь
Н.Н.Комкова

Редакционная коллегия:

Е.Е.Алексеев, Е.П.Антонов,
С.И.Боякова, П.В.Винокуров,
А.А.Захарова, Н.Н.Комкова,
М.М.Степанова, Н.С.Степанова,
П.П.Петров, Д.А.Ширин

Ответственные за выпуск:
А.А.Захарова, П.П.Петров

Редакторы:

Н.И.Дегтярева,
Г.С.Иванова,
Е.Ф.Молотков

Обложка и макет
В.Н.Игнатъев

Компьютерная верстка
О.Д.Галушкина

Адрес редакции:
677000, г. Якутск,
ул. Петровского, 1,
тел. 35-43-40

© ИГИ АН РС(Я), 2004
© НА РС(Я), 2004

Содержание

60 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Указ Президента Российской Федерации “О подготовке и проведении празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”... 3

Указ Президента Республики Саха (Якутия) “О подготовке и проведении празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” 5

Иванов В.Н. Победа добыта огромной ценой 7

Яковлев Э.М. Пушной промысел во время Великой Отечественной войны 14

70 ЛЕТ ИНСТИТУТУ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АН РС(Я)

Постановление № 701 Совета народных комиссаров ЯАССР о создании Научно-исследовательского института языка и культуры ЯАССР 17

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Петров П.П. Город Вилюйск: события основания и переименования (К 370-летию основания) 18

Ефимова В.К. Судьбы светлые и трагические (К 100-летию Х.П.Шараборина) 27

Ефимова В.К. Первый педагогический вуз (К 70-летию высшего образования в Якутии) 32

ИМЯ В ИСТОРИИ

Казарян П.Л. Первый начальник Аянского порта 35

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Сергеев Е.А. Клуб Общества взаимопомощи прикажчиков

(1905–1917 гг.) ... 49

Попова Л.С., Попов И.И. Иконопись в творчестве Ивана Васильевича Попова 53

ИЗ ИСТОРИИ ЯКУТСКОЙ ЕПАРХИИ

Юрганова И.И. Миссионер Андрей Аргентов 58

Силина А.М. Трудная судьба священника 65

СВИДЕТЕЛЬСТВА, ВОСПОМИНАНИЯ

К 75-летию кандидата исторических наук Семена Ипатьевича Ковлекова

Антонов Е.П. Добрый наставник 74

Макаров И.Г. Уте киһи этэ 78

Васильева К.И. Мой старший брат 83

Гусак С.Н., Санникова Я.М. О нашем научном руководителе С.И.Ковлекове 86

ФАКТЫ СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Конкин П.К. Война 1812 г. и якутяне (Публикация документа) 89

Павлов А.А. По ходатайству губернатора И.И.Крафта 97

Макаров И.Г. Среднеколымская коммуна государственных ссыльных 103

Корякин П.И. Религиозные объединения католиков, лютеран и мусульман в Олекминском округе (конец XIX – начало XX в.) 110

Антонов Е.П. Супружеская чета Винокуровых – эмигранты из Якутии 113

Васильев В.Е. “Русский эмигрант (якуть)” 118

Негенбля И.Е. Страницы истории воздушного транспорта Якутской АССР: Исполкомовская авиация 122

ХРОНИКА

ИГИ АН РС(Я): события и достижения 2004 года 127

При использовании материалов журнала ссылка на него обязательна.

Уважаемые читатели!

С этого номера журнал открывает две юбилейные рубрики: “60 лет Победы в Великой Отечественной войне” и “70 лет Институту гуманитарных исследований АН РС(Я)”.

Рубрика “60 лет Победы в Великой Отечественной войне” открывается Указами Президента РФ В.В.Путина и Президента РС(Я) В.А. Штырова, посвященными празднованию 60-летия Победы. Редакция обращается к постоянным авторам журнала и к желающим стать его авторами с предложением опубликовать на его страницах свои статьи, воспоминания, фотоматериалы и т. д.

Рубрика, посвященная предстоящему в сентябре 2005 г. 70-летию Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), открывается публикацией Постановления СНК ЯАССР об организации Института языка и культуры ЯАССР. В этой рубрике найдут отражение важнейшие моменты истории старейшего научного учреждения Северо-Востока Азии: основные этапы становления и развития Института, счастливые и трагические страницы прошлых лет, судьбы и творческое наследие первых фольклористов, историков, языковедов, этнографов края. Особое внимание в рубрике будет уделено сотрудникам Института – созвездие выдающихся ученых и скромных тружеников – всех тех, кто составил славу и гордость якутской и российской гуманитарной науки.

Редакция журнала приглашает бывших и нынешних сотрудников Института, исследователей, краеведов, всех тех, кому небезразлична история и судьба отечественной науки, принять участие в формировании рубрики, пополнить ее своими воспоминаниями, материалами, фотографиями. Надеемся, что через призму истории нашего Института откроются новые интересные страницы истории республики и страны.

Редакция

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О подготовке и проведении празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов

Учитывая всемирно-историческое значение победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов и в целях координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и общественных объединений по подготовке и проведению празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации до 2003 года организовать с участием Российского организационного комитета "Победа" разработку перечня основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (далее именуются - праздничные мероприятия).

2. Возложить на Российский организационный комитет "Победа" координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и общественных объединений по подготовке и проведению праздничных мероприятий.

3. Российскому организационному комитету "Победа" совместно с Министерством иностранных дел Российской Федерации обратиться к правительствам государств бывшей антигитлеровской коалиции и других государств, а также к международным и национальным неправительственным организациям с предложением

принять участие в подготовке и проведении праздничных мероприятий.

4. Министерству иностранных дел Российской Федерации обеспечить необходимое политико-дипломатическое содействие в проведении праздничных мероприятий.

5. Федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации:

принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных 60-летию разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской и Курской битвах, снятия блокады Ленинграда, а также другим важнейшим событиям Великой Отечественной войны 1941-1945 годов;

оказывать всемерную помощь ветеранам Великой Отечественной войны в решении вопросов их социальной защиты;

оказывать содействие органам местного самоуправления в приведении в порядок воинских захоронений и мемориальных комплексов, в поиске и захоронении останков воинов, погибших при защите Отечества.

6. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент

Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
5 августа 2002 года
№ 841

САХА РЕСПУБЛИКАТЫН
ПРЕЗИДЕНИН

ЫЙААҔА

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

О подготовке и проведении празднования
60-й годовщины Победы в Великой Отечественной
войне 1941-1945 годов

9 мая 2005 года исполняется 60-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Отдавая дань глубокого уважения бессмертному подвигу и мужеству защитников Родины, самоотверженности тружеников тыла, преклоняясь перед светлой памятью павших при защите Отечества и в целях координации деятельности органов исполнительной власти республики, органов местного самоуправления и общественных объединений по подготовке и проведению празднования 60-й годовщины Победы, постановляю:

1. Правительству Республики Саха (Якутия) (Назаров С.Н.):

1.1. Разработать и утвердить Программу подготовки и проведения празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов в республике во II квартале 2003 года.

1.2. Предусмотреть в инвестиционных программах 2003-2005 годов финансирование строительства новых и завершения строящихся в течение нескольких лет жилых домов для ветеранов в улусах (районах) и городах республики, а также на текущий и капитальный ремонт их жилья.

1.3. Предусмотреть в бюджете Республики Саха (Якутия) средства на единовременную материальную помощь инвалидам и участникам войны, вдовам погибших и умерших воинов в связи с юбилеем Победы.

2. Министерству труда и социального развития Республики Саха (Якутия) (Песковская Ю.А.) в срок до 1 апреля 2005 года обеспечить спецавтотранспортом всех инвалидов Великой Отечественной войны, состоящих в списках на очереди по медицинским показаниям.

3. Министерству здравоохранения Республики Саха (Якутия) (Егоров И.Я.) организовать с выездом врачей республиканских, улусных лечебно-профилактических учреждений на местах проведение полной диспансеризации участников войны и ветеранов трудового фронта в рамках мероприятий юбилея Победы.

4. Учредить 10 грантов Президента Республики Саха (Якутия) по 50 тысяч рублей на республиканский смотр памятников воинам-якутянам, павшим в боях за Родину, в улусах (районах) и городах республики в честь юбилея Победы.

5. Руководителям органов местного самоуправления, министерств и ведомств, предприятий, организаций и учреждений республики вести целенаправленную работу по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 60-летию Победы, окружению вниманием и заботой участников войны и труженников тыла, усилению военно-патриотического воспитания подрастающего поколения, широкому освещению в средствах массовой информации о массовом героизме народа на фронтах и в тылу, о ходе выполнения Федерального закона «О ветеранах» и законов Республики Саха (Якутия) по социальной защите ветеранов.

6. Поручить Республиканскому организационному комитету «Победа» (Акимов А.К.), Совету ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Республики Саха (Якутия) (Дохтуров А.Л.) координировать деятельность органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и общественных объединений по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 60-летию Победы.

7. Настоящий Указ опубликовать в республиканских газетах «Якутия» и «Саха сирэ».

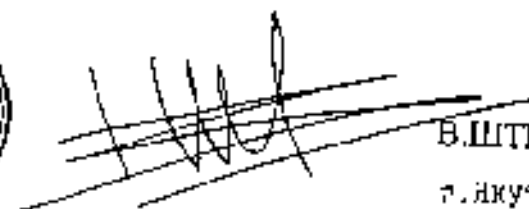
8. Контроль за исполнением настоящего Указа возложить на Вице-президента, Руководителя Администрации Президента и Правительства Республики Саха (Якутия) Акимова А.К.

Президент
Республики Саха (Якутия)

25 декабря 2002 года

№ 666

В.ШЧЫРОВ
г. Якутск

Победа добыта огромной ценой

В.Н.Иванов

9 мая 1945 г. Эта дата навсегда вошла в историю нашего Отечества и всего Человечества. В ожесточенной вооруженной борьбе против фашистских агрессоров народы Советского Союза отстаивали независимость своей Родины и внесли самый весомый вклад в борьбу за спасение мировой цивилизации от чудовищного “нового порядка”, оскверненной самой реакционной идеологией — фашизмом.

Война, развязанная в 1939 г. гитлеровской Германией, приняла мировой характер и велась на трех континентах — в Европе, Азии и Африке. Если в Первой мировой войне участвовало 36 государств с населением 1050 млн. чел., то

во Второй мировой войне — 61 государство с населением 1700 млн. чел., т.е. около 80% всего человечества.

Вторая мировая война привела к гигантскому напряжению всех сил участвовавших в ней государств. В их армии было призвано 110 млн. чел., больше, чем в Первую мировую войну. В 1914–1918 гг. США, Франция, Италия, Германия и Россия вместе произвели 190 тыс. самолетов, 9,2 тыс. танков, около 140 тыс. артиллерийских орудий, 838 тыс. пулеметов и 33,1 млн. винтовок. Во много раз больше потребовала Вторая мировая война. США, Англия, Германия за 1939–1945 гг. и Советский Союз за 1941–1945 гг.

Василий Николаевич
Иванов,

д.и.н., директор ИГИ АН РС(Я).

произвели 653 тыс. самолетов, 287 тыс. танков, свыше 1 млн. артиллерийских орудий, более 4,8 млн. пулеметов (без Германии), 53 млн. винтовок, карабинов и автоматов.

Участие в борьбе многомиллионных армий, увеличение их огневой мощи привели к гигантским разрушениям и людским потерям. Только в Европе (без Советского Союза) разрушения в период Второй мировой войны исчисляются в 260 млрд. дол. — почти в 3,5 раза больше, чем за годы Первой мировой войны. Общее количество средств, поглощенных Второй мировой войной, включая прямые военные расходы и материальный ущерб, исчисляется колоссальной цифрой — 4 трлн. долларов. Человечество уплатило Второй мировой войне чудовищную дань — 50 млн. погибших. Это в 5 раз больше, чем в Первую мировую войну. Миллионы людей остались калеками, вдовами и сиротами.

Советский Союз на протяжении длительного времени фактически один вел ожесточенную борьбу с фашистскими агрессорами, с гитлеровской военной машиной. Это было, по существу, единоборство двух государств, если хотите, двух систем, ибо германский фашизм преследовал не только империалистические цели — захват земель, ограбление и порабощение народов, но и уничтожение социалистического государства. И именно поэтому защита Отечества определила бескомпромиссный характер борьбы всех народов Советского Союза против германских фашистов — ударного отряда наиболее воинствующей

части реакционных сил мира.

В жесточайшем поединке с фашизмом народы Советского Союза понесли наиболее тяжелые потери. Из 50 млн. жертв войны на долю Советского Союза, как выяснилось в последнее время, пришлось более 20 млн. чел. Редкая семья в стране не носила траур по погибшим на войне. Фашистские захватчики причинили колоссальный материальный ущерб Советскому государству. На захваченной врагом территории страны гитлеровцы разрушили 1710 городов и рабочих поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень, превратили в развалины 32 тыс. промышленных предприятий, подорвали 65 тыс. км. железнодорожных путей, разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС. Материальный ущерб, нанесенный Советскому государству, составил 2 трлн. 569 млрд. руб. (в довоенных ценах). Однако никакая статистика не в состоянии полностью оценить масштабы потерь, понесенных народами нашей страны в годы Великой Отечественной войны.

Каковы же итоги и уроки минувшей страшной войны? Я попытаюсь ответить на этот вопрос в общих чертах.

Первое. Готовя нападение на Советский Союз, гитлеровские стратеги рассчитывали на молниеносную войну. Однако первые же месяцы военных действий показали авантюристичность их планов, и ожидаемая быстротечная военная компания приобрела характер длительной войны. Дело в том, что враг столкнулся с упорным сопротивлением буквально всех народов страны и их ар-

мии. Он встретил такое сопротивление, которого не было нигде в Западной Европе.

Около четырех лет длилась борьба на советско-германском фронте — решающем фронте Второй мировой войны. Основные силы фашистской Германии и ее союзников были сосредоточены на советско-германском фронте. Его протяженность составляла от 3 тыс. до 6 тыс. 200 км., тогда как протяженность Северо-Африканского и Итальянского фронтов не превышала 300—500, Западного — 800 км. С 22 июня 1941 г. до середины 1944 г. на советско-германском фронте действовало от 190 до 270 дивизий противника, а против вооруженных сил США и Англии в Северной Африке — от 9 до 20 дивизий, в Италии — от 7 до 26 дивизий. И после открытия союзниками второго фронта в Европе Восточный фронт продолжал оставаться главным во Второй мировой войне. Следовательно, на протяжении всех лет войны на народы Советского Союза обрушилась почти вся мощь военной техники и живой силы фашистской Германии. Такую мощь могла выдержать только такая страна, которая имела могучие Вооруженные силы и народ, готовый на огромное самопожертвование, на великий подвиг.

Второе. В боях против Вооруженных сил Советского Союза немецко-фашистская армия понесла и основную массу потерь — до 10 млн. солдат и офицеров при общих ее потерях 13,6 млн. чел. Урон, нанесенный ей на советско-германском фронте, был в 4 раза больше, чем на Западно-европейском и Средиземно-

морском театрах военных действий вместе взятых, а по числу убитых и раненых — в 6 раз больше. За время войны Вооруженные силы СССР уничтожили, взяли в плен или разгромили 507 дивизий фашистской Германии, разбили 100 дивизий ее союзников, а в конце войны нанесли поражение сильной Квантунской армии Японии. Вооруженные силы США и Англии нанесли поражение не более чем 176 немецко-фашистским дивизиям.

Я привел эти данные, может быть, известные большинству читателей, чтобы еще раз особо подчеркнуть несоизмеримость вклада, внесенного в разгром фашизма Советским Союзом, с одной стороны, и его союзниками по антигитлеровской коалиции — с другой. Это неоспоримые факты, и они подчеркивают историческое значение великого подвига всех народов страны, совершенного во имя отстаивания независимости своего Отечества, за свободу и счастье народов.

Третье. Нелегким был путь нашей страны к победе. В первые 17 месяцев войны Советскому Союзу пришлось выдерживать наиболее суровые испытания, познать горечь серьезных военных неудач и поражений. Внезапный и мощный удар вооруженных сил фашистской Германии дал врагу уже в начале войны ряд преимуществ. На всем огромном фронте вторжения гитлеровское командование захватило стратегическую инициативу. Красная армия вынуждена была вести оборонительные сражения. Ленинград оказался в блокаде. Поздней осенью

1941 г. немецко-фашистские войска вышли на подступы к Москве. Над всей страной нависла смертельная опасность. Страна понесла крупные людские и материальные потери.

Именно в это время войны Красной армии, все народы проявили невиданные в истории самоотверженность, стойкость, мужество и непоколебимую веру в возможность победы над опасным противником. Хотя враг и глубоко вторгся в пределы страны, но он встречал такое упорное сопротивление, которого не было ни на одном театре военных действий Второй мировой войны. Уже в Смоленском сражении советские войска достигли первого стратегического успеха. По нацистской доктрине “молниеносной войны” был нанесен серьезный удар. А в битве под Москвой враг потерпел жестокое поражение — первое с начала Второй мировой войны. Созданный фашистской пропагандой миф о “непобедимости” немецко-фашистских войска был окончательно разрушен. Гитлеровская стратегия “блицкрига”, включавшая масштабные мероприятия в политической, экономической, военной сферах и оправдавшая себя на Западе, потерпела полный крах в войне с Советским Союзом. Фашистская Германия встала перед необходимостью вести затяжную войну. Разгром гитлеровцев под Москвой положил начало коренному повороту в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне в целом.

Однако враг не отказался от своих первоначальных планов. Об этом свидетельствуют события 1942 г. на нижней Волге

и на Кавказе. Затем была грандиозная по напряженности и ожесточению Сталинградская битва, увенчанная окружением и полным разгромом 33-тысячной немецко-фашистской армии и определившая коренной перелом как в ходе Великой Отечественной войны, так и Второй мировой войны в целом. В мировой истории не было военной победы, подобной той, которую одержали советские войска на Волге.

Затем враг был сокрушен на Курской дуге, в битве за Днепр и Правобережную Украину, в боях на Северном Кавказе. Нелегкие это были победы, но каждая из них приближала окончание войны. В январе 1944 г. была окончательно прорвана блокада Ленинграда, а весной советские войска вышли на государственную границу Советского Союза. Отныне перед Красной армией встала другая задача — задача большой политической важности: завершить изгнание врага за пределы нашей страны и оказать помощь народам Европы в освобождении от фашизма. Затем последовали операции гигантского масштаба по освобождению Румынии, Польши, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Австрии и других стран и взятие Берлина и, наконец, освобождение Праги. Фашистская Германия капитулировала. Война в Европе завершилась. С разгромом милитаристской Японии кончилась Великая Отечественная война и Вторая мировая.

Как видно, Советский Союз нашел достаточно сил для того, чтобы не только выдерживать натиск сильного опасного противника, но и одержать

над ним победу, которая имела всемирно-историческое значение.

Четвертое. Войну выиграли все народы Советского Союза. Они не позволили сбыться надеждам Гитлера и его подручных на разжигание национальных междоусобиц, на разлад в многонациональном государстве. Произошло обратное — народы Советского Союза объединились против общего врага, в едином строю героически сражались во имя защиты своей Отчизны, своего общего дома. Плечом к плечу с представителями других народов защищали Родину и якутяне. Всего за годы войны из 18 центральных районов нашей республики было призвано в ряды Красной армии 62091 чел., в том числе в 1941 г. — 17179, в 1942 г. — 23747, в 1943 г. — 13984 и в 1944 г. — 5068. Из числа мобилизованных на фронт вернулись обратно в Якутию 37950 чел., более 6000 пропали без вести.

Якутяне участвовали во всех крупнейших сражениях Великой Отечественной: под Москвой и Сталинымградом, на Курской дуге, под Ленинградом и Харьковом, на рубежах Старой Руссы, на озере Ильмень, под Ржевом и т.д. На полях сражений они отличались как меткие стрелки и стали застрельщиками снайперского движения на фронте. Широко были известны имена Д.Н.Гуляева, А.А.Миронова, И.Н.Кульбертинова, Ф.М.Охлопкова, Г.Н.Федорова, В.И.Чувашева и других. 24 воина-якутянина удостоились высокого звания Героя Советского Союза, 5 якутян награждены орденами “Славы” всех трех степеней (Г.А.Ерохин, Ю.В.Калаш-

ников, П.С. Лукнев, И.И.Околочев, Д.А.Петров). А всего за военные годы получили боевые награды более 2300 призванных из нашей республики.

Таким образом, якутяне на равных с представителями других народов стали участниками освободительной войны, внесли свой вклад в общую Победу и имена героев-якутян вполне справедливо вписаны золотыми буквами в анналы истории Великой Победы. Даже один пример Якутии показывает, что расчеты гитлеровской пропаганды на национальный раскол не только не оправдались, но и натолкнулись на еще большее единение народов, решившихся по своему естественному праву грудью защитить свою Отчизну, свой общий большой дом от врага, который пришел грабить и поработить их. Я думаю, что слова, сказанные Федором Охлопковым на боевой позиции: “Якутия моя здесь. Здесь отстаиваю я ее счастье”, — не были плодом пропагандистской шумихи, а шли от всего сердца. Я глубоко верю, что каждый россиянин думал и поступал так, ибо у него, кроме большого дома, была своя малая земля, были родной дом, семья и дети. Иного не было дано. И мы вправе гордиться, что славные сыны Якутии грудью защитили свой общий дом, сохранили его для будущих поколений.

Пятое. Победа была достигнута благодаря беспрецедентной в истории человечества организации военной экономики в Советском Союзе. Она прошла два больших этапа развития: перестройку хозяйства на обеспечение нужд фронта (июнь 1941 — июнь

1942 г.) и рост слаженного военного хозяйства (июль 1942 — сентябрь 1945 г.). Итог — за короткий срок была осуществлена перестройка промышленности на военный лад, основным элементом которой стало беспрецедентное в истории перебазируание важнейших предприятий на восток. Основной военной промышленной базой страны стали Поволжье, Урал и Сибирь. В восточных районах страны только за три года (1942—1944 гг.) было построено и введено в действие 2250 крупных промышленных предприятий — металлургических заводов и электростанций, доменных печей и угольных шахт, военных заводов и фабрик. Создавались новые отрасли и их предприятия. В эти годы в Якутии зародилась слюдяная промышленность, сыгравшая особую роль в создании боевой техники. В 1942 г. основано крупное Эмельджакское предприятие, дававшее стране ежегодно тысячи тонн высококачественной продукции.

6 января 1942 г. было принято постановление “О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока”. Якутский госрыбтрест был реорганизован в трест союзного значения. Была создана мощная производственная база: моторно-рыбопромысловые станции (МРС), 32 рыболовецких колхоза, 450 рыболовецких бригад, расширены старые и созданы 6 новых рыбозаводов. Изменилась и организация труда. В результате этого рыбаки Севера с 1941 по 1945 г. сдали государству свыше 400 тыс. центнеров рыбы, почти в 4 раза больше, чем за 5 довоенных лет. Фронт

требовал больше золота и олова, и предприятия трестов “Джугджурзолото” и “Якутзолото” возобновили движение под девизом “Хочешь врага победить в войне — план выполняя вдвойне и втройне”. Увеличилось число предприятий местной промышленности на 5 заводов и фабрик, 13 районных пищекомбинатов, 6 промкомбинатов, 7 промартелей. Речной флот в составе Ленского, Северо-Якутского, Янского, Колымо-Индигирского пароходств обеспечивал переброску боевых резервов из Якутии в воинские части и перевозку различных грузов для фронта и военной экономики. Авиация, кроме удовлетворения местных потребностей, выполняла большой объем работы по переброске наиболее ценных и срочных грузов для нужд фронта, обслуживала международные линии.

Военная экономика захватила и деревню, испытывавшую огромные трудности в условиях войны. Потеря богатейших сельскохозяйственных районов, резкое сокращение материально-технической базы, уход на фронт трудоспособного сельского мужского населения — все это тяжело сказалось на сельскохозяйственном производстве. Особенно тяжелыми были 1941 — 1943 гг. В 1944 г. в сельском хозяйстве наметился подъем, однако отставание его от довоенного уровня оставалось по-прежнему значительным. И все же, несмотря на чрезвычайные испытания, деревня с честью их выдержала. Колхозное крестьянство, работники совхозов и МТС выполнили свой патриотический долг. За 1941—1944 гг. государство заго-

товило 4264 млн. пуд. зерна, тогда как до революции Россия в период Первой мировой войны (1914—1917 гг.) получила лишь 1399 млн. пуд. Успешное решение проблемы продовольствия и сырья было ярким свидетельством трудового подвига тружеников деревни, которые максимально мобилизовали резервы и внесли важнейший вклад в победу над фашизмом.

Якутская деревня также испытала действия всех факторов военной экономики страны. В условиях войны республика, не рассчитывая на помощь других регионов, сама должна была обеспечивать себя всем необходимым, а тот резерв, который завозился ранее, отправлять на нужды армии. Это была трудная задача, учитывая, что в первые два года войны не хватало запасов сена из-за сильной засухи. Зимой 1941/42 гг. в 40—50-градусный мороз по пяти районам из-за недостатка кормов колхозам пришлось осуществлять массовый перегон скота — 13234 головы крупного рогатого скота и 7100 лошадей.

В первые годы войны поголовье скота, находившегося в личной собственности колхозников, резко сократилось. К концу 1942 г. у них осталось лишь 28% рогатого скота и 9% лошадей по сравнению с 1940 г. По данным 22 районов на 1 января 1943 г., 45% хозяйств оказались бесскотными, а 51,2% — без коров. Такое положение объяснялось двумя обстоятельствами. Во-первых, как известно, в период войны был введен военный налог, выпускались военные займы, проводились денежные сборы, связанные с мобилизацией ма-

териальных ресурсов и средств населения на нужды войны. Для уплаты всех платежей колхозники получали средства, в основном, путем забоя и реализации личного скота. Во-вторых, это объяснялось засухой, отсутствием достаточного количества кормов. Если в 1940 г. валовый сбор сена составлял 666,9 тыс. т., то в 1942 г. было заготовлено 585 тыс. т., сена. Кроме того в связи с неурожаем зерновых резко возросла потребность в мясных продуктах, которые колхозники получали путем забоя личного скота.

Как известно, в 1942 г. часть хлебных районов страны в результате оккупации была временно утрачена, и основная тяжесть по производству хлеба легла на тыловые восточные районы, в том числе и на Якутию. Этим объясняется, что на 1943 г. значительно расширилась посевная площадь; посеvy зерновых увеличились на 16,4%, овощей — на 3,7%, картофеля — на 50,4%.

Положение в якутской деревне осложнялось тем, что из-за призыва в армию и мобилизации в промышленность мужская рабочая сила сократилась на 60 с лишним процентов. В 1942 г. от засухи погибло 32% посевов. Хлебный дефицит в сочетании с острым недостатком других основных видов питания: мяса, масла, молока — очень задела крестьянское хозяйство.

Все эти трудности создавали чрезвычайную ситуацию. Итог — голод 1941—1943 гг., во многом искусственно вызванный в результате непродуманной жесткой политики руководства, вследствие завышенных денежных и натуральных

платежей, займов, мясopоставок, взысканных с населения с грубыми нарушениями. Хорошо известно переселение чуррапчинских колхозников в северные районы, приведшее ко многим трагическим последствиям.

Весной 1943 г. тяжелое положение якутских сельчан стало предметом разбирательства со стороны высших партийных органов страны. Комиссия выяснила, что за три года войны общее поголовье крупного рогатого скота в республике уменьшилось на 170 тыс. голов, лошадей — на 49 тыс., почти прекратился рост поголовья оленей. Чтобы исправить создавшееся положение, государство предоставляло кредит колхозникам, в первую очередь семьям красноармейцев для обзаведения скотом. В результате в 1943 г. поголовье скота, находящегося в личной собственности крестьян, выросло на 10,6%. Продолжало увеличиваться и в последующие годы.

Что касается общественно-го скота в колхозах, то в 1945 г. довоенный уровень поголовья был превзойден по крупному рогатому скоту на 43%, по оленям на 50% и т.д. Благодаря невероятным усилиям женщин, стариков и детей в тылу в годы войны республика сдала государству 122032 ц. мяса и 584938 л. молока, 488499 ц. зерна.

В фонд обороны было внесено денежных сборов, облигаций госзаймов на общую сумму 380660 тыс. руб., драгоценными металлами (золотом, серебром) 553 кг., теплыми вещами — 367 тыс. комплектов. На строительство боевой техники (танковых колонн и са-

молетов) трудящиеся Якутии внесли 27068 тыс. руб.

В целом же сельское население Якутии в годы войны совершило настоящий трудовой подвиг, причем основная тяжесть этого подвига легла на плечи женщин. Значительна роль школьников, молодежи и трудовой интеллигенции.

Я привел все эти данные и положения для того, чтобы еще раз напомнить, что и экономика нашей республики стала составной частью военной экономики всей страны, и она на равных с экономикой других регионов работала во имя укрепления обороноспособности страны, усиления боевой мощи армии, во имя приближения и достижения Победы.

Мы, якутяне, имеем законное право гордиться тем, что вместе со всеми народами Советского Союза ковали общую победу и тем участвовали во всемирном процессе освобождения человечества от господства фашизма.

Дальновидные политики, честные люди Земли признают, что Победа в Великой Отечественной войне имела глубокое всемирно-историческое значение. Не подлежит никакому сомнению и тот исторический факт, что победа в Великой Отечественной войне изменила мир. Благодаря победе были созданы исключительные условия для развития народов Европы и других континентов по пути мира и демократии. Мы говорим, что в последние десятилетия социальный и политический облик мира изменился в лучшую сторону. Уверен, что это результат учета позитивных и негативных уроков Великой Победы в Вели-

кой Отечественной войне и во Второй мировой. К сожалению, об этом стали забывать или вовсе перестали говорить. Но мир и сейчас не свободен от оздоровительного дыхания Победы, от ее благотворительного влияния. Другое дело, что кое-где кое-кто не сумели и не умеют пользоваться плодами Победы, и не вина Победы в том, что так происходит.

Уроки Победы высветили такие качества, как мудрость, воля и патриотизм. Эти качества присущи не только отдельному человеку, но и в особом синтезированном виде — всему народу. Именно народ — главный герой и творец Победы. Именно его многотерпение и способность принести на алтарь военного успеха невиданные жертвы предопределили исход величайшей в истории войны.

Именно в духовной толще народа мы должны искать самые глубокие истоки нашей победы, которая до конца и в полном объеме не оценена и сейчас. Река времени уносит дни мая 1945 г. все дальше и дальше. А наша память сохраняет для потомков те далекие незабываемые дни, куда можно вернуться только мысленно.

Война доказала, что именно человек с его потребностями, интересами, инициативностью — “не винтик”, “не колесо” в сложном общественном механизме, а определяющая, движущая сила, носитель неиссякаемой энергии, приводящей этот механизм в действие, но эта сила становится реальной, если организована, имеет конечные цели действия. В период войны такую организованность придал прежде всего человеческий фактор — сгусток

народной энергии, воли к победе.

В заключение хотелось бы сказать еще об одном. В последние годы пристальный интерес проявляется к “темным” сторонам предыстории и хода военной “четырёхлетки”, что приводит многих порой к тяжёлым разочарованиям в том, что принято было считать едва ли безупречным. Однако подвиг народа в войне был и навсегда остаётся символом нашей патриотической гордости:

деяние вождей, полководцев, офицеров и солдат должны стать предметом исследований, свободных от каких-либо соображений, кроме поиска истины. Мы знаем, что сейчас воспоминания о массовом воодушевлении, жертвенности, героизме, талантливости военного поколения переплетаются с горьким осознанием проявившихся тогда профессиональной некомпетентности, а подчас и жестокости, трусости, предательства и других по-

роков, свойственных людям независимо от знаний и рангов. Война обнажила не только могучий дух народа, но и изъяны в нашем обществе, испытывавшем все последствия атмосферы культа личности. Все это мне ещё раз говорит о том, что Великая Победа была добыта огромной ценой, а понимание её исторического значения возможно только на уровне науки, на основе объективного научного изучения.

Пушной промысел во время Великой Отечественной войны

Э.М.Яковлев

Во время войны очень большое значение приобрела добыча и заготовка пушнины. В те суровые годы она являлась ценнейшим материалом для зимнего обмундирования бойцов Красной армии, а также шла на экспорт, служила важным источником пополнения валютного фонда Советского Союза и роста боевой мощи Вооруженных сил страны.

В охотничьем промысле была задействована многотысячная армия охотников и сборщиков-заготовителей. Они не жалели своих сил и труда, чтобы поставлять для нужд страны и фронта это ценное богатство нашего северного края, приобретенное в

те тяжелые времена важное оборонное значение.

Осенью 1941 г. охотники Якутии вышли на свой первый военный пушной промысел с одной твердой мыслью – дать стране как можно больше пушнины. Несмотря на трескучие морозы, полярную ночь они самоотверженно трудились над выполнением плана зимнего промысла. Многие из них добились очень высоких результатов. Например, бригада колхоза “Победа” Верхоянского района план IV квартала 1941 г. выполнила на 417%, бригада колхоза “Красная заря” Оленекского – на 442%. Не мало таких охотников-профессионалов, как Сергеев И., Иванов, Степанов, Христофо-

Эдуард Михайлович
Яковлев,
зав. отделом НА РС(Я).

ров, Николаев и другие перевыполнили свои обязательства в 4–6 раз больше намеченного¹.

На смену призванным на фронт кадровым охотникам пришли женщины, молодежь и ветераны промыслового дела. Новобранцы-охотники не подвели своих товарищей, ушедших защищать Родину от коварного врага. В IV квартале 1941 г. особенно отличились женщины-охотницы: М.Д.Иванова из Оленекского района, М.И.Гуляева из Сунтарского, Д.Н.Владимилова из Жиганского, Е.Д.Федорова, А.Н.Торговкина из Олекминского, А.Л.Габышева из Токкинского района, выполнившие по полторы-три промысловых нормы. Девять комсомольско-молодежных бригад Верхоянского района добыли и сдали государству “мягкого золота” на 44595 руб. при плане 40189 руб. Яркий пример ударного личного труда в пушном промысле показали ветераны-охотники: П.Е.Егоров из Амгинского района, И.С.Новгородов из Таттинского и др. И в целом благодаря успешной работе охотников и заготовителей, годовой план заготовки пушнины по республике был выполнен на 128%, в том числе план IV квартала 1941 г. на 114%².

За 1941 – первое полугодие 1943 г. было заготовлено около 4 млн. шкурок белки, 275 тыс. шкурок горностая, 50 тыс. шкурок колонка, 13 тыс. шкурок белого песца, свыше одной тысячи шкурок соболя. За этот период промысловики Якутии дали Родине на 5,5 млн. руб. пушнины сверх плана. На всю Якутию стали известны такие имена

знатных людей пушного промысла, как охотник колхо-

за им. Кирова Оленекского района Лука Христофорович Христофоров, награжденный нагрудным значком “Отличник охотничьего промысла СССР”, охотник колхоза им. Чкалова Оленекского района Николай Иннокентьевич Оболяков, участник ВСХВ, награжденный нагрудным значком “Отличник охотничьего промысла СССР”³.

В годы войны в пушнодобыче решающую роль играли северные районы Якутии. Они заготавливали от 52,3 до 59,7% общего пушного плана, при этом охотники этих районов составляли 48,1% общего числа охотников республики. Средняя добыча на одного охотника по северным районам была равна 6445 руб. против 4663 руб. по группе южных районов⁴.

С первых дней войны еще более обострились проблемы снабжения охотников боеприпасами и охотничьими принадлежностями. В условиях военного времени было пересмотрено в сторону уменьшения норм отоваривание дробью. Вместо 60 г. дробь и 3 патронов “Лонга” на одну шкуру белки полагалось всего лишь

40 г. дробь, была снижена норма отпуска на одну шкуру зайца – 20 г. дробь⁵.

Несмотря на это, промысловики Якутии, широко и умело применяя старинные методы охоты, в годы суровых испытаний не снизили высоких темпов пушнодобычи. В те времена ежегодно на пушной промысел выходило более 10 тыс. охотников. В результате массового выхода колхозников, преимущественно ветеранов-охотников, женщин, подростков, а также и других на пушной промысел и их самоотверженного труда было добыто и сдано государству “мягкого золота” на десятки миллионов рублей. Об этом свидетельствуют документы Национального архива РС(Я)⁶.

За период Отечественной войны охотники Якутской АССР сдали в валютный фонд СССР на 78 млн. руб. высококачественной пушнины. Сверх плана в особый фонд Верховного Главнокомандования Красной армии было внесено ценнейшей пушнины на 9 млн.руб.⁷ (таблица).

Год	Основные виды пушнины, тыс. шт.								Всего пушнины, тыс. руб.
	Белка	Горностай	Колоннок	Лисица	Песец	Заяц	Ондатра	Соболь, шт.	
1941	1487	147,0	28,2	3,1	21,1	2360	29,5	—	18508,0
1942	1809	101,0	16,2	5,7	13,7	1761	27,0	826	18306,0
1943	1973	67,0	9,5	10,8	16,0	1452	57,5	739	18363,0
1944	1433	144,0	9,4	25,5	35,3	824	70,2	1276	20878,0
1945	1569,9	131,1	6,6	14,1	21,4	315,8	56,9	2139	18959,6

Это был неоценимый вклад охотников и заготовителей пушнины далекого Севера в дело победы и рост вооружения Красной армии, ибо якутская пушнина преимущественно шла на экспорт.

В заключение можно сказать следующее: во-первых, благодаря героическому труду многих тысяч охотников, особенно северных районов рес-

публики: эвенов, юкагиров, эвенков, якутов и других, — Якутия в период Великой Отечественной войны являлась одним из главных поставщиков “мягкого золота”; во-вторых, интенсивный плановый охотничий промысел за годы войны привел к сокращению пушных ресурсов. Например, резко уменьшилась численность белки, зайца, лисицы, гор-

ностая, песца и ондатры. Природные запасы колонка были сильно истощены, и в 1946 г. встал вопрос о запрете добычи этого зверька по всей территории Якутской АССР⁸, в-третьих, пушникам Якутии предстояла в послевоенные годы долгая и кропотливая работа по восстановлению промыслового фонда нашей республики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ *НА РС(Я)*. Ф. 50. Оп. 1. Д.1934. Л. 5(об).

² *Там же*. Л. 5(об).

³ *Там же*. Ф. 650. Оп. 3. Д. 306. Л. 230(об). 231. 231(об).

⁴ *Там же*. Д. 313.Л. 679(об).

⁵ *Там же*. Д. 307. Л. 81.

⁶ *Там же*. Д. 313. Л. 679.

⁷ *Вклад народов Якутии в дело Победы (1941–1945 гг.)*. Трудовой подвиг трудящихся Якутии. — Якутск, 1985.— С.362.

⁸ *НА РС(Я)*. Л. 618. 818(об). 621. 623.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 701
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ЯАССР
О СОЗДАНИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ЯАССР

17 сентября 1935 г.

1. В целях научного изучения якутского языка, литературы, искусства, истории и вопросов народного образования, научной разработки проблем их дальнейшего развития СНК считает необходимым создать при СНК ЯАССР Научно-исследовательский институт языка и культуры ЯАССР.
2. Утвердить положение о НИИ языка и культуры ЯАССР.
3. Утвердить директором НИИ языка и культуры ЯАССР тов. Ойунского П.А.
4. Утвердить ученым секретарем НИИ языка и культуры ЯАССР Потапова С. Г., врид. ученого секретаря утвердить тов. М. Слепцову.
5. Утвердить заведующими секторами:
 - а) по сектору языка и письменности — т. Сивцева Д.К.;
 - б) по сектору литературы и искусства — т. Заболоцкого Н.;
 - в) по сектору народного образования и истории — т. Донского С.Н. (младшего) по совместительству.
6. Для отбора действительных членов института — создать комиссию в составе: т. Скрыбина (Культпроп ОК ВКП(б)), т. Иванова (врид. Пред[седателя] СНК ЯАССР), т. Ойунского (дир. НИИ языка и культуры).
7. Личный состав действительных членов утвердить на очередном заседании Совнаркома ЯАССР.
8. Ассигнования на содержание института в 1935 г. (включая 2 машинисток и курьера) определить в размере сорока (40) тысяч рублей, предложить НКФину ЯАССР в пятидневный срок уточнить и утвердить смету института в пределах утвержденных настоящим постановлением штатов и размеров ассигнований.
9. Ассигнование на содержание института произвести: в сумме 20 т.р. за счет уменьшения ассигнования по разделу 19 — резервные фонды бюджета ЯАССР, источник ассигнования остальных 20 т.р. предложить НКФину ЯАССР изыскать в IV квартале с.г. и внести на утверждение СНК.
10. Часть расходов по приезду директора института т. Ойунского из Москвы в Якутск в сумме трех (3) тысяч рублей отнести на расходы по созыву языковедческой конференции, остальную часть принять на смету института.
11. Поручить Госплану проработать вопрос о строительстве в 1936 г. здания под Научно-исследовательский институт, предусмотрев соответствующий лимит.

П. п. зам. председателя Совета
народных комиссаров Якутской АССР
За управляющего делами Совета
народных комиссаров Якутской АССР

Г.И.Иванов

А.К.Попов

Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 1. Л. 2-3. Заверенная копия. Машинопись. Постановление опубликовано в газете “Социалистическая Якутия” (1935. 9 окт.)

Город Вилюйск: события основания и переименования

(К 370-летию основания)

П.П.Петров

Пантелеймон Пантелеймонович
Петров,
к.и.н., с.н.с. ИГИ АН РС(Я).

Современной исторической наукой установлено, что возникновение города вызывается общей экономической, социальной, политической и культурной ситуацией. Но основание городов на территории Якутии, прежде всего, было связано с освоением новых земель русскими казачьими отрядами. В результате их деятельности в 30–40-е гг. XVII в. по берегам рек и на других удобных местах появлялись остроги, острожки и ясачные зимовья. При благоприятном стечении социально-экономических обстоятельств некоторые из них, в том числе и Верхневилуйское зимовье, постепенно превратились в городские поселения. В этой

связи следует сказать, что одной из важнейших задач исторической науки является установление точной даты основания городов – центров определенных территорий (уезд, провинция, комиссарство, округ, район). Между тем, среди краеведов и ученых до сих пор существуют разные точки зрения по поводу датировки оснований того или иного населенного пункта.

Ныне покойный вилюйский краевед Н.Г.Баишев в республиканской печати неоднократно ставил вопрос о необходимости разобраться в тех разногласиях между историками и тех разночтениях в архивных материалах, которые, начиная с середины XIX в. по

сей день, наслаиваясь друг на друга, в итоге создали трудно-разрешимую проблему определения даты возникновения одного из старинных населенных пунктов Якутии – города Вилюйска, который в системе административного устройства края с XVII в. имел непреходящее значение.

Николай Георгиевич, во-первых, считал, что дата возникновения Верхневилуйского зимовья, определенная 1634 г., за неимением архивных материалов, остается еще недоказанной; во-вторых, Верхневилуйское зимовье не является предшественником современного Вилюйска; в-третьих, Оленск и Вилюйск – это один и тот же населенный пункт тогдашней Якутии, основателем которого можно считать чиновника Е.Ф.Ромадина, построившего в конце XVIII в. силами ссыльных башкир и участников пугачевского восстания первые срубные дома.

Из исторической литературы известно, что на р. Вилюй было заложено три зимовья. Историк Б.О.Долгих приводит список зимовий с указанием года их основания: Вилюйское Нижнее (Усть-Вилюйское, 1636 г.), Вилюйское Среднее (1635 г.), Вилюйское Верхнее (1634 г.). В своем капитальном труде, изданном в 1960 г., он пишет: “Вилюйское Верхнее (или Верхневилуйское) ясачное зимовье восходит к ясачному зимовью в устье р.Туканки (совр. Тюкян), в котором в 1634–1635 гг. собирали ясак мангазейские служилые люди. Здесь, на правом берегу Вилюя, Верхневилуйское ясачное зимовье оставалось в дальнейшем. Когда Верхневилуйск был перенесен на свое

современное место, на 45 км вниз по Вилюю от устья р.Тюкян, нам неизвестно”¹.

Более близко к раскрытию темы, хотя придерживаясь другой точки зрения, подошли профессора Ф.Г.Сафронов и Г.П.Башарин. Но они данный вопрос решали попутно, уделяя свое основное внимание вопросам истории земледелия и административного устройства Якутии.

К сожалению, Б.О.Долгих, утверждая, что Верхневилуйское зимовье, поставленное мангазейскими казаками в 1634 г., находилось в устье р.Тюкян, свои выводы не подкрепил ни одним достоверным для нас источником. Его бездоказательные утверждения впоследствии без должного анализа взяли на вооружение наши маститые ученые. Более того Ф.Г.Сафронов, а затем Г.П.Башарин безоговорочно поддержали ошибочное мнение Б.О.Долгих о том, что Верхневилуйское зимовье, восходящее к казачьему поселению в устье р.Тюкян, когда-то было перенесено на то место, где сейчас расположено село Верхневилуйск! Это же зимовье, по их утверждению, во второй половине XVIII в. было перенесено в местность Оленнөөх, где в дальнейшем оно превратилось в город Оленск. Название этого города будто бы произошло от названия травы олен, произрастающей вблизи поселения. А история возникновения русского поселения под названием Вилюйск для Ф.Г.Сафронова, по его признанию, осталась неразгаданной тайной². Впоследствии он пришел к мнению, что параллельно с городом

Оленском существовало и зимовье Верхневилуйское.

При таком раскладе мнений Верхневилуйское зимовье как историческая основа становления и развития крупного населенного пункта действительно могло стать предшественником современного села Верхневилуйск. В то же время жители соседнего Вилюйского улуса и города Вилюйска, оспаривая, причем без должных аргументов, мнение известных историков, с завидным упорством торжественно отмечают юбилейные праздники, посвященные основанию Вилюйска, считая с 1634 г. Этот парадокс до сих пор служит благотворной почвой для развертывания за неимением архивных источников бесполезных, на самом деле, споров и дискуссий, которые вносят путаницу и неразбериху в определение даты основания как г. Вилюйска, так и с. Верхневилуйска – ныне центров одноименных улусов.

Кропотливо изучая историческую литературу и архивные материалы по данной проблеме, я как исследователь, продолжающий заложенные Ф.Г.Сафроновым традиции исторического городоведения Якутии, могу со всей ответственностью заявить следующее:

Во-первых, Верхневилуйское зимовье было основано в 1634 г., и не мангазейскими, а енисейскими казаками.

Во-вторых, Верхневилуйское зимовье было заложено на том самом месте, где сейчас стоит г.Вилюйск.

В-третьих, Верхневилуйское зимовье никогда и никуда не переносилось и официально не носило названия “города Оленска”.

В-четвертых, Верхневилуйское зимовье, таким образом, является исторической основой только одного поселения, а именно г.Вилуйска.

А теперь обратимся к аргументации этих выводов.

После основания Якутского (Ленского) острога на р.Вилуй енисейским атаманом И.Галкиным были отправлены служилый человек Посник Иванов “с товарищи” для ясачного сбора. Об этом событии в сборнике архивных документов “Материалы по истории Якутии XVII века” записано так: “Да в прошлом во 142 г. (1634 г. — П.П.) по государеву цареву великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу посылаемы енисейские служилые люди Посничко Иванов, Оничко Микитин с товарищи 13 человек по их челобитью в новую землю вверх по Вилуе реке на стороннюю реку Туню (совр. р.Тюнг. — П.П.) к новым и тунгусским улучего князца Гориулы сына иво Гориулева Килтюги. А государева ясаку новые прибыли под того аманата взяли они Посничко да Ничка с товарищи с того князца Гориулы и с его роду 80 соболей с хвостами”³.

Как видно из содержания этого документа, Посник Иванов провел зиму 1634 г. на Вилуе и за это время объясачил тунгусский род, кочевавший по р. Тюнг, что впадает с левой стороны в р.Вилуй, всего в нескольких километрах выше современного г. Вилуйска. В условиях Якутии он и его отряд не могли обойтись без жилого, в то же время укрепленного строения, где также должны были содержаться заложники.

О дальнейших событиях, имеющих для нас исключительно важное значение, повествует книга “Якутия в XVII веке (Очерки)”, вышедшая под редакцией видных историков России С.В.Бахрушина и С.А.Токарева. В ней мы находим весьма интересные сведения. Достигнув пределов р. Тюнг, на крутом яру отряд Посника Иванова после тяжелых боев с местным населением поставил в 1634 г. “острожец крепкой”, в котором они зазимовали. В течение всей зимы им пришлось выдерживать осаду и отбиваться от приступов тунгусов, но в конце концов, захватив аманатов, добились подчинения Торнуля (позднее имя расшифровано, как Гориула. По нашему мнению, Хорула или Хоро уола. — П.П.) и в Якутск принесли известие, что “та сторонняя Туна река судовая, и по ней тунгусских людей сидит много и многих родов”⁴. В отличие от Б.О.Долгих факт основания Верхневилуйского “острожка” или зимовья составители сборника подтверждают архивными источниками. Таким образом, Верхневилуйское зимовье было поставлено енисейскими казаками в 1634 г.

Здесь уместно напомнить, что землепроходец Посник Иванов после похода на р.Вилуй совершил переход через горные хребты и открыл верховья р.Яны. Он является одним из основателей Верхоянского и Зашиверского зимовий, ставших впоследствии городами и центрами обширных территорий.

Зимовья как один из типов временно обитаемых поселений известны в Сибири с XVII—XVIII вв. Они устраива-

лись в местах промыслов звероловами или сборщиками ясака. Из таких зимовий выросли города Иркутск, Илимское и многие другие. Иногда это были простые избы, но в условиях Якутии ясачные зимовья чаще были укреплены и походили на небольшой острожек. В последнем случае для их устройства выбирались хорошо защищенные места: высокие обрывистые места рек, овраги, наличие водоемов и др. В укрепленных зимовьях и острожках содержались аманаты (заложники. — П.П.), которых, естественно, пытались освободить их сородичи. Поэтому эти зимовья часто подвергались нападениям.

Для того, чтобы выяснить местонахождение Верхневилуйского зимовья, представленного П.Ивановым, рассмотрим ранние чертежи и карты, составленные еще в XVII—XVIII вв. Река Вилуй более или менее четко изображена на Ремезовском чертеже Восточной Сибири, “сочиненном” в конце XVII в. В нем обозначены все три зимовья. Однако местоположение Верхневилуйского зимовья показано выше “соляных ключей”, т.е. выше р.Кемпендяй, что, разумеется, тоже загадочно.

Примитивные и схематичные чертежи XVII в., где даже р. Вилуй часто в силу каких-то причин оставалась необозначенной, в следующем столетии сменили карты, основанные на математических вычислениях и выполненные при помощи инструментальной техники, что давало возможность избежать погрешностей и ошибок. Месторасположение Верхневилуйского зимовья более четко показано на карте Якутского уезда Иркут-

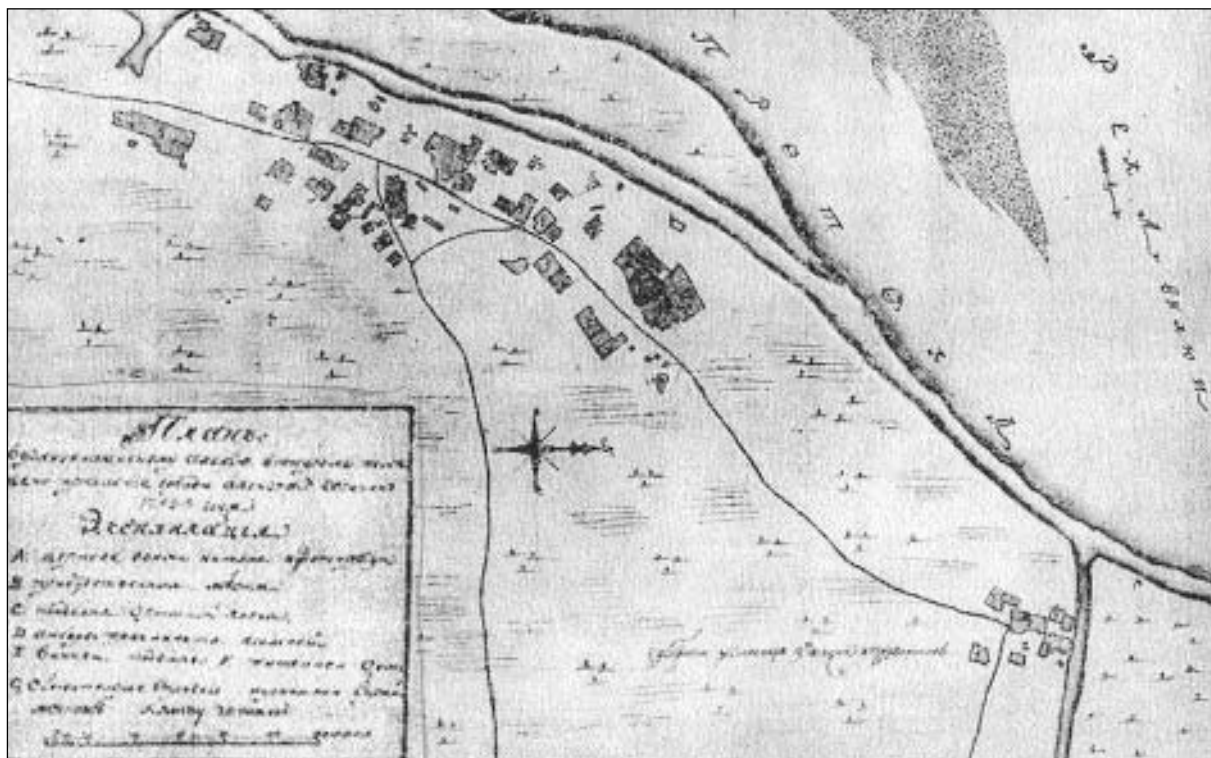

Рис. 1. План города Оленска. 1798 г. (“План Верхневилуйскому селению”)

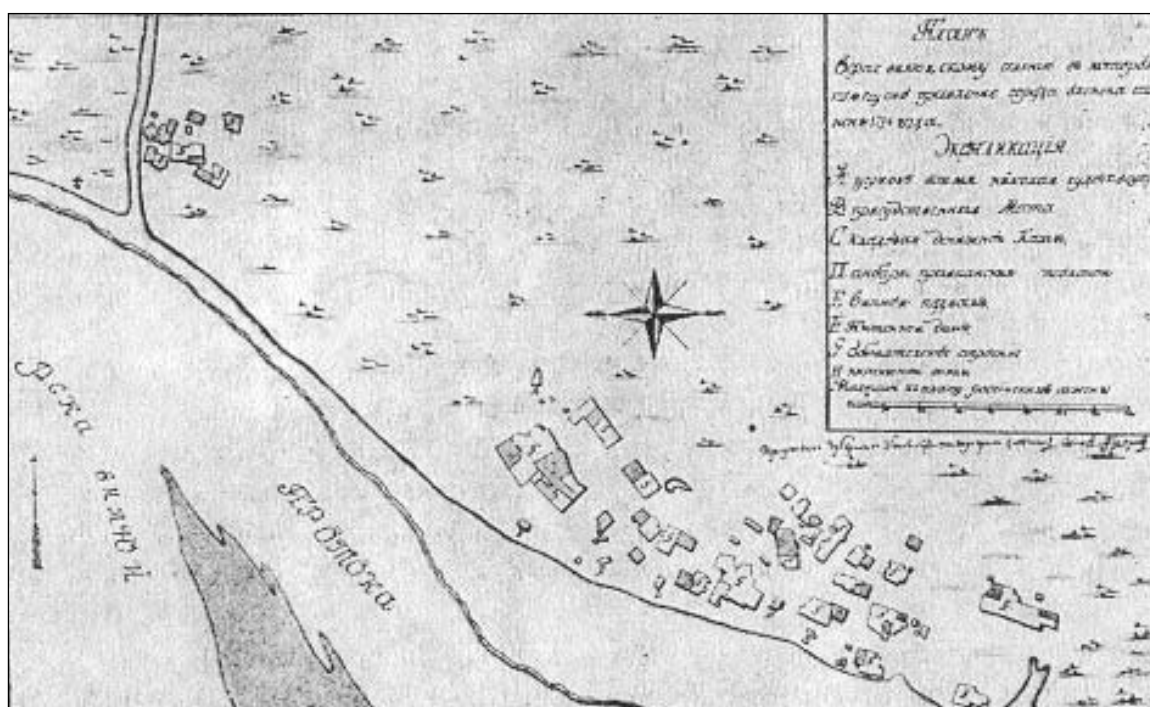

Рис. 2. План Верхневилуйска. 1798 г. (“План Верхневилуйскому селению”)

ской губернии, составленной Шехонским в 1749 г. Оно находилось между притоками Вилюя — Быракан и Чыбыда, на месте современного города Вилюйска. Этот факт может подтвердить и другая карта, выполненная Трескотом для атласа Ломоносова в 1776 г., на которой Верхневилуйское зимовье тоже было обозначено ниже р.Чыбыда, на правом берегу р.Виллой, т.е. на том месте, где в настоящее время расположен город Вилюйск.

Ф.Г.Сафронов в своих книгах “Русские крестьяне в Якутии” и “Русские на северо-востоке Азии” приводит 2 плана, названных в первой книге “Планом города Оленска 1798 года” (рис. 1), а во второй — “Планом Верхневилуйска 1798 года” (рис. 2). Это, по сути дела, план одного и того же населенного пункта. При ближайшем сравнительном рассмотрении всех обозначений двух планов, совпадающих вплоть до мелочей, их идентичность не подлежит никакому сомнению. Оригинал плана, возможно, был составлен губернским землемером 9-го класса Турчаниновым, которому было поручено составление планов городов Якутии. В 1798 г. он успел составить планы городов Якутска, Верхневилуйска и Зашиверска, впоследствии обнаруженные исследователями в архивах страны. В составленном Турчаниновым документе записано: “*План Верхневилуйскому селению, в котором помещено правление города Оленска* (выделено нами. — П.П.). Сочинен 1798 года”.

Второй план, по всей вероятности, представляет копию турчаниновского плана и снят

иркутским губернским землемером титулярным советником Федоровым. В этой копии была повторена запись с оригинала: “*План Верхневилуйскому селению, в котором помещено правление города Оленска. Сочинен 1798 года*”. Таким образом, становится понятным, что управление одним обширным регионом Якутии осуществлялось не из города Оленска, а из Верхневилуйского селения, в котором находилась администрация по управлению Оленским комиссарством, куда входила и часть вилюйских улусов за исключением Сунтарских “осьми наслегов”, которые были отнесены к Олекминскому комиссарству.

В этих планах четко видно, что Верхневилуйское селение было расположено на берегу протоки р.Виллой. Юго-восточная окраина селения упирается в овраг. А к северу от селения, в отдалении, на берегу речки, впадающей в Вилюй, расположены кирпичные сараи и “обывательские строения”. Среди других обозначений в плане выделяется церковь “во имя Николая Чудотворца”. Сравнение местности и строений Верхневилуйского зимовья, нанесенных в этих двух планах, с современной топографией г. Вилюйска, показывает, что Верхневилуйское зимовье находилось на том самом месте, где ныне располагается центральная часть города Вилюйска.

Наличие на Вилюе трех зимовий в течение XVII—XVIII вв. подтверждается архивными материалами по ясачному сбору, опубликованными отдельными книгами в трех частях в 1970 г. Но только

со второй половины XVIII в. Усть-Вилюйское и Средне-Вилюйское зимовья постепенно исчезают из документов ясачного сбора, упраздненные, вероятно, в связи с передачей функций сбора ясака якутским наследным князьям. К тому же эти зимовья в XVII — начале XVIII в. заселялись русскими служилыми людьми только на период сбора ясака, т.е. зимой. Об этом в книге “Цветущее состояние Всероссийского государства” И.К.Кирилов на основании документов середины 20-х гг. XVIII в., пишет: “...на той реке (Вилюй. — П.П.) в вершинах Верховилуйское зимовье, в котором одни избы, и приезжают в них на зиму приказчик с служилыми людьми с человеками з двадцатью для сбора ясачного и для перемены аманатов”.

В другом документе, датированном июлем 1764 г., сообщаются любопытные сведения: “В Средневилуйске острог огорожен стоячим полисадником старой ветхой мерою в длину 12, в ширину 10 сажень с северной и западной стороны ворота рубленные, над воротами анбар небольшой наподобие башенки, строения и изба ясашная рубленая, перед сеньми анбар ветхой, да при том три юрты, перед сеньми с анбарами да за палисадом одна юрта, при ней 2 анбара, да позади той юрты баня, все ветхие и к житию неспособныя и запущены с давних лет и стоит пуст. От вышеписанного острогу верстах в 30 построено прежними комиссарами, где состоит ныне Средневилуйское зимовье, строения ясашныя юрты с сеньми, при ней два анбара рубленых. Близ оной юрты анбар же, в

котором кладется збираемая во оном зимовье ясашная мяхкая рухлядь, да при ней 4 юрты, при них в анбаре, в которых жительство имеют приезжающие повсягодно за ясашным сбором комиссары с командою, а по отбытии ясашного зборушка бывают пустыи. В Верховилуийском церковь на имя святого Николая Чудотворца, деревянный, небольшой анбар казенной, да дом приезжающих камиссаров, обывательских домов священного сана и протчих чинов 7. При Верховилуийском и Жиганском зимовьях никакой крепости и ограждения не имеется”⁵.

Из содержания этого документа видно, что даже в середине XVIII в. Средневилюйское зимовье по числу построек немного превосходило Верхневилюйское. Но последнему, стоящему на берегу судходной части р. Вилюй, было отдано предпочтение строительством православной церкви, что дало возможность складыванию постоянно проживающего русского населения.

В доступном для читателя “Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона” о Вилюйске написано следующее: “Время основания Вилюйска мангазейскими казаками относится к первой половине XVII столетия. Первоначально он был известен под названием Верхневилюйского зимовья (волости), которое в 1775 г. при разделении Иркутской губернии на провинции и ведомства обращено было в комиссарство с причислением к Олекминскому острогу Якутской провинции; в 1805 г. образовано Вилюйское комис-

сарство. В 1822 г. Вилюйск назначен окружным городом Якутской области. От древнего города остался один деревянный столб около церковной ограды”.

Указание об основании Вилюйска мангазейскими казаками объясняется тем, что во времена присоединения Якутии к России весь бассейн Вилюя принадлежал вотчине мангазейских казаков, которые, пользуясь правом первого открытия р. Вилюй, оставили в своих руках сбор ясака с вилюйских тунгусов и якутов. Лишь после образования отдельного Якутского уезда в 1638 г. предводитель мангазейских казаков, действовавших на Вилюе, Воин Шахов перешел на службу к якутскому воеводе П.Головину, и Верхневилюйское зимовье вошло в систему административного устройства края, управляемого из Якутска. Видимо, поэтому енисейские казаки под командой Посника Иванова, поняв, что они вторглись в чужое владение, оставили основанное им Верхневилюйское зимовье в ведении мангазейских казаков в том памятном для них 1634 г. (об этом подробнее см.: сб. “Якутия в XVII веке”).

Еще о том, что Верхневилюйское зимовье было расположено в городской черте современного Вилюйска, говорят факты, изложенные в донесении управителя вилюйских зимовий И.Аргунова, написанном в 1770 г. В книге Ф.Г.Сафронова “Русское крестьянство в Якутии (XVII–XX вв.)” содержание этого донесения раскрывается таким образом: “Каждогодно в зимнее время подступает в жилые юрты жителей вода ис под земли, когда

выжимает морозом”, вблизи нет “угодья для житья, ко употреблению пищи, скоту выпусксков”, “не имеется хлебородства, и хлебных припасов для продажи в привозе мало бывает”, русские жители питаются мясом и рыбой, а потому “разсеясь, живут по разным местам”, в церкви зимой “подступает ис под земли вода так, што уже почти в алтаре до самого престола, и полы все поднимает”.

Такие случаи, когда в зимнее время, особенно в период сильных холодов, подмерзлотные воды, выходя наружу и образуя наледи, затопляли отдельные жилые дома, наблюдались только в Вилюйске и ни в одном другом городском пункте Якутии.

Ввиду невозможности проживания зимой в затопляемых водой “юртах”, И.Аргунов вошел в Якутскую воеводскую канцелярию с ходатайством о переносе зимовья на другое, более удобное место, т.е. он предполагал, по всей видимости, перенести жилые избы и юрты на более безопасный участок в пределах селитебной территории Верхневилюйского селения. Содержание интересного для нас документа, по данным Ф.Г.Сафронова, обрывается⁶. Однако ходатайство И.Аргунова исследователем было расценено как распоряжение к переносу зимовья на земли современных верхневилюйских якутов, что, конечно, не соответствует действительности.

Строительство казенных зданий на новом месте было всегда сопряжено со значительными расходами, которые ложились тяжелым бременем на не столь уж богатую

якутскую казну. Достаточно вспомнить, как иркутские и якутские администраторы тоже в 1770-е гг. безуспешно пытались строить на берегу р. Алдана одноименный город. Несмотря на нажим вышестоящих правителей и заинтересованность местных властей, тот проект остался на бумаге. Причем одно время резиденция Алданской воеводской канцелярии, не имевшей своего постоянного местопребывания, находилась в Амгинской слободе.

Еще одним, на этот раз верным свидетелем того, что Верхневилуйское зимовье никуда не переносилось, является строительство в нем первого на Вилюе православного храма, а именно церкви во имя Николая Чудотворца. История ее возведения связана с именем архиепископа Иркутского Иннокентия, который в начале 1740-х гг. путешествовал по вилюйским улусам. 12 августа 1741 г. высокопреосвященный Иннокентий дал указ сыну боярскому Канаеву и отставному служилому человеку Луке Санникову о постройке в Верхневилуйском зимовье церкви во имя св. Николая Чудотворца, о чем он также просил разрешения св. Синода в письме от 22 августа 1741 г. Церковь была заложена “ради многих новокрещенных из иноверцев” и освящена епископом в следующем году⁷. Деятельность первого православного храма в бассейне р. Вилюй дало толчок складыванию постоянного населения в Верхневилуйском зимовье, и во второй половине XVIII в. оно превращается в небольшое селение русских казаков, духовенства и чиновников.

В 1771 г. управитель вилюйских зимовий И.Аргунов, резиденция которого находилась в Верхневилуйском зимовье, подал рапорт в Якутскую воеводскую канцелярию о выполнении их распоряжения по выдаче якутским князьям медных печатей.

В 1775 г. Верхневилуйское зимовье становится центром комиссарства. 2 марта 1783 г. именным указом была образована Якутская область с уездами, одним из которых был Оленский, куда вошла часть вилюйских улусов. Этим же указом Оленск был возведен в разряд городов⁸. В деловых бумагах якутских бюрократов того времени он иногда пишется как “город Аленск”, что, конечно, неправильно. В некоторых архивных документах название Верхневилуйского селения иногда обозначается словом “город Оленск”, например, в отчете об экспедиции сержанта Степана Попова в 1794 г. Но ни в одном официальном документе якутских и вышестоящих администраций XVIII в. Верхневилуйск не обозначен как г. Оленск.

Местонахождение этого города до недавнего времени оставалось невыясненным, что давало повод для существования различных версий, как оказалось совершенно не соответствующих действительности. Наиболее была известна версия о местонахождении г.Оленска в местности Оленях, ныне известной под названием Остуорас, что в Верхневилуйском улусе.

Еще в конце XIX в. выяснением вопроса о местонахождении г.Оленска были озадачены русские исследователи. Публикация в 1889 г. “Посмертных

записок Николая Васильевича Берга” в февральском томе “Русской старины” вызвала “легкую полемику” между теми, кто выказывал сомнение в существовании когда-либо подобного города в Якутии, и теми, кто им возражал. Н.В.Берг еще ранее опубликовал весьма любопытное воспоминание “Из записок матушки моей о прежней Сибири”. Оказалось, что его мать родилась в Якутии в семье чиновника Е.Ф.Ромадина, который, по ее словам, занявшись строительством первых срубных домов в этом населенном пункте, явился основателем города Оленска. В последующем в связи с упразднением города Оленска семья Ромадина переехала в Иркутскую губернию.

Ф.Шперк, служивший чиновником в Якутском областном управлении в 1859–1860 гг., специально посвятил этому загадочному городу статью “Город Оленск”, помещенную в сборнике “Русская старина”. В этой статье он подробно рассмотрел всю справочную литературу о городах Якутии. На основании своих личных наблюдений в бытность работы в Якутске и также, изучив содержание официальных документов, Шперк подверг критике статью Н.Берга. Он выразил сомнение, что Ромадин является основателем города Оленска и пришел к мнению, что Верхневилуйское зимовье было переименовано в город Оленск⁹.

В действительности, г.Оленск находился не на территории современного Верхневилуйского улуса, а на берегу Ледовитого океана, вернее, на правом берегу устья р.Оленек, на

что также указывал и Ф.Шперк. Об этом свидетельствует тщательно составленная в 1798 г. с указанием всех населенных пунктов Якутии, карта Российской империи. В “Землеописании Российской империи” сообщается, что город Оленск находится “при устье Оленска” (Оленека. — П.П.). Он возник не на пустом месте. Еще в 30-х гг. XVIII в. в устье р. Оленек обнаруживается поселение русских зверопромышленников. С учреждением города немногочисленное население сельского пункта было переведено в разряд мещан. А русское население, проживавшее в вилюйских улусах и закрепленное в Верхневилуйском зимовье, также вынуждено было перейти в мещанское сословие. Поэтому на старинных сельских кладбищах в вилюйских наслегах можно обнаружить редкие надмогильные памятники с указанием, что здесь погребен “мещанин города Оленска”.

Вполне понятно, что в такую даль никто из чиновников не желал ехать. А со стороны вилюйских князцов посыпались жалобы на то, что “в город Аленск с ясачной кладью ехать опасно и невмочь”. На разных уровнях административной власти рассматривались несколько вариантов упразднения Оленска. Одним из них было представление иркутского губернатора Л.Нагеля “об упразднении городов Оленска и Акланска (Камчатская область. — П.П.) с обращением штатных сумм на обмундирование казаков и воинской команды Иркутской губернии”.

Указом императора Павла от 18 июня 1798 г., г. Оленск

был упразднен без ущерба для казны, поскольку уездное управление находилось в другом населенном пункте, а именно в Верхневилуйском селении¹⁰. Видимо, поэтому Верхневилуйское зимовье иногда называли Оленским. В нашем случае в походном журнале сержанта Степана Попова от 1794 г., в частности, записано: “20 апреля отправились из города Оленска по тракту к Сунтару чрез селения наследных князцов и выехали того числа 50 верст до чачуйского князца Николая Томского”¹¹.

В 1787 г. в Верхневилуйском селении проживало 57 “посадских и купецких” лиц, вошедших в разряд ревизских душ, т.е. в этой переписи, по сложившейся традиции, были учтены только лица мужского пола. Вероятно, в эти годы чиновник Е.Ф.Ромадин силами сосланных по делу восстания Пугачева уральских казаков и башкир, построил срубные дома, четко обозначенные в “Плане Верхневилуйского селения”, составленном в 1798 г. землемером Турчаниновым.

Несмотря на то, что в ведении Верхневилуйского комиссарства находилось второе по численности населения обширное пространство Якутии, в начале XIX в. иркутские чиновники чуть было не ликвидировали сложившуюся систему управления из Верхневилуйского селения. 17 декабря 1808 г. иркутский гражданский губернатор И.Б.Пестель отправил в Якутск указ о прикомандировании амгинского и верхневилуйского комиссаров в Якутский земский суд, так как якутский земский исправник много времени тратит на командировки в якутские улусы,

а в земском суде остаются “люди, безграмотные и дела никакого не знающие”. Поэтому гражданский губернатор посчитал, что верхневилуйский и амгинский “тамошние комиссары не имеют никакого почти занятия, а потому полагая, что оба сии комиссара с большею пользою могут быть употреблены в Якутском земском суде”. Пестель приказал амгинскому и верхневилуйскому комиссарам завершить все дела и с канцелярскими служителями и денежной казной “немедленно поспешить в Якутск, отнюдь не проживая напрасно”.

Но Якутское областное правление, не согласившись с мнением иркутского гражданского губернатора, рапортом от 21 января 1809 г. стало настаивать на сохранении Верхневилуйска как центра отдельного комиссарства. На основании этого рапорта 26 апреля 1809 г. вышел другой указ иркутского генерал-губернатора Н.И.Трескина, который, “находя изъясненные в оном затруднения, с коими сопряжено прикомандирование верхневилуйского частного комиссара в Якутский земский суд уважительными”, приказал: “1-е, вместо верхневилуйского комиссара прикомандировать в Якутской земский суд для исправления дел жиганского комиссара; 2-е, управление жиганским комиссарством по разделению Якутского областного правления поручить верхневилуйскому и зашиверскому комиссарам”¹². На основании этого указа жиганский комиссар вынужден был переехать в Якутск (в данном случае в должности жиганского комиссара служил отец

А.Я.Уваровского. — П.П.), а город Жиганск переведен “в заштат” и превратился в обычное село.

Таким образом, Верхневилюйское зимовье, поставленное енисейскими казаками в 1634 г., со строительством православного храма в 1742 г. по-

степенно превратилось в населенный пункт с постоянным населением. В этом селении одно время находилось управление Оленского комиссарства. Лишь в 1805 г. Верхневилюйское селение становится полноправным центром округа (комиссарства), а в 1822 г. по-

лучает статус города и переименовывается в Вилюйск, который со времени основания считался не только историческим, но и административным, экономическим и культурно-образовательным центром всего Северо-Западного региона Якутии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 470.
- ² Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978. — С. 206–208.
- ³ Материалы по истории Якутии. — М., 1970. — Ч. 1. — С. 19.
- ⁴ Якутия в XVII в. (очерки). — Якутск, 1953. — С. 36.
- ⁵ АСПб ФАН РФ. Ф. 3. Оп. 10“а”. Д. 199. Л. 241.
- ⁶ Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX века). — Якутск, 1963. — С. 93–95.
- ⁷ Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. — Иркутск, 1870. — № 38. — С. 467.
- ⁸ ПСЗРИ. — Т. 21. — С. 873. Русская старина. — СПб., 1892, июль. — Т. 75. — С. 238–244.
- ⁹ Русская старина. — СПб., 1892, июль. — Т. 75. — С. 238–244.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1407. Л. 22.
- ¹¹ Описание Иркутского наместничества 1792 г. — Новосибирск, 1988. — С. 228.
- ¹² НА РС(Я). Ф. 7-и. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–3.

Судьбы светлые и трагические

(К 100-летию Х.П.Шараборина)

В.К.Ефимова

В наше время далеко не всем известно имя Шараборина Христофора Прокопьевича, председателя Совнаркома ЯАССР в 1931–1937 гг., видного государственного деятеля Якутии, активного участника укрепления советской власти на Колыме и в Булуне.

Христофор Прокопьевич не принадлежал к числу соратников Аммосова, Ойунского, ему не пришлось устанавливать советскую власть, но ему пришлось защищать и отстаивать ее на далеком Севере и отдать много сил и энергии развитию культуры, образования и народного хозяйства ЯАССР.

В фондах Филиала Национального архива РС(Я) хранится немало документов, сви-

детельствующих о его жизни и деятельности.

Трудное, полусиротское детство научило его самостоятельности, способствовало раннему взрослению. До поступления в Якутский педагогический техникум в 1923 г. ему пришлось побыть батраком, сторожем, удалось окончить Олекминское городское училище, поработать сельским учителем. Летом 1924 г. Х.П.Шараборин после окончания I курса техникума в числе добровольцев постановлением Якутского ОК РКП(б) был направлен на Колыму в качестве учителя. По прибытию в Среднеколымск он был назначен не учителем, как предполагал, а председателем кооператива

Валентина Константиновна
Ефимова,
н.с. ФНА РС(Я).

“Север”. В декабре 1924 г. вдумчивый, серьезный не по годам, двадцатилетний молодой коммунист Х.П.Шараборин был избран секретарем Колымского окружкома РКП(б). Это было трудное время: установление советской власти на окраинах, борьба с остатками белых банд, защита и укрепление советской власти на местах. Молодому руководителю не хватало опыта, знаний, затрудняло работу отсутствие стабильной связи с центром. В 1925 г. он обращается с просьбой в обком РКП(б): “Находясь в Колымском округе полтора года, чувствую огромную отсталость во всех вопросах советского и партийного строительства, которая неизбежно отразится на предстоящей работе окружкома... Также ввиду моей неподготовленности к партработе прошу обком освободить меня от обязанностей секретаря”¹.

Летом 1926 г. Х.П.Шараборин вместе с супругой А.Г.Шарабориной-Синявиной выехали на учебу в Ленинград. После окончания Ленинградского Коммунистического университета осенью 1929 г. Х.П.Шараборин был направлен на работу в Булунский округком. Работа знакомая: укрепление советской власти, организация кооперативов по добыче пушнины, проведение коллективизации. В декабре 1929 г. антисоветский мятеж, арест руководителей округа, среди них и Х.П.Шараборина, подавление мятежа красными добровольческими отрядами. Несмотря на непродолжительность работы в Колымском и Булунском округах, Х.П.Шараборин прошел большую жизненную школу. Северные

окраины, огромные расстояния, отсутствие связи с центром научили его принимать решения самостоятельно, брать ответственность на себя.

В 1930 г. Х.П.Шараборин был переведен в распоряжение Якутского ОК ВКП(б) заведующим культпропотделом, его сфера — образование, культура, вопросы агитации, пропаганды, но он продолжает активно заниматься вопросами народного хозяйства. В январе 1931 г. на VIII пленуме Якутского ОК ВКП(б) Х.П.Шараборин выступает по вопросу определения ведущих отраслей народного хозяйства ЯАССР: “Мы сейчас должны определить ведущую отрасль промышленности, в цифрах выразить ее и исходя из этого строить программу развития остальных отраслей народного хозяйства так, чтобы добиться больших успехов в ведущей отрасли. Если мы берем данную установку ЦК на развитие цветной промышленности, то мы должны и транспорт, и сельское хозяйство построить так, чтобы лучше обслужить цветную металлургию... мы не должны ограничиваться только Алданом, мы должны развивать цветную промышленность и в других районах”².

В сентябре 1931 г. областной комитет партии назначает молодого перспективного руководителя председателем Совнаркома ЯАССР.

Председатель ЯЦИК А.Г.Габышев, председатель СНК ЯАССР Х.П.Шараборин (сидят), зам. председателя СНК С.М.Аржаков, член ЯЦИК В.Н.Суханов. 1936 г. Из семейного архива Г.Х.Шарабориной

Тридцатые годы — это годы индустриализации, развития народного хозяйства, создания новых отраслей промышленности, годы активного освоения северных окраин республики. Сразу же Х.П.Шараборин был назначен руководителем комиссии по разработке плана развития народного хозяйства ЯАССР во второй пятилетке (1932–1937 гг.). Планом было предусмотрено дальнейшее развитие добывающей промышленности, создание новых предприятий. В это время был организован “Якутстрой”, началось строительство Покровского кирпичного завода, Якутской центральной электростанции. В начале тридцатых был организован Якутский комбинат Комсеверпути, позже реорганизованный в Якутское территориальное

управление ГУСМП, в задачи которого входило освоение Северного морского пути, организация морских, речных и воздушных сообщений в Арктике, развитие производительных сил и освоение естественных богатств Крайнего Севера. В северных районах создавались оленеводческие совхозы, рыбозаводы, зверофермы, растет добыча “мягкого золота”, строятся аэропорты, речные пристани, открываются новые школы-интернаты, фельдшерские пункты, культбазы, начата добыча угля в Зырянке, Сангарах. С 1932 г. предприятия Комсеверпути на Яне, Колыме и Индигирке переходят в распоряжение Дальстроя, которым были начаты геологическое обследование территории и промышленная добыча золота и других ценных металлов. Развивается золотая промышленность на Алдане.

В сентябре 1936 г. Х.П.Шараборин был избран делегатом Всесоюзного съезда Советов с решающим голосом, руководителем бригады по контрольным цифрам. В августе 1937 г., несмотря на обвинения в адрес Х.П.Шараборина в связях с врагами народа, на закрытом заседании бюро ОК ВКП(б) ему был разрешен выезд в Москву в составе правительственной бригады по плану народного хозяйства ЯАССР в третьей пятилетке.

В сентябре 1937 г. Х.П.Шараборин был освобожден от должности председателя СНК ЯАССР и назначен представителем от ЯАССР при Президиуме ВЦИК. В октябре 1937 г. освобожден и от должности представителя от ЯАССР при Президиуме ВЦИК.

За свою короткую жизнь Х.П.Шараборин много сделал для своей республики. Ему было 27 лет, когда в 1931 г. он был назначен на пост председателя Совнаркома ЯАССР, было только 33 года, когда 6 ноября 1937г. он был арестован в Москве и 16 января 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания – расстрелу.

Шараборину было вменено в вину проведение контрреволюционного вредительства во всех отраслях народного хозяйства, подготовка повстанческих кадров и вооруженного восстания против советской власти, завоз нарезного огнестрельного оружия в районы республики через торгующие организации под видом развития охотоводства, главным образом, в северных районах республики и многое другое.

Сейчас это звучит цинично и абсурдно. Тогда было иначе.

Не менее трагична и судьба его супруги Антонины Леонидовны Шарабориной. Ее родители: священник Л.Г.Синявин, учительница В.Н.Пельгорская прибыли из Иркутска в 1907 г. по приглашению Якутского епархиального училища. Л.Г.Синявин работал инспектором по церковно-приходским школам, священником в Мегинском, Колымском, Вилуйской улусах. В 1918 г. был направлен разъездным священником

Жена Шараборина Х.П. Антонина Леонидовна с матерью В.Н.Синявиной и детьми Гортензией и Зигфридом на отдыхе. Алупка. Лето 1937 г. Из семейного архива Г.Х.Шарабориной

на Колыму, впоследствии в 1920 г. отказался от сана священника и был назначен уполномоченным продкомитета Колымского округа, принимал участие в установлении советской власти. При отступлении с Колымы в сторону Булуна в числе бойцов отряда колымских коммунистов в марте 1922 г. был зверски убит бандой Деревянова вместе с В.Д.Котенко в Аллаиховском районе.

Антонина Леонидовна вместе с матерью в числе добровольцев врачей и учителей приехали на Колыму летом 1924 г. Тогда и состоялась встреча молодых людей, Х.П.Шараборина и А.Л.Синявиной.

С тех пор их судьбы были неразлучны. Антонина Леонидовна активно включилась в общественную жизнь округа, проводила работу по ликвидации неграмотности, культурно-просветительную работу среди женщин, принимала участие в работе V съезда Советов Колымского округа. В 1926 г. Шараборины вместе выехали на учебу в Ленинград, по окончании факультета журналистики Ленинградского университета А.Л.Шараборина работала в редакции газеты «Автономная Якутия», руководителем Якутского радиокomiteта. В 1937 г. после ареста мужа она осталась с двумя детьми шести лет на руках, без работы, без средств к существованию. «Из воспоминаний А.Л.Шарабориной: «...написала письмо Сталину, в котором чистосердечно рассказала о том, в какие невыносимые моральные условия ставится семья репрессированного. Вы сказала свое сомнение в виновности мужа, так как не могла поверить тому, что он, буквально выпестованный советской властью, встал на путь измены и предательства... на собрании партийной организации требовали выступить и отказаться от мужа как врага народа. Я не могла лгать и поэтому возразила, что у меня нет еще основания думать так. И арест рассматриваю как проверку. Беседа происходила 21 июня 1938 г. А в ночь на

22 июня я была арестована и заключена в тюрьму сроком на пять лет, без права переписки два года» ...Только по истечении девяти лет унижений, голода и тяжелой работы, в 1947 г., Антонина Леонидовна вернулась из Акмолинских лагерей к детям, которые с бабушкой проживали в Якутске. Несгибаемая воля помогла ей выдержать все невзгоды жизни, удары судьбы»³.

Только в сентябре 1955 г. решением Военной коллегии Верховного суда СССР уголовное дело в отношении А.Л.Шарабориной было прекращено за отсутствием состава преступления, состоялась партийная реабилитация. Сразу же Антонина Леонидовна начинает добиваться реабилитации мужа, ведет переписку с прокуратурой СССР и Якутским обкомом КПСС.

Тюремное фото П.Х.Шараборина

30 января 1956 г. приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 января 1938 г. в отношении Христофора Прокопьевича Шараборина был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

17 сентября 1956 г. постановлением Якутского ОК КПСС Х.П.Шараборин был посмертно реабилитирован и

восстановлен членом КПСС с октября 1924 г.

В 1960 г., выйдя на пенсию, А.Л.Шараборина с дочерью выехала в Москву, где и умерла, прожив 69 лет. В настоящее время в Москве проживают дочь Х.П.Шараборина Гортензия Христофоровна Бибаева-Шараборина, его внук и правнуки.

В связи с подготовкой к празднованию 100-летия со дня рождения Х.П.Шараборина архивами республики была проведена большая работа по выявлению документов о его жизни и деятельности. Сотрудниками Национального архива РС(Я) установлена точная дата рождения – 29 (16) октября 1904 г. Архивисты приняли активное участие в подготовке фотодокументальной выставки, радиопередачи, телефильма и статей, посвященных 100-летию видного государственного деятеля Якутии Х.П.Шараборина.

Распоряжением Вице-президента Республики Саха (Якутия) А.Акимова от 1 октября 2004 г. была образована комиссия по организации 100-летнего юбилея Х.П.Шараборина. Разработаны планы мероприятий по подготовке 100-летия Х.П.Шараборина в городах Москве и Якутске, Верхоянском, Олекминском улусах, которые будут проходить до конца 2004 г.

29 октября в здании Дома правительства состоялось торжественное открытие фотодокументальной выставки «Из истории государственности РС(Я). Посвящается 100-летию со дня рождения Х.П.Шараборина», подготовленной Комитетом государственной архивной службы при Прави-

тельстве РС(Я), Национальным архивом РС(Я), Филиалом Национального архива РС(Я). На открытии выставки выступили заместитель председателя Правительства РС(Я) А.В.Власов, директор Филиала Национального архива РС(Я) А.А.Захарова. Вниманию общественности были представлены фотографии, рукописи и документы о жизни и деятельности Х.П.Шараборина.

Как сообщает газета “Якутия”, в рамках юбилейных мероприятий Постоянного представительства РС(Я) при Президенте РФ “29 октября в день 100-летия со дня рождения Христофора Прокопьевича Шараборина в Москве группа якутян отправилась на территорию бывшего спецполигона

НКВД “Коммунарка”, где в 1938 г. были расстреляны постпред Христофор Шараборин, Максим Аммосов и другие наши выдающиеся земляки... Для участия в мемориальном собрании, возложения венков и цветов в “Коммунарку” приехали сотрудники Постоянного представительства РС(Я) при Президенте РФ, а также ветераны, отдыхающие в подмосковном санатории “Бэс Чагда”... “Я помню, как наши мамы поддерживали друг друга в то сложное время, после ареста отцов, как настойчиво добивались их реабилитации. И до сих пор не теряем связи с семьей Шарабориных”, – отметила Лена Максимовна Аммосова. А Гортензия Христофоровна Шараборина побла-

годарила руководство Якутии за то, что делается все для того, чтобы память об ее отце и его товарищах жила и передавалась из поколения в поколение”⁴.

Восстановлено доброе имя семьи Шарабориных, которые внесли свой достойный вклад в развитие и процветание нашей республики. В рамках мероприятий население республики узнает ближе еще одну яркую личность в плеяде наших выдающихся земляков – Христофора Прокопьевича Шараборина. Хотелось бы, чтобы имя славного земляка в памяти народа было увековечено добрыми делами и достижениями молодого поколения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ ФНА РС(Я). Ф. 8. Оп. 1. Д. 40. Л. 2.
² ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 109. Д. 1227. Л. 2об.-3.
³ Петрова В.Д. И как же ты светла // Якутское радиовещание (Страницы истории за 70 лет) – Якутск. 2000 – С. 43, 44.
⁴ Якутия. – 2004. – 2 ноября.

Первый педагогический вуз

(К 70-летию высшего образования в Якутии)

В.К.Ефимова

25 марта 1933 г. Якутским обкомом ВКП(б) было принято постановление об отсрочке открытия Якутского педагогического вуза на год и открытии с осени 1933 г. последнего курса педрабфака с контингентом 100 человек. В августе 1933г. по предложению Наркомпроса ЯАССР И.П. Жегусов, преподаватель Якутского педагогического техникума, воспитанник школьного факультета Академии коммунистического воспитания, был командирован в Москву политредактором Якутской секции Национального сектора Учпедгиза и уполномоченным Наркомпроса ЯАССР по организации Якутского педагогического института. Постанов-

лением бюро Якутского ОК ВКП(б) в феврале 1934 г. И.П.Жегусов был утвержден директором Якутского пединститута и до 1 августа 1934 г. был командирован в Москву для решения вопросов по организации пединститута.

Главные проблемы в организации института это, прежде всего, отсутствие материальной базы, зданий под учебные корпуса, общежитие, подбор преподавательского состава соответствующей квалификации. 9 августа 1934 г. на заседании бюро ОК ВКП(б) был заслушан доклад И.П. Жегусова “О подготовке института к учебному году”. В постановлении обкома было отмечено, что “ход реставрации камен-

Валентина Константиновна
Ефимова,
н.с. ФНА РС(Я).

ного здания бывшего реального училища под учебный корпус института затягивается, а к ремонту деревянного корпуса того же реального училища под общежитие института, еще не приступлено*, и существующий темп строительных работ грозит затягиванием начала учебных занятий института более чем на один месяц”¹.

Постановлением бюро обкома были приняты меры по оказанию всесторонней помощи пединституту по своевременной доставке грузов, прибытию научных работников, следующих из центра, созданию им необходимых бытовых условий и установлен срок окончания строительных работ и начала учебных занятий — 1 октября 1934 г.

В 1934/35 учебном году на историческом и физико-математическом факультетах Якутского педагогического института обучалось 103 студента; 76 студентов института и 27 учащихся подготовительных курсов. Учебный процесс организовали 14 преподавателей с высшим образованием, из них 3 окончили аспирантуру, в том числе 7 работали преподавателями первый год, 6 имели педагогический стаж до пяти лет и 1 — до десяти. С каждым годом укреплялась материальная база института, открывались новые факультеты, отделения. “В 1935—1936 учебном году был открыт третий факультет — факультет русского языка и литературы. В 1936—1937 учебном году открыт двухгодичный учительский институт с отделениями истории, языка и литературы, якутского языка и

литературы, биологии и географии. В 1937—1938 учебном году при пединституте открылся четвертый факультет — факультет естествознания и отделение заочного обучения”². В 1949 г. — на факультете языка и литературы педагогического института было открыто отделение якутского языка и литературы, а в 1950 г. — отделение русского языка для якутских школ.

Якутский педагогический институт положил начало развитию высшего образования на Крайнем Севере страны. За сравнительно короткий срок в его стенах было подготовлено свыше двух тысяч специалистов, сыгравших исключительную роль в развитии экономики и культуры республики.

Институт с первых лет своего образования взял направление не только на подготовку квалифицированных кадров для республики, институт сыграл огромную роль в развитии науки, в деле подготовки научных кадров из коренного населения, которые позже стали инициаторами создания сети научно-исследовательских учреждений республики и успешно ими руководили.

Из первого поколения научных работников пединститута в разное время докторами наук стали А.М.Бабкин, Г.П.Башарин, А.Д.Егоров, А.Е.Мординов, А.П.Окладников, И.М.Романов, А.Н.Рылов, Л.Н.Харитонов, А.И.Хватов, Ю.Г.Шафер и другие.

Преподавательский коллектив института во все времена создавал атмосферу для научного роста не только для своих

сотрудников, но и для студентов, вырабатывая в них интерес к научной работе. В 30—40 гг. историком А.П.Окладниковым проводились археологические раскопки, были изучены наскальные письмена якутов. Научные изыскания велись не только в области истории, литературы и языка, физиками А.Н.Рыловым и Ю.Г.Шафером была создана лаборатория по изучению интенсивности космических лучей в широтах г. Якутска, в химических лабораториях проводились работы по изучению характеристик каменных углей, месторождений нефти на территории республики.

1937 г. Репрессии коснулись и коллектива пединститута. Группа преподавателей и студентов была обвинена в “протаскивании контрреволюционной идеологии троцкизма, местного и великодержавного шовинизма, буржуазного объективизма”³. Постановлением бюро Якутского ОК ВКП(б) от 19 октября 1937 г. директор института И.П.Жегусов был освобожден от занимаемой должности, дело об антипартийном поведении бывшего и.о. директора института С.Н.Донского передано на рассмотрение Ростокинско-го райкома г. Москвы за то, что руководство института “не извлекло должных политических выводов из ареста органами НКВД, бывших студентов Пинегина, Гаврильева, Филиппова и Алексеева, из сигналов поступавших от преподавателей и студентов о враждебной работе ныне разоблаченных врагов народа Гуревич,

* Так в тексте.

Шафера, Василькова, Попова”⁴.

Несмотря на тяжелую обстановку, кадровые проблемы и частую сменяемость руководства, преподавательский коллектив института продолжал трудиться, внося свой неограниченный вклад в науку и в будущее.

В годы Великой Отечественной войны ученые института проводили научно-практические исследования для нужд народного хозяйства республики. Например, А.Н.Рыловым были подготовлены работы “Определение тепла и звукоизоляции заменителя пробки из местного сырья”, “Расчет скважин для получения подмерзлотных вод”, “Определение теплоизоляционных свойств местных угольных шлаков”, А.Д.Егоровым “Получение казеиновой олифы на местном сырье”, “Получение казеиновых красок и оконной замазки”, Е.И.Ефлеевым “Обзор местных саранчевых”.

30 мая 1942г. Якутским педагогическим институтом была проведена I научно-практическая конференция “Участие Якутии в Великой Отечественной войне советского народа”. Участие в научно-практической конференции приняли 17 докладчиков из шести организаций. Институтом впервые была предпринята попытка объединить силы научных работников различных ведомств

города для разрешения актуальных проблем народного хозяйства республики, выдвигаемых тяжелым временем.

Ниже мы публикуем список основных документов по истории Якутского педагогического института, хранящихся в фондах ФНА РС(Я):

1. Справка о составе студентов и преподавателей Якутского педагогического и учительского институтов за 1934–1937 гг. Ф. 3. Оп. 14. Д. 442. Л. 85.

2. План учебно-методической работы Якутского пединститута на 1938–1939 учебный год. Ф. 4. Оп. 4. Д. 220. Л. 339–41.

3. Доклад директора Якутского пединститута А.И.Новгородова “О состоянии и перспективах развития ЯГПИ” на заседании бюро Якутского ОК ВКП(б). Ф. 3. Оп. 14. Д. 868. Л. 121–141.

4. Докладная записка и сводная ведомость по оборудованию физических лабораторий и кабинетов физики ЯГПИ, составленная преподавателем физики Якутского пединститута Ю.Г.Шафером. Ф. 3. Оп. 14. Д. 872. Л. 28–35.

5. Список профессорско-преподавательского состава Якутского пединститута по состоянию на 1 января 1939 г. Ф.4. Оп.4. Д.220. Л.67.

6. Сведения о выполнении планов научно-исследовательских работ преподавателями

пединститута за 1941 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л.34–35.

7. Календарный план работы секций научной конференции кафедр института, от 10 ноября 1942 г. (Там же, Л. 59.)

8. Тематический план научно-исследовательских работ Якутского пединститута на 1942 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 31–34.

9. Тематика докладов к I научной конференции от 30 мая 1942 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 39.

10. План работы ученого Совета Якутского пединститута на I семестр 1942–1943 учебного года. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 59.

11. План научно-исследовательской работы Якутского пединститута на 1943 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 78–78 об.

12. Сведения о профессорско-преподавательских кадрах Якутского педагогического и учительского институтов на 1943–1944 учебный год. Ф. 3. Оп. 1. Д. 77. Л. 92–93.

13. Порядок, регламент и тематика докладов I научной конференции кафедр Якутского пединститута “Участие Якутии в Великой Отечественной войне советского народа”. Ф. 3. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

14. Список выпускников Якутского педагогического и учительского институтов 1944–1945 учебного года. РС(Я). Ф. 3. Оп. 1. Д. 633. Л. 4–5 об.

ИСТОЧНИКИ

¹ ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 182. Д. 89. Л. 147.

² Там же. Ф. 2970. Оп. 29. Д. 231. Л. 45–46.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 442. Л. 92.

⁴ Там же.

Первый начальник Аянского порта

П.Л.Казарян

Отсутствие российской гражданской истории Приленского края, особенно XVIII–XIX вв., не позволяет сделать достоянием как исторической науки, так и широкой общественности многочисленные факты из этой истории, имеющие не только локальное, региональное, но и общенациональное значение. И неудивительно, что деяния десятков выдающихся россиян, судьбы которых были связаны с Якутским краем, не только незнакомы якутянам, но и многие имена невозможно найти ни в одном учебнике или так называемых “фундаментальных работах” обобщающего характера.

Отмечающееся в 2004 г. 160-летие учреждения порта Аян и начала функционирования Якутско-Аянского тракта – повод к тому, чтобы мы взяли за этот очерк и попытались ознакомить якутян с жизнью и деятельностью первого начальника Аянского порта.

Василий Степанович Завойко* родился 15 июля 1810 г. в семье морского штаб-лекаря в с. Прохоровка Золотоношского уезда Полтавской губернии. Учился в монастырской семинарии, а в 1819 г. поступил на учебу в Николаевское штурманское училище. Был произведен в гардемарины Черноморского флота 31 июня 1820 г. В годы учебы (1821–

Павел Леонович
Казарян,

д.и.н., проф., академик РАЕН.

* В личных документах по Морскому министерству пишется Завойка, но общепринятое – Завойко. – П.К.

В.С.Завойко

1826 г.) в летние месяцы крейсировал в Черном море.

Завойко 19 января 1827 г. был произведен в мичманы и переведен с Черноморского на Балтийский флот. На корабле “Александр Невский” он перешел из Кронштадта в Англию – Плимут, где его корабль влился в русскую эскадру (4 линейных корабля и 4 фрегата) контр-адмирала, графа Логина Петровича Гейдена, который проследовал в Средиземное море и 8(20) октября 1827 г. с объединенной англо-французской эскадрой в Наваринской битве, на юго-западе полуострова Пелопонес, нанес поражение турецкому флоту.

За проявленную храбрость в этом бою 17-летний мичман В.С.Завойко был награжден орденом Св.Анны 3-й степени с бантом. В годы русско-турецкой войны, в 1828–1829 гг., Завойко на “Алекса́ндре Нев-

ском” и на корвете “Наварин” под командованием Л.П.Гейдена участвовал в блокаде пролива Дарданеллы, после чего возвратился в Кронштадт. В 1830–1833 гг. он занимался крейсированием, проводкой кораблей в Балтийском море.

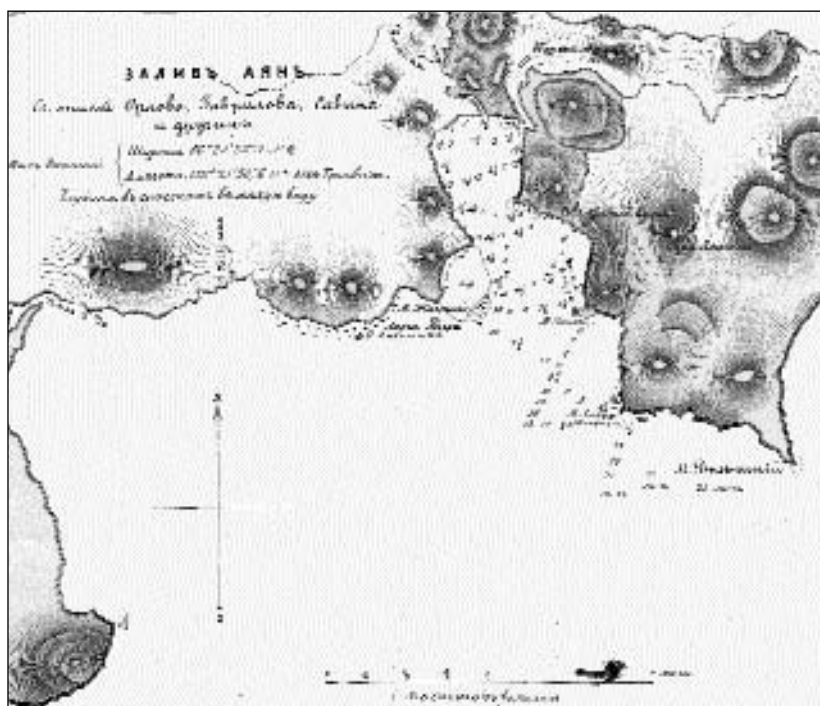
Завойко был произведен в лейтенанты 1 февраля 1833 г. В 1834–1836 гг. он в составе экипажа военного транспорта “Америка” (командир капитан-лейтенант Иван Иванович Шанц) совершил кругосветное плавание от Кронштадта в Русскую Америку (Новоархангельск) и на Камчатку. По возвращении из плавания лейтенант Завойко был награжден орденом Св.Владимира 4-й степени.

Вторично Завойко совершил кругосветное путешествие в составе экипажа принадлежащего Российско-американской компании (РАК) транспорта “Николай I” под коман-

дованием капитан-лейтенанта Евгения Андреевича Беренса в 1837–1839 г.¹ По возвращении из кругосветного плавания в Кронштадт 9 июня 1839 г. Завойко продолжил службу на Балтийском флоте.

Следующий период жизни В.С.Завойко связан со службой в Российско-американской компании. В “Общем морском списке” об этом сказано так: “1840 г. февраля 28 поступил на службу в Российско-американскую компанию и назначен начальником Охотской фактории и правителем тамошней конторы, куда и прибыл берегом в 1841 году”². Б.Н.Болгурцев в своем справочнике пишет: “6.12.39 пост[упил] на службу в РАК и назн[ачен] нач[альником] Охот[ской] фактории”³.

Обнаруженные нами архивные источники дают основание усомниться в приводимых более чем сто лет в литературе

данных о времени поступления В.С.Завойко на службу в РАК.

Во-первых, 18 мая 1839 г. Департамент мануфактуры и внутренней торговли Министерства финансов ходатайствовал о производстве правителя Охотской конторы РАК титулярного советника Николая Грибанова в следующий чин*. До Грибанова правителем Охотской конторы РАК был Анастасий Ленже, который служил в Охотске до 8 июля 1836 г., после чего выехал в Санкт-Петербург. Согласно действующим правилам срок службы в учреждениях РАК составлял 5 лет, после чего этот срок мог быть продлен еще на 5 лет, и так далее. Следовательно, если Николай Грибанов после отъезда Анастасия Ленже, вступил в должность исполняющего делами правителя Охотской конторы РАК после 8 июля 1836 г., то срок его 5-летней службы должен был завершиться в июле 1841 г.⁴

Во-вторых, важные указания содержатся в воспоминаниях самого Завойко. Он пишет: "... в 1840 году правитель фактории Российско-американской компании Грибанов представил в Главное правление, что волнение с моря подмыло забор у компанейских строений, река Кухтуй угрожает подобно реке Охоте прорвать для себя новое устье и что в последнем случае служащим компании предстоят большие бедствия, для предотвращения которых необходимо перенести здания за 8 верст от их настоящего местоположе-

ния на остров Булгин"⁵. Как видим, в 1840 г. Грибанов еще являлся правителем Охотской фактории при действующем правителе Главного правления РАК, в прерогативу которого входило назначение правителей фактории, и который должен был принять на службу лейтенанта В.С.Завойко.

Прием его на службу в РАК Василий Степанович объясняет именно представлением Грибанова: "Главное правление компании по получении этого уведомления пригласило к себе на службу лейтенанта Завойко, назначило его начальником Охотской фактории и предписало по прибытии на место решить, что нужно делать. Вступив в управление факторией в 1841 году, господин Завойко немедленно донес Главному правлению, что перенесение компанейских зданий на Булгин принесет лишь одни убытки, что по отдаленности вновь предлагаемого пункта от места стоянки судов для выгрузки последних понадобится лишнее число шлюпок, понадобятся люди и лошади, наконец и главное, поселение на Булгине не избавит компанейские суда от опасностей и затруднения входа в реку, почему на основании всего вышеизложенного г. Завойко и испрашивал разрешения искать такого приморского пункта, к которому компанейские корабли кругосветного плавания могли бы приближаться без затруднений, с достижением чего являлась возможность заменить одним большим кругосветным судном три небольшие, отпра-

вившиеся из колонии в Охотск ежегодно с компанейскими грузами"⁶.

Таким образом, воспоминания Завойко свидетельствуют, что он приступил к исполнению обязанностей правителя Охотской фактории РАК в 1841 г. и что именно его знакомство с положением дел на месте привело его к однозначному заключению о необходимости переноса фактории в другое, более удобное по мореходным условиям место на западном побережье Охотского моря.

В-третьих, остается выяснить, когда именно В.С.Завойко был принят на службу в РАК, при этом необходимо констатировать, что срок службы для подобных должностных лиц считался "от принятия должности до сдачи"⁷. Ответ на нее мы находим в представлении Главного правления РАК на имя статс-секретаря, действительного тайного советника, министра финансов Федора Павловича Вронченко от 20 сентября 1846 г., где отмечается: "Состоящий на службе Российско-американской компании флота капитан-лейтенант Завойко (произведен в капитан-лейтенанты Высочайшим приказом по флоту от 26 января 1844 г. — П.К.) заведывал сначала Охотскою и впоследствии Аянскою факториею с 20 июля 1841 года и с 20 июля 1846 года по убеждению Главного правления изъявил желание занимать ту же должность еще одно пятилетие до 20-го же июля 1851 года... (курсив мой. — П.К.)"⁸.

* Николай Грибанов был произведен в чин коллежского асессора, в котором и окончил службу в качестве правителя Охотской фактории РАК. — П.К.

Таким образом, историческая правда состоит в том, что В.С.Завойко стал исполнять должность правителя Охотской фактории РАК 20 июля 1841 г., это подтверждают и первые его распоряжения уже в сентябре 1841 г.⁹ Даже при ускоренном продвижении по пути от Санкт-Петербурга до Охотска он мог быть с согласия морского начальства зачислен на службу в РАК только весной 1841 г.

Искаженными выглядят и факты, приводимые до сих пор в исторической и справочной литературе, когда указывают на то, что якобы Завойко и Орлов в 1840–1843 гг. проводили опись побережья от Охотска до Аянского залива. Хотя Главное правление РАК и предписало Завойко в марте 1842 г. осмотреть залив Аян, а летом командировать “одно из колониальных судов для осмотра залива в морском отношении и партию компанейских служителей для исследования пути сообщения с Якутском”, но, как докладывал 27 февраля 1843 г. генералу от инфантерии, члену Государственного совета, сенатору, министру финансов Егору Францевичу Конкрину генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант Вильгельм Яковлевич Руперт, “... по неосмотру в лето прошлого (т.е. 1842. — П.К.) года залива Аян Российско-американская компания в настоящее время о перенесении конторы своей... решить еще ничто не может”¹⁰.

Попытка, пишет в своих воспоминаниях В.С.Завойко, вместе с принятым им на службу в РАК бывшим поручиком Корпуса флотских штурманов, ссыльно-поселен-

цем Дмитрием Ивановичем Орловым в мае 1842 г. на китобойном вельботе, ведущем нагруженную провизией лодку, пробиться к заливу Аян, кончилась неудачей. В 120 верстах от Охотска они были затерты льдами, нанесенными с моря ветром и течением. Они с трудом вытащили вельбот и лодку на берег. После 9-дневного ожидания Завойко вынужден был вернуться берегом в Охотск¹¹, поручив Орлову на лодке проследовать в бухту Аян.

Орлов продолжил путь, набросал эскиз берега, осмотрел бухту, составил план Аяна. Описание Орлова были дополнены сведениями о промерах бухты направленным за Орловым в Аянскую бухту командиром брига прапорщиком Корпуса флотских штурманов Александром Михайловичем Гавриловым (см. с. 36).

Те же самые сведения приводит в своей работе об истории РАК Петр Александрович Тихменев¹². Нам кажется, что и В.С.Завойко в своих воспоминаниях, и П.А.Тихменев в своем труде допустили неточность, сообщая об исследовании Д.И.Орловым и А.М.Гавриловым бухты Аян в 1842 г., и вот почему.

Назначенный для осмотра залива Аян компанейский бриг “Константин” под командованием поручика Корпуса флотских штурманов А.Ф.Кашеварова прибыл 6 июля 1842 г. в Охотск, но сильные ветра вынудили бриг оставаться запертым в устье р. Охоты до 18 августа. Боясь не успеть до конца навигации выполнить поручение и вернуться в Ситху, Кашеваров вынужден был из Охотска 18

августа следовать на Ситху, куда и прибыл 15 сентября 1842 г.¹³

Бриг “Чичагов” под командованием прапорщика А.М.Гаврилова с 16 мая по 22 августа ходил из Ситхи “в Курильский отдел и для отвоза оттуда и из Камчатки алеут на Атху, и обратно”¹⁴, так что Гаврилов никак не мог оказаться в 1842 г. в Аянской бухте.

Таким образом, реальные действия В.С.Завойко по исследованию Аянской бухты и Якутско-Аянского пути относятся к 1843 г.

Завойко в начале мая 1843 г. отправил на лодке Д.И.Орлова в Аянскую бухту, куда тот и прибыл 25 мая и застал ее покрытой льдом. Орлов стал вести метеорологические наблюдения, занялся описанием бухты и его окрестностей.

Главный правитель колоний РАК капитан 1-го ранга Адольф Карлович Этолин командировал подпоручика А.М.Гаврилова на бриге “Промысел” в Охотск для перевозки экспедиции, для осмотра и описания бухты Аян.

В.С.Завойко, как пишет он в своих воспоминаниях, взяв с собой прибывшего на службу в Охотскую факторию подпоручика Корпуса флотских штурманов Александра Васильевича Савина, 10 плотников, партию собак, все необходимое для их устройства, годовой запас продовольствия, выехал на “Промысле” Гаврилова из Охотска¹⁵. Экспедиция Завойко прибыла в бухту Аян 11 августа 1843 г.

Завойко осмотрел бухту и ее окрестности, одобрил действия Орлова, а составленную им карту, найденную А.М.Гавриловым безупречной и до-

полненную им только данными промера входа и самой бухты, взял с собой для отправки в Главное правление РАК*.

Оставленный Завойко распорядителем дел в Аяне Орлов занимался обустройством оставленной там команды, расчистками и заготовкой леса, который из-за падежа собак, приходилось таскать на себе. К наступлению холодов команда Орлова была обеспечена помещением¹⁶.

В 1843 г. разрешилась и такая важная проблема, как возможность проезда по Якутско-Аянскому пути, особенно на участке от Нелькана до Аяна. В свою бытность в Якутске Завойко пригласил на службу в компанию якутского мещанина Алексея Павловича Березина, которого характеризовал как человека “известного своею опытностью, знанием края и находчивостью”¹⁷.

В.С.Завойко поручил комиссионеру Якутской конторы РАК Александру Федоровичу Шергину организовать поездку Березина по маршруту Якутск—Аян, а Березину — обратить особое внимание на участок пути через Джугджурский хребет. Березин выполнил эту задачу. Об этом в отчете Главного правления РАК отмечено: “Путь от Якутска до Аяна также исследован к [в] 1843 г. и найден довольно удобным, а перевозные цены, благодаря якутскому комиссионеру, состоялись не дороже охотских, хотя якуты, не имея надежды получить с Аяна обратную кладь, могли бы, по-видимо-

му, требовать высоких цен. Впрочем, исследование пути и приискание удобнейших линий для переходов еще продолжается, и есть, кажется, надежда, что со временем путь до Аяна будет и удобнее, и дешевле охотской дороги”¹⁸.

Завойко поручил Шергину нанять плотников в Якутске для отправки в Аян, подрядчиков для перевозки грузов туда же и 10 семейств якутов для поселения на учреждаемых от Усть-Майской пристани до Нелькана перевозах-станциях и быть готовым по получении распоряжений немедленно привести в действие эти указания.

В конце 1843 г. Шергину поступило распоряжение Завойко. Как доносил 6 апреля 1844 г. Главному правлению Шергин, он отправил плотников (20 чел.) и транспорт в Аян, при этом сам лично сопровождал его до Усть-Майской пристани. Вслед за первым Шергиным был отправлен весной второй транспорт.

Главное правление РАК 4 августа 1844 г. сообщило А.Ф.Шергину: “Начальник Охотской фактории в донесении от 5 мая за № 220 с особенною похвалою отзывается в[о] действиях Ваших по транспортировке тяжестей к заливу Аян, о распоряжениях Ваших по приведении цены запрашиваемой за проезд по Аянскому тракту, в размере платимой ныне по охотской дороге. Вследствие сего принося Вам за столь полезные и успешные распоряжения свою

совершенную благодарность, Главное правление остается в надежде, что важный вопрос перевозки товаров к заливу Аян и обратно в Якутск, стараниями Вашими будет разрешен удовлетворительнейшим для компании образом”¹⁹.

Таким образом, В.С.Завойко в 1843–1844 гг. проявил себя как крупный организатор-хозяйственник, решивший проблему перевода Охотской фактории РАК в бухту Аян и связавший ее с центром Якутской области.

В 1844 г. в Аяне находились 40 служащих компании. Ими был заготовлено в соседних лесах и доставлено к месту строения до 1800 бревен. Из Охотска и американских колоний туда же были доставлены доски и кирпичи. Кроме жилых помещений для самой аянской команды и таких производственно-социальных объектов, как кузница, баня, больница и т.д., в 1844 г. были возведены для Аянской фактории пакгауз, три дома для чиновников и служащих²⁰.

Весной 1844 г. Д.И.Орлов был отправлен для исследования путей сообщения Аяна с Якутском. В результате этих изысканий были выявлены три пути: “1) От фактории до урочища Нелькан 220 верст, вьючный, 5 дней; от Нелькана по реке Мае до ее впадения в Алдан, 563 версты, 3 дни; от устья Май до Якутска, вьючный, 400 вер., 5 дней; итого 1183 верст в 13 дней. 2) К Нелькану и по Мае 783 верст[ы], 8 дней; потом по Ал-

* Результаты метеорологических наблюдений Д.И.Орлова с мая 1843 г. по январь 1844 г. были доставлены в Санкт-Петербург, из чего Главное правление сделало вывод, что в Аяне намного лучше, чем в Охотске. — П.К.

дану до его впадения в Лену*, 800 вер., в 8 дней, и от устья Алдана вьюками до Якутска 190 верст, 3 дни; итого 1773 верст[ы], в 19 дней. 3) К Нелькану, по Мае и Алдану 1583 верст, 16 дней; потом от устья последней вверх по Лене до Якутска, 190 верст, в 7 дней; всего 1773 верст[ы], в 23 дни”.

Одновременно проведенные Орловым промеры Май, Алдана и Лены, показали, что “можно завести здесь парходное сообщение (при углублении судов до 3 футов)”, т.е. с осадкой судов до 91 см²¹. Так, в 1844 г. было сделано первое гидрографическое описание рек Май с Нелькана до устья и участка Алдана от Май до устья. Все намеченные Орловым пути Аян – Якутск носили комбинированный, сухопутно-водный характер.

Проложенный же А.Ф.Шергиным и А.П.Березиным Якутско-Аянский путь был сухопутным: от Якутска до селения Амги (203 версты) существовала тележная дорога; от Амги до Усть-Майской пристани (180 верст), как отмечает П.А.Тихменев, “... была также проложена в 1806 г. капитаном Фоминым тележная дорога, которая с поправками, хотя и значительными, годилась для езды. На этом пространстве жильё встречалось редко. У самой же р. Алдана стояло большое селение тунгусов, занимавшихся скотоводством. Здесь против устья Май предлагалось учредить на ее берег перевоз через р. Алдан. От устья р. Май до речки Хандыкан жилья не было вовсе. Летом

тунгусы прикочевывали сюда только для ловли рыбы. У самой реки жил один оседлый тунгус. В этом месте также предлагалось поставить перевоз на другой берег. Далее, до самого Нелькана, не было жителей. Здесь имелся в виду третий перевоз”²².

Нам кажется, что Тихменев допустил некоторые неточности. Во-первых, вице-адмиралом И.К.Фоминым в 1806 г. не могла быть проложена тележная дорога от Амги до Усть-Майской пристани хотя бы потому, что в это время он находился вдали от Сибири, в отставке. Во-вторых, этнической границей проживания якутов и тунгусов являлся водораздел рек Амги и Алдана, и в тунгусском регионе бассейна Алдана не существовало никакого селения, а в пространстве от амгинских земель до устья Май оседлого населения вообще не было.

Перевозка грузов с 1844 г. по Якутско-Аянскому пути совершалась по маршруту Якутск–Амга–Усть-Майская пристань – перевоз через р. Алдан – юго-западнее, параллельно р. Мае до устья р. Хандыки – перевоз через Маю – параллельно севернее Май до Нелькана – перевоз через Маю у Нелькана – через Джукателинский хребет – по устьям впадающих в Челасин рек – через Джугджурский хребет – через устье р. Одару – через Уйский хребет – порт Аян. Путь этот, по нашим подсчетам, протяженностью чуть более 1000 верст, неудобен был тем, что перевозка грузов

осуществлялся вьючно, без перемыны лошадей.

Поэтому по распоряжению В.С.Завойко зимой 1844/45 г. для облегчения доставки грузов были направлены из Охотска и Якутска служащие компании, которые построили два парома на Алдане и Мае, 6 больших крытых лодок грузоподъемностью от 300 до 400 пудов для курсирования по Мае, несколько малых лодок для перевозки почты, легких грузов.

К середине лета 1845 г. в Аяне все было готово для переноса из Охотска туда фактории. Оставалось ждать корабли из Русской Америки. Перенос фактории совпал еще с одним событием. В Охотск прибыли назначенный Главным правлением РАК новый Главный правитель Российско-американской колонии капитан 2-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков и покидающий этот пост капитан 1-го ранга А.К.Этолин. 6 июля 1845 г. в Охотске состоялась приемка–сдача дел и Тебеньков вступил официально в должность.

В Охотск прибыли корабли РАК “Наследник Александр” (командир – лейтенант флота Величковский) и “Константин” (командир – шкипер В.Г.Павлов). Погрузив оставшееся имущество, все население Охотской фактории (135 чел.), они отбыли и 27 июня 1845 г. вошли в Аянскую бухту. Так завершилась эпопея переноса Охотской фактории РАК под руководством капитан-лейтенанта В.С.Завойко²³.

* Четыре карты р. Май от Нелькана до устья и семь карт р. Алдана от устья Май до впадения в Лену были переданы от Главного правления РАК в Гидрографический департамент Морского министерства в 1845 г. – П.К.

Прибывший из Охотска на Аян М.Д.Тебенков нашел Аянскую бухту превосходной, климат намного лучшим, чем в Охотске. Не зря Тебенков в своем донесении Главному правлению РАК писал: “Люди Американской фактории, переведенные сюда из Охотска, оживают, как вышедшие из могилы”²⁴.

Впервые 2 августа 1845 г. корабль “Наследник Александр” (на борту которого находился М.Д.Тебенков), погрузив часть из доставленных по Якутско-Аянскому пути товаров на сумму около 24 тыс. руб., взял курс из Аяна в Русскую Америку – порт Новоархангельск, куда и прибыл 31 августа, а доставленные из Американской компании товары (меха) были отправлены из Аяна вьючно на лошадях до Нелькана, оттуда сплавом до устья Майи и далее вьючно через Амгу в Якутск. Груз достиг Якутска 21 августа, т.е. за 16 дней, при том, что на подобную операцию из Охотска тратилось не менее 24 дней²⁵.

В.С.Завойко добился разрешения у якутского областного начальника статского советника Ильи Дмитриевича Рудакова вербовать в области по вольному найму якутов и у гражданского губернатора Иркутской губернии действительного статского советника Андрея Васильевича Пятницкого назначать ссыльных для заселения Аянского тракта. В июне 1845 г. якутский комиссионер направился с нанятыми 18 якутами, с их женами и детьми, а также назначенными из Иркутска 11 скопцами мужского и столько же женского пола из Якутска до Нелькана и учредил у перевозов, а также

на участке р. Алдан – Нелькан первые станции для перевозки из Якутска в Аян и обратно компанейской почты²⁶. По Якутско-Аянскому пути предполагалось ежегодно возить до 3 тыс. пудов грузов, кроме почты.

В 1845 г. при Аянской фактории было 66 компанейских служащих, в том числе казенные матросы, вольнонаемные из русских, якутов, алеутов (5 чел.). В этом году в фактории были построены больница с аптекою, флигель для жилья доктора, новая баня, дом для начальника и помещения для конторы фактории, заложена церковь. В 1845 г. В.С.Завойко отказался от всякого привозного строительного материала. В 20 верстах от Аяна было заготовлено и доставлено 2650 бревен, выпилено до 1500 8-метровых досок, изготовлено около 26 тыс. кирпичей. Это дало компании ощутимую экономию средств.

Для работы в аянской больнице Главное правление РАК 22 марта 1845 г. приняло на службу в компанию Сильвестра Генриховича Тилинга, который в июне выехал из Санкт-Петербурга в Аян²⁷.

Строительство церкви было завершено в июле 1846 г. Прибывший из Русской Америки 21 июля в Аян епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий совершил обряд освящения аянской церкви во имя Казанской Божией Матери. При этом святитель отозвался, что “аянская церковь принадлежит к самым изящным и благолепным во всей епархии”²⁸.

В.С.Завойко попытался завести огородничество в порту Аян и хлебопашество в районе

Аянского тракта. В 1844 г. по распоряжению Министерства государственных имуществ в Охотскую факторию РАК поступили несколько семейств поселенцев и специальный капитал для проведения опытов по хлебопашеству в Охотске, но они кончились провалом. Поэтому Завойко эти семейства в 1845 г. привез в Аян и поселил близ урочища Нелькан для занятия хлебопашеством. Как уведомлял В.С.Завойко, при посещении им Нелькана 11 августа 1846 г., он нашел следующее: “... хлеб, яровой и озимой, и пшеница всех сортов... в полном наливе, и колосья пожелтели, так что через несколько дней собирались приступить к жатве. Вместе с тем и разведение огородных овощей, особливо капусты, удалось совершенно. По ближайшему осмотру окрестностей Нелькана найдено там весьма много мест, способных для распашки и для сенокосов”²⁹. Однако после полутора лет занятия земледелием эти поселенцы отказались от дальнейшего хлебопашества.

Наряду со строительством новой фактории В.С.Завойко был озабочен обустройством Якутско-Аянского тракта. Он предложил Главному правлению РАК добиться разрешения правительства на переселение трех наслегов якутов с 1000 гол. рогатого скота и таким же количеством лошадей на участок тракта от Нелькана до Аяна для организации гужевой доставки товаров и одного наслегу по р. Мае для обеспечения бичевой доставки лодок от устья Майи до Нелькана.

Главное правление РАК с 10 января 1845 г. начало переписку с министерствами фи-

нансов, внутренних дел, государственных имуществ, и получило понимание со стороны этих ведомств. Но весной 1845 г. ввиду больших затрат и малых объемов перевозки грузов Завойко отказался от идеи переселения четырех наслегов и возбудил ходатайство о разрешении “поселить при урочище Нелькан на р. Мае и в окрестности оною ... желающих якутов, составляющих общество не менее 40 работников, имеющих до 300 лошадей и соразмерное число рогатого скота”³⁰.

С 8 июня 1845 г. началась переписка Главного правления РАК с выше упомянутыми министерствами. Так как якуты принадлежали к сословию инородцев, плативших ясак Кабинету Его Императорского Величества (ЕИВ), то в переписку были втянуты и Министерство Императорского двора. Вопрос был разрешен 12 ноября 1845 г., когда Министерство финансов сообщило в Кабинет ЕИВ и Министерство государственных имуществ о том, что Главное правление РАК “... готово ежегодно по первому требованию вносить здесь (т.е. в Санкт-Петербурге — П.К.), в Якутске и Иркутске по расчету и назначению начальства деньги за ясак и другие повинности всех тех якутов, которых, по мере надобности компании, дозволено будет поселить при Нелькане...”³¹.

Компания устанавливала единовременное пособие 3 тыс. руб. на такое переселение. Однако этим планам не суждено было сбыться. Добровольных переселенцев не нашлось. Попытка же Якутского областного правления в марте 1846 г.

избрать для переселения “из некоторых улусов таких якутов, которые по каким-либо причинам служат в тягость своим обществам” была отвергнута В.С.Завойко. Якутское комиссионерство, как и прежде, проводило вербовку по вольному найму. В 1846 г. таковых было принято для заселения на тракте до 10 чел.³²

Первоначальный путь от Нелькана до Аяна составлял 250 верст. Обустраивался путь с осени 1844 г. под руководством А.П.Березина. В сентябре—октябре 1845 г. В.С.Завойко организовал и лично возглавил поиск наиболее удобного пути от Аяна к Нелькану. Поиск увенчался успехом: “... отыскан путь, который может быть сделан удобным для гужевой перевозки, кроме только перевала через Становой хребет (до 10 верст), где устройство дороги при первом обозрении признано невозможным, но и это препятствие, по собранным сведениям, может, кажется, быть отвлечено через некоторое уклонение от прямого пути”³³.

199-верстовый путь от Нелькана до Аяна через перевал “Казенный” под руководством А.П.Березина был обустроен в течение пяти лет, в летнее время, с мая по сентябрь³⁴.

В 1846—1847 гг. с постройкой и сдачей в эксплуатацию пристани завершились строительные работы в Аяне. Это потребовало и пересмотра штата служащих в фактории. Так, например, если в начале 1846 г. в фактории было 85 служащих, то к июлю 1847 г. их численность уменьшилась до 52 чел.³⁵ Для решения вопроса заселения побережья

р. Маи В.С.Завойко в августе 1847 г. съездил в Якутск, где с областным начальником Николаем Яковлевичем Каргопольцевым решил вопрос вольного найма якутов и назначения поселенцев на станции тракта.

Труды В.С.Завойко по переносу Охотской фактории РАК в Аянский залив и прокладке Якутско-Аянского тракта получили высокую оценку. По представлению Главного правления РАК в 1846 г. он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

В начале 1846 г. началась переписка о принадлежности района Аянской фактории. До перенесения фактории все должностные лица и служащие по административным делам относились к ведению начальства Охотского приморского управления. С переносом фактории в Аян связь с Охотском прекратилась. Поэтому начальник Охотского порта капитан 1-го ранга Иван Васильевич Вонлярлярский вышел с предложением, чтобы предоставить Аянской фактории в нужных случаях сношаться с Главным правлением РАК или разрешить ему посылку в Аян депешы с наемными тунгусами, а летом — хотя бы один раз судна Охотской флотилии.

На запрос из МВД генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я.Руперт, как сообщал 23 марта 1846 г. начальнику Главного морского штаба князю Александру Сергеевичу Меншикову министр внутренних дел, генерал-адъютант Лев Алексеевич Перовский, “имея в виду а) что по неопределению еще с точностью гра-

ниц Якутского края с Охотским* нельзя в настоящее время положительно определить, к которому из них принадлежит залив Аянский, б) что по нахождению теперь на этом заливе фактории Российско-американской компании могут там встречаться случаи, требующие распоряжений местного правительства, а вместе с тем и причисления оно к ведомству Якутской или Охотской областей, и в) что через устраиваемое факторией компании сообщение посредством рек Май, Алдана и Лены представляется более средств к сношению залива Аян с Якутском, чем с Охотском, со своей стороны полагает: залив этот с его окрестностями причислить к составу Якутской области, возложив на начальство сей области заведывание сим краем и производство могущих случаться по оному дел". При этом Руперт констатировал, что "сношение Аянской фактории с разными местами и лицами производится в настоящее время... посредством находящегося в г. Якутске комиссионера Российско-американской компании, который, получая из Аянской фактории один раз в месяц с нарочно посылаемыми людьми бумаги на имя разных мест и лиц отправляет их по принадлежности, а адресованные на имя фактории пакеты препровождает с теми же нарочными на залив Аян"³⁶.

Главное правление РАК 30 марта 1846 г. обратилось к министру финансов Ф.П.Вронченко с ходатайством, чтобы

во избежания всяких "столкновений с отдаленным начальством Охотского порта, причислить к Якутской области не только залив Аян с его окрестностями, но и все между Аяном и Якутском пространство, по которому пролагаются и устраиваются компанией пути сообщения между теми двумя местами (курсив мой. — П.К.)"³⁷.

Морское министерство запросило мнение авторитетнейшего деятеля, адмирала Петра Ивановича Рикорда, который много лет служил на северо-востоке Сибири, географию и условия края знал не понаслышке. Вердикт адмирала от 19 апреля 1846 г. был безоговорочным: "Аянская фактория непременно должна быть причислена к Якутской области". После такого заключения А.С.Меньшиков 22 апреля 1846 г. сообщил Л.А.Перовскому: "По соображению сего вопроса в Морском министерстве представляется удобным Аянскую факторию причислить к Якутской области..."³⁸.

Однако передача территории района Аянского залива и прилегающего к Якутско-Аянскому тракту региона от устья р. Май до Аяна не означала установления власти Якутского областного правления над учреждениями РАК. Они действовали автономно и только по административно-судебным вопросам контактировали с Якутском.

Включение Аяно-Майского тунгусского региона в состав Якутской области имело прогрессивное значение для местного населения. Зимой 1845/46 г.

в Аяне впервые был проведен обмен мехов пришедшими в факторию тунгусами. Они убедились, что цены в компанейских магазинах намного дешевле, чем у ходячих по стойбищам торговцев. С этого времени В.С.Завойко начал снаряжать торговые экспедиции по тунгусским стойбищам, вплоть до китайских границ того времени. А в 1847 г. по поручению Завойко Д.И.Орлов организовал торговую экспедицию на байдарках по берегу моря и дойдя до устья р. Уды, учредил там от компании особый торговый пост³⁹.

Учрежденная Аянская фактория в первую же зиму доказала, что она нужна не только РАК, но и может быть полезна для правительства. Поздней осенью 1845 г. принадлежащий Охотской флотилии корабль "Кадьяк" из-за сильных штормов оказался перед угрозой не дойти до Охотска. Тогда корабль вошел в Аянскую бухту, где и стал на зимовку. В.С.Завойко организовал размещение, продовольственное и медицинское обеспечение экипажа. С началом навигации 1846 г. "Кадьяк" благополучно добрался до Охотска⁴⁰.

Важное значение имел юридический статус учрежденного в заливе Аян порта и его начальника. Главное правление РАК 19 июля 1846 г. обратилось к министру финансов Ф.П.Вронченко с письмом, где рассказывало о проведенной работе по переносу фактории в Аян, отмечало, что "... благополучное состояние Аянской фактории и сообщений ее с Якутском, а равно и последовательная цивилизация страны, зависят

* Якутская область и Охотское приморское управление были образованы 22 июля 1822 г. по реформе М.М.Сперанского. — П.К.

единственно от способностей, усердия, благонамеренности, деятельности и опытности начальника Аянской фактории, и следовательно этот пост уже приобретает всю важность не столько в коммерческом, сколько в административном отношении, а с тем вместе и выбор на этот пост достойного чиновника должен совершиться с величайшею осмотрительностью. Так как в Аянский порт могут приходить не только компанейские суда под командою офицеров Императорского флота с военным экипажем, но и военные суда как Императорского флота, так и других наций, а равно и иностранные купеческие суда, *то необходимо, чтобы начальник Аянской фактории для наблюдения за порядком на приходящих судах был облечен властью командира над портом*” (курсив мой. — П.К.)⁴¹.

Ф.П.Вронченко 25 июля направил список (копия) с представления Главного правления РАК морскому министру, генерал-адъютанту Василию Алексеевичу Перовскому для решения вопроса, который в свою очередь 17 августа 1846 г. обратился к крупному исследователю Арктики и Тихого океана генерал-адъютанту, вице-адмиралу Федору Петровичу Литке высказать свое мнение по поднятому министром финансов и РАК вопросу. В своем ответе Перовскому 20 августа Литке поддержал предлагаемый статус Аянского порта и его начальника⁴².

На личный доклад В.А.Перовского от 4 сентября 1846 г. на Елагинском острове Николай I собственноручно поста-

вил резолюцию “исполнить”, в результате чего 6 сентября был обнародован именной указ: “... Высочайше повелеть соизволил в дополнение к Уставу Российско-американской компании постановить следующее: 1) Перенесенный из Охотска в Аян фактории присвоить наименование Аянского порта Российско-американской компании подобно тому, как такое наименование присвоено Новоархангельскому порту; и 2) начальник Аянского порта назначается исключительно из штаб-офицеров морской службы тем же порядком и с теми же в отношении к Морскому министерству и вообще к морской службе правами, обязанностями, отношениями и ответственностью, какие постановлены в §§ 142, 143, 144, 145, 158, 185 и 186 Устава Российско-американской компании о Главном ее правителе”⁴³.

Таким образом, должность начальника Аянского порта была приравнена к должности Главного правителя Северо-Американских колоний РАК, подлежала утверждению высочайшим приказом по представлению высшего морского начальства. Штаб-офицер, назначавшийся начальником Аянского порта, при наличии у него чина ниже капитана 1-го ранга при определении в должность вне очереди повышался в чине. Инициатива о кандидатуре исходила от Главного правления РАК с обращением в Министерство финансов, а оттуда в Морское министерство, и затем через Инспекторский департамент

проект приказа вносился на подпись императору⁴⁴.

20 сентября 1846 г. Главное правление РАК вышло с представлением к министру финансов Ф.П.Вронченко о назначении капитан-лейтенанта В.С.Завойко начальником Аянского порта и производстве его в следующий чин — капитана 2-го ранга. Вронченко в свою очередь вышел 30 сентября с представлением в Морское министерство.

Морской министр В.А.Перовский 25 октября 1846 г. сообщил министру финансов, что “состоящий по флоту капитан-лейтенант Завойко высочайшим приказом, в 23-й день настоящего октября по флоту отданным, назначен начальником Аянского порта с производством в капитаны 2-го ранга”⁴⁵.

В 1847–1848 гг. деятельность Аянской фактории и порта протекала в привычном режиме. Ежегодно с североамериканских колоний и Курильских островов в Аян приплывали до трех судов, которые привозили меха на сумму до 700 тыс.руб. для отправки в Кяхту, Нижний Новгород, Санкт-Петербург и забирали на Камчатку и в колонии привезенные через Сибирь грузы.

В эти годы одним из основных направлений в деятельности В.С.Завойко стало торговое освоение Удского края и приграничных с Китаем приамурских районов, в чем получал поддержку вступившего в должность 27 февраля 1848 г.* генерал-губернатора Восточной Сибири, генерал-майора

* Высочайшим приказом от 5 сентября 1847 г. назначен исполняющим должность иркутского и енисейского генерал-губернатора и командующего войсками, расположенными в Восточной Сибири. — П.К.

Николая Николаевича Муравьева⁴⁶.

Верным соратником начальника Аянского порта в этих начинаниях был Д.И. Орлов, с которого по ходатайству Завойко было снято обвинение, по которому был осужден, и 14 мая 1847 г. он получил чин коллежского регистратора (14-й класс).

В 1846–1850 гг. порт Аян и его начальник В.С. Завойко находились в центре организации исследования Нижне-Амурского края. Он был не только в числе узкого круга административных и морских чинов, которые знали о проводимых в большой тайне экспедиционных работах в регионе, но и стал связующим звеном между действовавшими в регионе экспедициями, Иркутском и Санкт-Петербургом.

По политическим соображениям эта миссия с 1846 г. была возложена на РАК. Первой в цепи событий стала отправка брига “Константин” под командованием подпоручика А.М. Гаврилова. В.С. Завойко, получив отправленную 5 марта 1846 г. от председателя Главного правления РАК контр-адмирала барона Фердинанда Петровича Врангеля утвержденную Николаем I секретную инструкцию командир судна об исследовании лимана р. Амур, залива между Сахалином и материком, юго-восточного берега Охотского моря до Удской губы, направил ее в Аян. Получив инструкцию, Гаврилов 20 июля 1846 г. приступил к ее исполнению и завершил дело 12 августа. Из-за нехватки времени и того, что из-за секретности только лично сам командир проводил промеры, ему не удалось ре-

шить главный вопрос, доступно ли устье Амура для крупных судов, остров ли Сахалин или полуостров⁴⁷.

Прибыв в Аян 20 августа, Гаврилов через В.С. Завойко отправил журнал и карту описи Ф.П. Врангелю, после ее изучения о результатах было доложено Николаю I, который поставил резолюцию: “Весьма сожалею. Вопрос об Амуре как о реке бесполезной оставить”⁴⁸.

Однако так не думали генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, князь А.С. Меншиков, министры – графы П.Д. Киселев, Л.А. и В.А. Перовские и др. Именно этой группе удалось, опираясь на РАК, проводить дальнейшее проникновение приказчиков Аянской фактории РАК в Удский край и организовать поход транспорта “Байкал” под командованием капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского в 1849 г. в устье Амура⁴⁹.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев стал первым из генерал-губернаторов края, который в мае–ноябре 1849 г. обозрел северо-восток Сибири по маршруту: Иркутск–Якутск–Охотск–Петропавловский порт–Аян–Якутск–Иркутск.

Г.И. Невельской вместе с взятым на борт “Байкала” в 20 милях к северо-западу от залива Счастья (Байкал) приказчика РАК Д.И. Орлова направился к Аяну, куда прибыл 3 сентября 1849 г. Прибывший сюда 22 августа из Петропавловского порта Н.Н. Муравьев на 12-весельном катере приблизился к входящему в Аянскую бухту “Байкалу” и с нетерпением спросил Невельского, откуда он явился. На

что услышал долгожданные не только для Восточной Сибири, но и России слова: “... Сахалин остров, вход в лиман и р. Амур возможен для мореходных судов с севера и юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно. Истина обнаружилась; доношу вам об этом ныне”⁵⁰.

В.С. Завойко организовал прием и отправку генерал-губернатора вьючным трактом с Аяна до Нелькана, а с Нелькана – на лодках по Мае, Алдану, Лене до Якутска, куда тот и прибыл с супругой Екатериной Николаевной и свитой 22 сентября 1849 г.

В ходе этой поездки Муравьев окончательно сформулировал целый пакет предложений по административному и военному обустройству северо-востока Сибири, в том числе по упразднению Охотского приморского управления и военного порта, учреждению Камчатской области и Петропавловского порта, где сам провел рекогносцировку по строительству батарей в Авачинской бухте. Все эти предложения он успел с отходящей из Якутска последней летней почтой (15 сентября) отправить Л.А. Перовскому и А.С. Меншикову. И неудивительно, что из поездок Муравьев вернулся в Иркутск 20 ноября, а 2 декабря 1849 г. вышел высочайший указ, претворяющий в жизнь его предложения. По этому указу Гижигинский округ Охотского приморского управления включался в состав вновь учрежденной Камчатской области, а остальная территория с городом Охотском присоединялась к Якутской области в роли малолюдного округа.

В ходе поездки Н.Н.Муравьева была решена и дальнейшая судьба начальника Аянского порта. Дело в том, что в 1850 г. заканчивался 5-летний срок пребывания в должности Главного правителя североамериканских колоний РАК капитана 1-го ранга М.Д.Тебенькова. Главное правление РАК планировало назначить Главным правителем колонии В.С.Завойко, который высочайшим приказом от 3 апреля 1849 г. был произведен в капитана 1-го ранга. С учреждением же Камчатской области, во главе которой нужен был деятельный, знающий хорошо местные условия флотский чин, перед Н.Н.Муравьевым стоял выбор: И.В.Вонлярлярский или В.С.Завойко? И определяющим в выборе стало мнение преосвященного Иннокентия во время его встречи с Муравьевым в Петропавловском порту. Об этом чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Бернград Васильевич Струве впоследствии вспоминал: “Долго пытал его Муравьев, чтобы узнать его мнение о двух имевшихся у него в виду кандидатах на должность камчатского военного губернатора. Случайно, входя в кабинет генерал-губернатора с докладной по какому-то вопросу, не терпевшему отлагательства, я сделался свидетелем, как преосвященный Иннокентий, вскакивая со своего кресла, выпрямился во весь рост и с казавшимся мне в его голосе нетерпением сказал: “Почто вызываете: за Лярского (т.е. И.В.Вонлярлярского. — П.К.) я

руки не подставлю, а за Завойко я постою обеими руками, всем телом и всею душою”. Этот решительный отзыв со стороны лица, вообще уклончивого, но несомненно в высшей степени опытного, тут же указал Муравьеву, на кого должен пасть его выбор”⁵¹.

И уже 7 августа 1849 г. Н.Н.Муравьев на пути из Петропавловского порта в Аян в письме* к Л.А.Перовскому (передано на транспорт “Куриль” для доставки в Охотск и отправки в Санкт-Петербург) предлагает назначить военным губернатором и командиром камчатских портов В.С.Завойко, считая его “наиболее способным для этого назначения, как деятельного и усердного исполнителя”⁵².

Высочайший приказ о назначении В.С.Завойко исполняющим должность камчатского губернатора и командира Петропавловского порта был обнародован 15 февраля 1850 г. Однако В.С.Завойко пришлось ожидать в Аяне пять месяцев, когда прибывший из колонии корабль “Князь Меншиков”, забрал его и в середине августа доставил в Петропавловский порт⁵³.

Так, завершился 9-летний период службы В.С.Завойко, вначале управляющим Охотской, с 1845 г. — Аянской факторией РАК, а с 1846 г. — начальником Аянского порта РАК. На северо-востоке Сибири вряд ли можно найти вторую такую личность, как В.С.Завойко, оставившую такой глубокий след в истории

и экономике края в 40-е гг. XIX в.

А доверие, которое ему оказали генерал-лейтенант Н.Н.Муравьев и император Николай I, назначив его военным губернатором самой отдаленной области в империи, он оправдал сполна.

В 1850—1854 гг. он занимался обустройством Петропавловского порта, строительством батарей в Авачинской бухте для обороны порта. Август 1854 г. вписал славную страницу в историю российского Дальнего Востока. Оправдались прогнозы Н.Н.Муравьева, А.С.Меньшикова, вступившего осенью 1852 г. в должность генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича и др. о необходимости подготовки Камчатки и устья Амура к войне с морскими державами.

Вопреки прогнозам скептиков военные действия в 1854—1855 гг. развернулись на берегах Камчатки, Якутской области, в устье Амура и Татарском проливе. Именно возглавляемый генерал-майором (звание присвоено 23 июня 1853 г.) В.С.Завойко гарнизон Петропавловского порта в августе 1854 г. нанес сокрушительное поражение объединенному англо-французскому флоту. Он же в апреле 1855 г. по высочайшему приказу организовал эвакуацию гарнизона, имущества и населения Петропавловского порта в устье Амура⁵⁴.

Оставаясь военным губернатором Камчатской области произведенный высочайшим

* В этом письме Н.Н.Муравьев предлагал также Американскую епископскую кафедру перенести в Авачинскую губу, присоединить к ней Якутскую область и возвести во 2-й класс, а преосвященного Иннокентия в сан архиепископа. — П.К.

приказом от 17 ноября 1854 г. в контр-адмиралы, В.С.Завойко генерал-губернатором Н.Н.Муравьевым 27 мая 1855 г. был назначен начальником находящихся в Нижнем Амуре морских сил, а 15 сентября — начальником морских и сухопутных сил края. По окончании войны, по упразднению Камчатской области и образованию Приморской области В.С.Завойко был освобожден от должности камчатского губернатора и командира Петропавловского порта с зачислением по флоту. Выдающиеся его заслуги были отмечены орденами: Св. Георгия 4-го класса и Св. Анны 2-й степени

с императорской короной (1850 г.); Св. Станислава 1-й степени и Св. Георгия 3-й степени (1854 г.); Св. Владимира 2-й степени и арденю по чину (1855 г.)⁵⁵.

По возвращении в Санкт-Петербург В.С.Завойко 29 июля 1857 г. был назначен членом морского генерал-аудиториата, а в 1858 г. был избран членом Главного правления РАК⁵⁶. Был членом ИРГО.

Он был высочайшим приказом произведен в вице-адмиралы 23 апреля 1861 г., а в адмиралы — 1 января 1874 г. С 1 августа 1867 г. В.С.Завойко состоял в штате Морского министерства. Труды адмирала

были высоко оценены российскими императорами. Он был награжден орденами: Св. Анны 1-й степени с мечами над орденом; Белого орла (1884 г.); Св. Александра Невского (1890 г.). В 1876 г. его аренда была увеличена до 2700 руб. в год, в 1893 г. — до 3000 руб.

Адмирал В.С.Завойко скончался 16 февраля 1898 г. и был похоронен в селе Великая Мечетня современного Кривоозерского района Николаевской области Украины. 2 сентября 1989 г. его прах был перезахоронен с женой в поселке Кривое Озеро⁵⁷.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹ *История* Русской Америки. — Т. III. — М., 1999. — С. 307–308.
- ² *Общий морской список*. — Ч. X. — СПб., 1898. — С. 149.
- ³ *Болгурицев Б.Н.* Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII — начало XX в. — Владивосток, 1998. — С. 75.
- ⁴ *РГИА*. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1389. Л. 123–125, 151.
- ⁵ *РГА ВМФ*. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 7. Л. 7об.
- ⁶ *Там же*. Л. 8 об.
- ⁷ См.: *Устав РАК*, § 144.
- ⁸ *РГИА*. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1310. Л. 116об.
- ⁹ *РГА ВМФ*. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2.
- ¹⁰ *РГИА*. Ф. 18. Оп. 5. Д. 310. Л. 3 об. 11.
- ¹¹ *РГА ВМФ*. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.
- ¹² *Тихменев П.А.* Историческое обозрение Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени. — Ч. II. — СПб., 1863. — С. 7–8.
- ¹³ *Отчет РАК*. Главного правления, по 1 января 1843 года. — СПб., 1843. — С. 28.
- ¹⁴ *Там же*. — С. 33.
- ¹⁵ *РГА ВМФ*. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
- ¹⁶ *Отчет РАК*. Главного правления, по 1 января 1844 года. — СПб., 1844. — С. 19.
- ¹⁷ *РГА ВМФ*. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.
- ¹⁸ *Отчет РАК*. Главного правления, по 1 января 1844 года. — С. 19–20.
- ¹⁹ *РГИА*. Ф. 18. Оп. 5. Д. 401. Л. 6 об.
- ²⁰ *Отчет РАК*. Главного правления, по 1 января 1845 года. — СПб., 1845. — С. 20.
- ²¹ *Записки* Гидрографического департамента Морского министерства. — Ч. IV. — СПб., 1846. — С. 84–85.
- ²² *Тихменев П.А.* Указ.соч. — С. 18–19.

- ²³ *Отчет* РАК. Главного правления. За один год, по 1 января 1846 года. — СПб., 1846. — С. 22.
- ²⁴ *Записки* Гидрографического... — С. 83.
- ²⁵ *Отчет* РАК. Главного правления, по 1 января 1845 г. — С. 22.
- ²⁶ *Тихменев П.А.* Указ.соч. — С. 21.
- ²⁷ *РГИА.* Ф. 18. Оп. 5. Д. 1399. Л. 1–3.
- ²⁸ *Отчет* РАК. Главного правления. За один год, по 1 января 1846 г. — С. 24.
- ²⁹ *Там же.* — С. 27.
- ³⁰ *РГИА.* Ф. 18. Оп. 5. Д. 1310. Л. 36–37.
- ³¹ *Там же.* Л. 90 об.
- ³² *Тихменев П.А.* Указ.соч. — С. 25.
- ³³ *Отчет* РАК. Главного правления. За один год, по 1 января 1846 г. — С. 25.
- ³⁴ *ГАИО.* Ф. 24. Оп. 12. Д. 658. Л. 3–6.
- ³⁵ *Отчет* РАК. Главного правления. За один год, по 1 января 1847 г. — СПб., 1847. — С. 20.
- ³⁶ *РГА ВМФ.* Ф. 410. Оп. 1. Д. 1888. Л. 2–3.
- ³⁷ *РГИА.* Ф. 18. Оп. 5. Д. 1310. Л. 105.
- ³⁸ *РГА ВМФ.* Ф. 410. Оп. 1. Д. 1888. Л. 4об., 6об.
- ³⁹ *Отчет* РАК. Главного правления. За один год, по 1 января 1848 г. — СПб., 1848. — С. 21–22.
- ⁴⁰ *Отчет* РАК. Главного правления. За один год, по 1 января 1846 г. — С. 22–23.
- ⁴¹ *РГИА.* Ф. 18. Оп. 5. Д. 1310. Л. 109–110.
- ⁴² *РГА ВМФ.* Ф. 410. Оп. 1. Д. 1888. Л. 18 об.
- ⁴³ *ПСЗРИ.* — Собр. II. — Т. 21, отд. 2. — С. 273.
- ⁴⁴ *РГА ВМФ.* Ф. 283. Оп. 1. Д. 6175. Л. 1–4.
- ⁴⁵ *РГИА.* Ф. 18. Оп. 5. Д. 1310. Л. 118.
- ⁴⁶ *Там же.* Д. 130. Л. 1–2, 9 об
- ⁴⁷ *Романов Д.* Присоединение Амурского края к России // Русское слово. — 1859. — Июнь. — С. 379–385.
- ⁴⁸ *Грачев В.А.* Присоединение Приамурского края к России (1850–1860). — Никольск-Уссурийский, 1920. — С. 5.
- ⁴⁹ *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849–1855. — СПб., 1878. — С. 59–91.
- ⁵⁰ *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. — Кн. 1. — М., 1891. — С. 224.
- ⁵¹ *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири. 1848–1854 г. — СПб., 1889. — С. 77.
- ⁵² *Барсуков И.П.* Указ. соч. — С. 219.
- ⁵³ *Отчет* Главного правления РАК за 1850 год. — СПб., 1851. — С. 16.
- ⁵⁴ *Более* подробно см.: *Барсуков И.П.* Указ.соч.; *Шумахер П.В.* Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854 и 1855 гг. // Русский архив. — 1878, — № 8; *Бартенев Ю.* Оборона Петропавловска против англо-французской эскадры в 1854 г. // *Там же.* — 1898, — № 7.
- ⁵⁵ *Общий* морской список. — Ч. X. — С. 150.
- ⁵⁶ *Тихменев П.А.* Указ.соч. — С. 283.
- ⁵⁷ *Болгурицев Б.Н.* Указ.соч. — С. 76.

Клуб Общества взаимопомощи приказчиков (1905–1917 гг.)

Е.А.Сергеенко

В дореволюционном Якутске Общественное (Благородное) собрание долгое время являлось единственным местом, где можно было культурно провести свободное время. Но его деятельность охватывала только высшие слои горожан, а остальным жителям Якутска приходилось довольствоваться различными питейными заведениями. Только в начале XX в. в городе появился еще один культурный очаг – Клуб Общества взаимопомощи приказчиков (Клуб приказчиков).

Общество взаимопомощи приказчиков было создано в бурные месяцы 1905 г., когда возникали многочисленные профессиональные союзы. Со

временем они исчезли, а Общество просуществовало до 1917 г. Оно объединяло служащих торговых фирм города, инициаторами его создания были самые активные из них: А.А.Семёнов, Е.М.Мезенцева (“Наследники Кушнарёва”), В.Е.Горинович (помощник капитана парохода “Лена”, бывший народоволец), А.К.Новокрещенов (винный завод), И.Золотарев и др.¹, причем обязательным условием вступления была служба по найму.

Устав Общества был утвержден 29 ноября 1905 г., в нем, наряду с представлением профессиональных интересов членов, обозначались следующие задачи: “Забота о воспитании и научном образовании

Екатерина Анатольевна
Сергеенко,
в.н.с. НА РС(Я), аспирант ЯГУ.

детей действительных членов, доставление членам и их семьям возможности проводить время с пользой и вообще удовлетворять духовные и материальные потребности членов Общества". Для этого следовало открыть школы, библиотеки, клубы, устраивать спектакли, концерты, маскарады, семейные и музыкальные вечера, лекции по разным отделам знаний, литературные чтения и т.д.²

Общество состояло из действительных членов, соревнователей и членов-посетителей, то есть тех, "кто посещает, организует, участвует в увеселительных и образовательных учреждениях общества". В члены их принимало правление, а утверждало общее собрание, они имели право участвовать в нем с правом голоса по определенным вопросам. Поэтому среди членов-посетителей были и учителя, и чиновники, и политссылные (из-за чего нередко происходили столкновения с администрацией города).

Основная деятельность Общества сначала была направлена на экономическую защиту служащих торговых фирм: в т.ч. на борьбу за выходные дни, увеличение зарплаты, ограничение трудового дня и т.п. Наиболее активными членами общества являлись Е.М.Мезенцева (единственная женщина в Правлении), А.А.Семёнов, М.В.Сабунаев (бывший народоволец, врач) и др.³

Тогда же был создан Клуб Общества взаимопомощи приказчиков. Первоначально он располагался в доме купца Маркова на Набережной улице. Здесь по субботам и предпраздничным дням устраивались семейные вечера, стави-

М.В.Сабунаев

лись первые спектакли, читались лекции. В 1908 г. для Клуба было построено собст-

А.А.Семенов

венное здание (на берегу о. Талое, снесено в 2004 г.), для этого пришлось взять кредит у торговых фирм, погашение ко-

торого чуть не разорило Общество. Новое помещение вмещало до 500–600 человек, другие кружки и общества города также получили возможность проводить в нем свои мероприятия (собрания, чтения, митинги), помимо этого две комнаты занимала библиотека-читальня.

Сразу же сложился актив, ответственный за мероприятия, одним из организаторов была супруга А.Семенова — Наталья Петровна. Начал формироваться и коллектив любителей драматического искусства, среди них Бехтерева, З.М.Новокрещенова, Е.М.Мезенцева, О.Сабанчеева, Л.А.Ельцова, М.А.Бушуева, В.М.Шведова, Панкратьев, М.Сабунаев, Н.Столяров, Л.А.Усов, И.Колмогоров, С.А.Ковынин, И.В.Эверстов и др.⁴

Устраивались так называемые "субботки" с разнообразной программой, семейные вечера (иногда проводились ситцевые вечера, на которые публика должна была приходиться в ситцевых нарядах), танцы, игры, изредка лекции и, конечно, спектакли с участием артистов своей труппы и других любителей драматического искусства. Особенное внимание привлекали маскарады, устраиваемые на Святки и Масленицу.

В масках и костюмах городская общественность отражала свое отношение к различным сторонам жизни: дефициту продуктов, спекуляциям торговых фирм. В отличие от общественного собрания, маски здесь были более провокационными, и иногда все заканчивалось арестом. Так, 27 февраля 1910 г. на костюмированном танцевальном вечере всеобщее вни-

мание привлекла следующая композиция: повешенная женщина с плакатом на груди – “Получила равноправие”, а к самой виселице был прикреплен картон с ребусом – изображение двух столов, затем слово “пинский”, потом галстук (столыпинский галстук), и весь этот эшафот толкал палач в красной рубашке. Полиция попыталась задержать злоумышленников, но так и не смогла, позже, Э.Рубанович и В.Сапожников, подозреваемые в авторстве, были приговорены к нескольким месяцам тюрьмы⁵.

Наряду с обычными костюмированными вечерами устраивались и якутские маскарады, где костюмы отражали историю, мифологию, быт народа: “Святочное гадание у якутов”, “Древняя могила у якутов”, “Бог охоты у якутов”⁶, “Женщина, выделяющая кумыс”⁷ и т.д.

От всех мероприятий, взносов, пожертвований, арендной платы Клуб получал приличный доход, который и шел на оркестр, хор, гримеров, декораторов и т.д.

С каждым годом росло мастерство актерской труппы Клуба. Она представляла пьесы почти каждую неделю, численность посетителей росла. Расширялся и репертуар. Наряду с традиционными Н.Островским, А.Чеховым, Шпагинским, ставили спорных М.Горького, Б.Андреева, Вермищеева. Из постановок можно отметить пьесу О.Уайльда “Как важно быть серьезным”, поставленную 17 января 1916 г. Во-первых, автор выбрал сложную, социально-психологическую комедию малоизвестного иностранного писа-

Н.П.Угловская-Семенова

теля, во-вторых, актерами были учащиеся старших классов Якутского реального училища и Якутской женской гимназии⁸. До этого учащиеся не допускались в “увеселительные учреждения города”, доступными для них оставались только дневные представления или ученические постановки. Теперь они получили возможность самим играть перед настоящей публикой, к тому же все вместе: и юноши, и девушки. Благодаря хорошей подготовке пьеса прошла блестяще и вызвала длительные аплодисменты зрителей.

В местных газетах иногда появлялись рецензии на спектакли с их критикой. Промахи артисты старались исправлять, но ведь они не были профессионалами, и большего, чем веселая или правдоподобная игра, обычная публика и не ожидала, а кроме того, частые премьеры не давали достаточного времени для подготовки. Неизбалованные настоящими актерами зрители аплодировали смелости, выразительности

своих же коллег, знакомящих их, таким образом, с произведениями классиков и современных авторов.

Другим направлением деятельности Общества было просвещение своих членов: в 1907 г. предполагалось открыть вечернюю бесплатную одноклассную начальную школу для взрослых обоего пола. Занятия должны были проводиться в здании второклассной церковно-приходской школы преподавателями местных учебных заведений: А.А.Сахаровой, А.П.Широковой, Н.И.Поротовой, С.Н.Лебедевым, И.А.Рогожиным и другими (всего 20 человек). Эта школа могла бы дать элементарные знания по письму, чтению, счету⁹.

На протяжении второй половины 1907 г. в Клубе приказчиков устраивались лекции, например “Физическая основа души”, на которой лектор Аронов рассказал о новой науке психологии, провел параллели между человеком и животными, инстинкты которых были представлены как элементы души, наиболее сильные, выжившие в ходе эволюции¹⁰. Он же прочел лекцию на тему “Натуральное хозяйство”, где, по мнению рецензента газеты “Якутский край”, ошибочно опирался на марксистскую теорию экономического базиса развития человечества¹¹.

В 1916 г. правление Общества взаимопомощи приказчиков обратилось к якутскому губернатору с просьбой об открытии “Курсов для торговых подростков обоего пола” для того, чтобы они пополнили свое образование, подняли умственный уровень и нравст-

венность. Обучение должно было быть бесплатным, четырехгодичным. На курсы принимались подростки от 10 до 18 лет. В учебную программу, по замыслу организаторов, должны были входить русский язык, арифметика, география, счетоводство. Согласие губернатора было получено в январе 1917 г., но революционные события не позволили реализовать эти планы.

Между правлением и членами Общества происходили и конфликты, в прессе звучали обвинения в пренебрежении простыми членами, отходе от истинных целей Общества, по-

гоне за прибылью. Действительно, если сначала и велась некоторая борьба за права служащих, декларированная в уставе, то потом Общество практически бездействовало, отдавая все силы Клубу, который стал единственным связующим звеном. Библиотека не работала, хотя туда были присланы 5 ящиков книг от М.Горького¹².

Во время революции 1917 г. клуб продолжал функционировать под новым названием — Клуб Профессионального союза служащих торгово-промышленных предприятий и общественных учреждений¹³. За-

тем его здание было передано созданному якутскому театру.

Таким образом, с появлением Клуба Общества взаимопомощи приказчиков культурная жизнь Якутска стала богаче и многообразнее. Вокруг него сконцентрировались те, кто не имел доступа в Общественное собрание, в первую очередь, политссылные, проживавшие в городе. В нем велась просветительская работа. Очень интересными были развлекательные мероприятия. Члены Общества были демократичными, открытыми для всего нового, не боялись рисковать, все это и привлекало в Клуб горожан.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 98. Л. 1.*
- ² *НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 2. Д. 10783. Л. 34–48.*
- ³ *Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.*
- ⁴ *Там же. Л. 1.*
- ⁵ *Сибирь. — 1911. — 30 сент.*
- ⁶ *Якутские вопросы. — 1917. — 14 февр. — Приложение.*
- ⁷ *Ленский край. — 1916. — 5 янв.*
- ⁸ *Там же. — 9 янв.*
- ⁹ *НА РС(Я). Ф. 288и. Оп. 1. Д. 120. Л. 3.*
- ¹⁰ *Якутский край. — 1907. — 28 окт.*
- ¹¹ *Там же. — 25 нояб.*
- ¹² *Якутские друзья А.М.Горького. — Якутск, 1988. — С. 14.*
- ¹³ *Якутское обозрение. — 1917. — 26 сент.*

Иконопись в творчестве Ивана Васильевича Попова

Л.С.Попова

И.И.Попов

Люция Саввична
Попова,
краевед.

Иван Иванович
Попов,
преподаватель Якутского
художественного училища.

“Воспитываясь в церковной атмосфере, на заре своего творчества И.В.Попов увлёкся иконописью”¹, – писал большой поклонник таланта художника С.Г.Потапов – известный журналист и художественный критик.

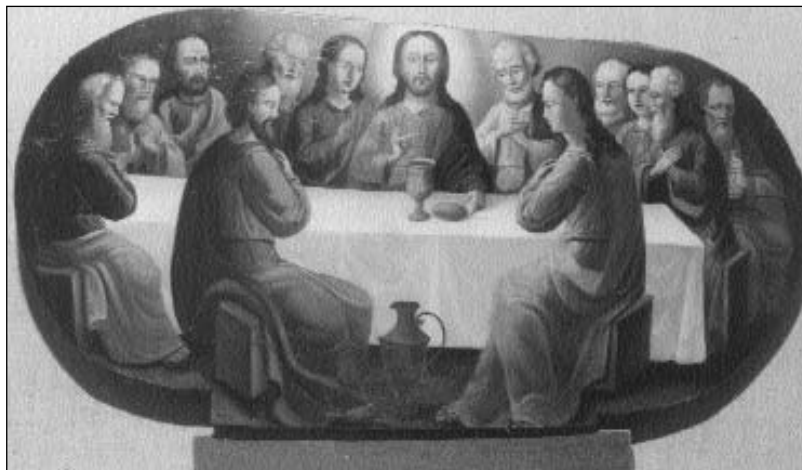
Иначе, видимо, и не могло быть. Художник был сыном, внуком, правнуком и братом священнослужителей. Это были глубоко верующие и искренние в своих убеждениях люди. Отличались они исключительным трудолюбием, бескорыстием, милосердием и преданностью своему делу. Заброшенные на “край Земли”, в “центр холода и тьмы”, во имя исполнения служебного миссионерского долга, они сполна

испытали тяготы жизни простого народа, но полюбили этот край и породнились с его жителями. С глубоким сочувствием они относились к угнетённым и больным, оказывали им посильную помощь, лечили, разделяли их радости, горести и беды. Как истинные христиане, они умели ценить человеческое достоинство каждого прихожанина, старого и молодого, богатого и бедного, ссыльного и свободного, русского и татарина, поляка и якута. Они уважали народ, в среде которого судьба заставила их жить, изучали его культуру, знали и любили его язык. Учили своих прихожан грамоте, правилам профилактики различных заболеваний,

приобщали к культуре своего народа. Они свято верили в добро и справедливость, вселили надежду в светлое будущее. Любили и украшали свои храмы ликами святых, обращали к ним проникновенные слова молитвы на якутском языке. И был у них свой, можно сказать, доморощенный иконописец, рано открывшийся талант которого, приводил в восторг новообращённых прихожан.

Основы иконописи И.В.Попов освоил под руководством своего деда — протоиерея Димитриана Димитриевича Попова, который слыл незаурядным иконописцем, чеканщиком и резчиком по дереву. Секретами ремесла Д.Д.Попов познакомился в Иркутске, во время учёбы в духовной семинарии. В своём приходе построил два храма, сделал для них иконостасы с золочением, написал иконы. Отец Димитриан также писал иконы для каждого родившегося в его семье ребёнка, делал к ним оклады. Одна из них — икона Святого Николая Чудотворца, выполненная тиснением на меди, побывала с его сыном Николаем Димитриановичем — участником Русско-японской войны на батареях Порт Артура в 1904–1905 гг. во время ожесточённых артиллерийских боёв. Иконы, написанные для матушки Татьяны Фёдоровны и дочери Капитолины, долгие годы хранились в семье художника И.В. Попова.

Батюшка Димитриан был немало удивлён, когда увидел, что его малолетний внук самостоятельно написал маслом картину “Страшный суд”, и обратил внимание на художественный талант внука. Очень

Тайная вечеря

рано научил его рисовать с натуры, писать иконы, сделал его своим первым помощником в изготовлении наглядных пособий для учащихся церковно-приходской школы.

Для росписи часовни I Жехсогонского наслега Ботурусского прихода в местечке Булгунняхтах протоиерей пригласил из Якутска известного в то время иконописца Р. Моравко-Моравского. Характерным для икон Моравского было то, что лики святых на его иконах носили якутские черты. Он также преподавал уроки иконописи внуку протоиерея, при этом сразу обратил внимание на художественный талант мальчика и стал брать его к себе в помощники.

В начале ноября 1884 г. юного иконописца отец привёз в Якутск учиться в духовное училище. Мальчика поместили в пансионат. Расставание с родителями и родными местами было для него тяжёлым испытанием. Горечь разлуки скрашивало занятие живописью. Вскоре родители семинариста получили письмо

от А.С. Бушковой², в котором она писала: “...Ваш сын имеет большой талант, — похвалил ректор семинарии. Нарисованный им Никола висит в молебной комнате семинарии. Работу эту очень похвалил архиерей...”.

Бывая на каникулах, И.Попов пишет для деда архангелов Гавриила и Михаила, Богородицу, Иисуса Христа, святых.

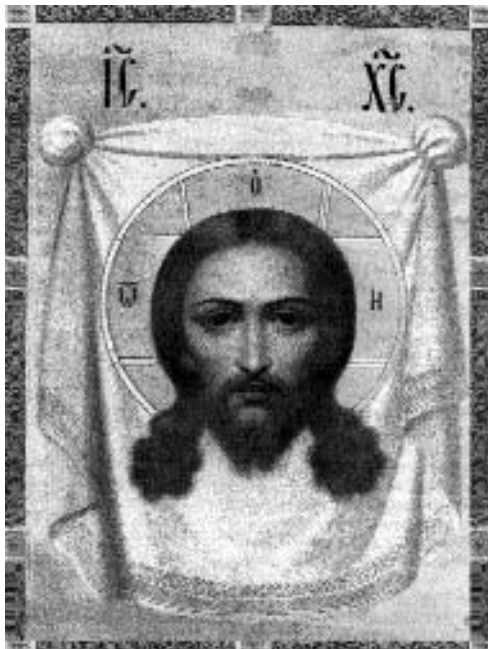
В 13–14-летнем возрасте Иван выполнил маслом по дереву работу “Тайная вечеря”. Она пострадала от пожара в церкви, но само красочное изображение чудом сохранилось в первоизданном виде. Обгорелые края были обрезаны. В настоящее время средние размеры картины составляют 46 x 90 см., при толщине дерева 3,5 см. “Тайная вечеря” с более поздними работами художника: “Иисус Христос на смертном одре”, “Моление о чаше” — копия с картины Н.Н.Ге, сделанная художником в Русском музее в начале XX в., и другими была передана в Черкёхских мемориальный музей политической

ссылки в пору его становления сыном художника И.И.Поповым.

В 15-летнем возрасте И.Попов пишет портрет епископа Мелетия (Х.,м., 60 x 46,5).

Епископ обратил серьёзное внимание на художественные способности И.В.Попова, всячески потворствовал его занятиям живописью. Владыка приобрёл для молодого художника краски, кисти, холст, привлёк к реставрации старых часовен г. Якутска, росписи церквей, сделал его своим иконописцем. Кроме того епископ Мелетий подарил ему редкую по тем временам деревянную фотокамеру производства Жиро. Этой камерой художник делает фотографии всех церковных сооружений и других достопримечательностей г. Якутска и его окрестностей, свои известные фотографии из жизни местного населения. Картины, иконы, фотографии И.Попова стали пользоваться широким спросом. В 1893 г. художник арендует мансарду в доме И.С.Говорова и с благословения епископа Мелетия оборудует в ней иконописную мастерскую, пишет иконы, портреты духовных и административных лиц. К нему поступает много заказов на иконы, даже из отдаленных северных улусов. В летнее время художник выезжает в родной Ботурусский улус. В 1900 г. И.Попов написал все иконы иконостаса в церкви с.Чичимах.

В 1903 г. в газетной хронике перемен по службе писали: “Псаломщик Тюремной церкви Иван Попов уволен в Европейскую Россию на один год

Спас Нерукотворный

для изучения живописи, с прикомандированием его на должность псаломщика Холгуминской церкви”³.

Так началась его длительная, с перерывами учёба в стенах Императорской Академии художеств.

Во время учёбы художник часто, иногда надолго приезжал на родину для пленэрной работы, археологических раскопок, сбора этнографических коллекций. При этом он продолжал работать для церкви. “Якутские Епархиальные ведомости” в начале XX в. писали: “В целях умственного развития и нравственной пользы обывателей, предающихся игре в карты и винопитию, Совет якутского церковного братства по инициативе преосвященного председателя решил приступить к построению собственного помещения с читальным залом для устройства в воскресные и праздничные

дни религиозно-нравственных чтений.

Составление плана Братского дома поручено вольному практику-художнику Попову при участии о. ректора семинарии протоиерея Ф.Стукова. <...> Имеется несколько эскизов и планов дома...”⁴.

Самой известной работой художника в то время было внутреннее оформление часовни архиерея.

В 1954 г. старший сын художника Н.И.Попов, будучи в Свердловске на курсах по гидрометеорологии, услышал от матери Ивана Петровича Екопа: “Твоего отца хорошо знаю. Мой муж был дьяконом в церкви Николы. Твой отец реставрировал эту церковь”. В церковных ведомостях Ботурусского прихода отмечено, что

“в 1905–1906 гг. произведён капитальный ремонт Преображенской церкви, потолок и полы в храме зашпаклёваны, выкрашены и разрисованы масляной краской. Написаны в храме новые местные иконы и одна большая запрестольная. Старые “местные” иконы реставрированы. Иконостас выкрашен кармином и местами разрисован и вызолочен. Означенная работа произведена художником Иваном Васильевичем весьма хорошо”⁵.

В настоящее время эта запрестольная икона “Вседержитель” украшает Ытык-Кельский Преображенский храм на территории Литературно-художественного музея-заповедника “Татта”.

В Крест-Хальджае (селе Алданском) И.Попов выполнил всю художественную работу в новой церкви, написал около сорока икон.

По рассказам местных жителей, а также матери и деда начальника РСУ Мегино-Кангаласского района Попова Ильи Васильевича, с которым имел беседу сын художника Н.И.Попов, И.В.Попов реставрировал церковь в с.Бютэйдэ-эх и писал иконы иконостаса.

Старший сын художника слышал от отца, а также от Г.М.Кокшарского и М.И.Дуглас (друзей художника), что Иван Васильевич реставрировал старые и писал новые иконы для церквей в сёлах: Булгунняхтаах, Октёмцы, Павловск, Чурапча, Хаяхсыт, Покровск. О работе в Покровской церкви также рассказывала дочь священника Павлуцкого — Х.Павлуцкая. Художником И.Поповым были написаны иконы для церкви г. Олёкминска, в селении I Нерюктей и других. В I Нерюктее он квартировал у местного писателя Н.Н.Крылахова, который имел очень богатую и красивую коллекцию якутской деревянной утвари, о чём рассказывала дочь писателя В.Н.Крылахова.

Будучи в Вилюйске, художник квартировал в доме купца Кондакова. Писал иконы для церкви Святого Пантелеймона, другие иконы и портреты, в том числе портрет купца Кондакова, фотографировал, учил детей. Перед отъездом уступил купцу копию картины Карла Дольчи “Святая Цецилия”. Она долгое время хранилась в Вилюйском краеведческом музее, сейчас находится в Ытык-Кельском литературно-художественном музее-заповеднике “Татта”.

Неизвестна судьба портретного образа Святителя Иннокентия Вениаминова, выпол-

Епископ Никанор

ненного И.В.Поповым в дореволюционное время. Сохранилась авторская фоторепродукция портрета, которая даёт яркое представление о незаурядной личности просветителя.

Многие иконы, выполненные И.В.Поповым, как ранние (конец XIX в.), так и поздние (начало XX в.), сделанные уже на высоком профессиональном уровне, после революции и Гражданской войны из церквей поступили в краеведческие музеи республики. Часть икон находится в частных руках.

К сожалению, в годы безверия они оставались без должного внимания как со стороны отдельных владельцев, так и со стороны музейных хранителей, подвергались воздействию влаги, пыли, резкому колебанию температуры, механическим повреждениям.

Сейчас, с повышением интереса к дореволюционной истории края и религии стали появляться на “свет божий” ранее неизвестные произведения старейшего художника Якутии И.В.Попова, среди них и его иконописные работы. Например, летом 2003 г. науч-

ный сотрудник Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера им. Емельяна Ярославского Е.Б.Степанова выявила две работы И.В.Попова. Это “Бог Отец Скорбящий” и “Распятый сын” — копии, выполненные по репродукции Г.Лазовского (1897) с оригинала произведений В.М.Васнецова в Киевском Владимирском соборе.

В 2004 г. художник И.И.Попов (сын И.В.Попова) реставрировал ранее переданный им в Краеведческий музей “Портрет епископа Никанора” (X, м., 36,1 x 31 см), который был написан отцом в 1899 г., т.е. до его поездки в Санкт-Петербург на учёбу.

Семейные иконы, в том числе, принадлежащие кисти протоиерея Димитриана и И.В.Попова, в 1952–1953 гг. И.И.Попов принёс в дар православной церкви г. Якутска. В 1995 г., в день освящения Свято-Никольского кафедрального собора он передал церкви икону “Спас Нерукотворный” работы отца.

В своём интервью журналу “Илин” архиепископ Якутский и Ленский Герман отметил: “Из профессиональных художников иконы писал только Иван Васильевич Попов”⁶.

Архиепископ Якутский и Вилюйский Мелетий не ошибся в выборе иконописца. И.В.Попов полностью оправдал его доверие, работал для церкви много и добросовестно. Его иконы сейчас редко, но можно встретить по всей Якутии.

Иконы, выполненные искусным мастером, пленяют лёгкостью и изяществом ри-

сунка, гармонией цвета, одухотворённостью ликов святых. Они призывают к вере, душевной чистоте и святости.

По всей вероятности, наступило время провести атри-

буцию произведений художника И.В.Попова, в том числе и икон, во всех музеях, архивах, частных коллекциях и церквях Республики Саха (Якутия) и составить полные тематичес-

кие каталоги. Принять меры по сохранению неоценимого духовного наследия выдающегося художника конца XIX и первой половины XX столетия, гуманиста и просветителя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ *Потапов С.* Якутская картинная галерея // Советская Азия. — 1932. — С. 7.

² *Анна Степановна Бушкова* — сестра Василия Степановича Попова, отца художника. Она жила в г. Якутске. Умерла 3 декабря 1908 г., погребена при Николаевской церкви.

³ *Якутские* Епархиальные ведомости. — 1903, — № 21. — С. 138–139. Национальная библиотека РС(Я), отдел редких книг.

⁴ *Якутское* церковное Братство во имя Христа Спасителя за X лет его существования (отчет за 1901–1902 годъ) // Якутские Епархиальные ведомости. — 1903, — № 2. — С. 28. Национальная библиотека РС(Я), отдел редких книг.

⁵ *НА РС(Я).* Ф. 265. Оп. 1. Л. 6.

⁶ *Шапошникова А.* Архиепископ Якутский и Ленский Герман: «Время расставляет всех по местам, и каждому воздаёт должное» // Илин, — 2000, — № 1. — С. 7.

Миссионер Андрей Аргентов

И.И.Юганова

Инна Игоревна
Юганова,

к.и.н., зам. директора НА РС(Я).

Изучение истории христианского просвещения народов Якутии в последние десятилетия открывает нам новые имена, выявляются неизвестные ранее материалы о деятелях православной церкви в Якутии. О миссионере Андрее Ивановиче Аргентове не написано работ, хотя его имя известно и упоминания о нем имеются в научных трудах¹. Сведения о нем есть и в словаре С.А.Венгерова и в энциклопедическом словаре Ф.Брокгаузена и И.Ефрона². В Национальном архиве Республики Саха (Якутия), в фондах духовных органов и учреждений Якутии, отложились интересные документы, связанные с деятельностью этого священ-

ника, позволяющие наиболее полно осветить жизненный путь этого самобытного самородка-исследователя, автора значительного количества историко-этнографических, географических, статистических, метеорологических и картографических работ.

А.И.Аргентов родился осенью 1816 г. в селе Великий Врат Нижегородского уезда Нижегородской губернии, расположенном на правом берегу р. Волги. Его отец Иван Степанович служил дьячком местной церкви, и семья Аргентовых, как и другие семьи низшего звена приходского духовенства Российской империи, едва сводила концы с концами. Именно в родительском

доме получил будущий миссионер первые основы знаний. Затем родители отвезли его в Нижний Новгород, где он поступил в уездное духовное училище, после окончания которого, как один из лучших учеников, был направлен в Нижегородскую духовную семинарию. В 1841 г. Аргентов окончил богословский курс семинарии.

В эти годы большую известность в европейской части России получил Указ Синода от 5 сентября 1839 г., изданный на основании ходатайства епископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Иннокентия III³, о направлении студентов — выпускников духовных семинарий на служение в Иркутскую епархию, в которой тогда насчитывалось более 100 вакантных мест священно- и церковнослужителей. В Указе от 12 июля 1840 г. и других документах Синода, также посвященных обеспечению духовными кадрами Иркутской епархии, указывалось, что в Иркутск должно быть направлено 25 выпускников семинарии, ещё не получивших распределения, в том числе из Тульской епархии — 5 человек и из Владимирской и Рязанской епархий — по 10 человек. Молодые люди, получившие указание выехать в Иркутскую епархию, обеспечивались дорожным жалованием и средствами на проживание. По истечении 7 лет службы им предоставлялось право перевода в другие епархии с гарантированной оплатой проезда всем членам семьи до нового места служения.

В 1840 г. через Нижний Новгород на служение в Иркутск проехали студенты Рязанской духовной семинарии

Д.Хитров⁴, Н.Запольский и другие. Неизвестно встречались ли тогда будущий первый епископ Якутской епархии и Аргентов, но есть сведения, что проезжающие из Рязани посещали Нижегородскую духовную семинарию, и, возможно, этот визит и был причиной того, что в 1841 г. выпускник семинарии Аргентов выразил желание отправиться на служение в далекую Иркутскую епархию. Весной того же года Аргентов находился уже в Иркутске и 31 мая 1841 г. был возведен в сан диакона с назначением в Тельминскую Богородско-Казанскую церковь, расположенную в с. Тельма, находящемся в 55 верстах от Иркутска вниз по р. Ангара. Село это, по сибирским меркам, было сравнительно большое и зажиточное, так как на его территории были расположены суконная фабрика и Усть-Сольский солеваренный завод. В описываемый период в селе проживало более 3000 жителей, и Тельминский приход был одним из наиболее богатых приходов епархии. Именно в Тельминском приходе, по распоряжению архиепископа Нила⁵, праздничную пасхальную службу проводил находящийся в Иркутске Д.Хитров, направленный священником в Градо-Якутскую Преображенскую церковь. Так завязалось знакомство молодых священника и диакона, прибывших из различных епархий Российской империи, переросшее затем в дружбу, продолжавшуюся не одно десятилетие. Аргентову не суждено было долгое время оставаться в Тельме — 28 сентября того же года он был рукополо-

жен в сан священника и назначен иереем Иретской Николаевской церкви.

Как уже указывалось выше, в начале XIX в. большое количество приходов обширной Иркутской епархии имели вакантные священнические места. В числе их была и Нижнеколымская Спасская церковь Якутской области. Аргентов изъявил желание поехать в Якутию в качестве священника этой церкви. Впоследствии он сам не мог объяснить причины своего поступка. «Не имею дать ясного отчета, — пишет он в своих записках, — почему мне именно понравился Нижнеколымск, из-за чего я предпочел его другим местам, пожелав туда на службу. Может быть, меня интересовало... солнце глубокого севера, то незаходящее, то невосходимое, величественное сияние арктических небес..., а может быть рассказы бывалых людей меня завлекали»⁶. 5 января 1843 г. Аргентов с семьей, состоящей из его супруги Евдокии Ивановны и маленького ребенка, отправился в путь. В начале февраля они прибыли в г. Якутск, где вновь встретились с Д.Хитровым и Н.Запольским. В беседах с ними Аргентов узнал, о тех напутствиях, которые высказывались епископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием (Вениаминовым)⁷ в отношении миссионерской деятельности священнослужителей. Епископ Иннокентий, более 15 лет посвятивший обращению в православие алеутов, креолов и представителей других северных народностей, указывал, что первым необходимым условием, первой самой важной задачей миссио-

нера является изучение местных языков и наречий для того, чтобы сделать христианство более понятным и доступным для северных народов.

В конце февраля – начале марта семья Аргентовых покинула Якутск и отправилась на север. Ехали они медленно, делая в сутки не более 40–50 верст. Вспоминая об этой поездке Аргентов писал: “К вашим услугам (были. – *И.Ю.*) гостиницы-поварни⁸, где есть библиотека своя. К услугам вашим стены и множество записей. Уголь, карандаш и резец здесь трудились. Вот на выдержку образчиков несколько: «казак Бессонов с казною»,... «Труп графа Головкина везем с Колымы»⁹,... «Здесь на берегу реки ...Назимов и Пушкин¹⁰ ночевали»¹¹.

1 июля путешественники достигли Нижнеколымска, находящегося на левом берегу р. Колымы. В это время в нем было 43 дома, церковь, казенный и частный магазины, соляная стойка, пороховой погреб. Государственную власть здесь представлял “частный командир”, осуществлявший исполнительную и судебную функции.

Население Нижнеколымска было небольшим, но в дни ярмарок (апрель–март) его численность достигала нескольких сотен человек. В Нижнеколымске Аргентовых встретил местной церкви священник А.Трифонов, на место которого и был назначен Аргентов¹². Несколько лет причт Нижнеколымской церкви составляли вместе с Аргентовым дьячок И.А.Трифонов, причетник З.Заровняев и заштатный священник А.И.Трифонов, отмеченный множеством наград

и благодарностей Синода и епархиального начальства.

История христианского просвещения севера Якутского края начинается с середины XVII в., когда в 1668–1680 гг. на рр. Индигирку, Алазею и Колыму прибыл монах Якутского Спасского монастыря Макарий. В начале XVIII в. этот район посетила миссия архимандрита Мартиниана. В 40-х гг. этого же столетия на Колыме миссионерской деятельностью занимался иеромонах Феофил, оставшийся от экспедиции Д.Лаптева. Тогда же служил здесь священник А.Слепцов, назначенный в Зашиверск и Колымский край в 1735 г., так как с 1704 г. Колымский край находился в приходе Зашиверской церкви, а в 1786 г. был открыт Нижнеколымской приход, территория которого охватывала весь Колымский округ. После строительства в 1743 г. Анадырской церкви усилилось влияние православия, но после ликвидации в 1764 г. Анадырская церковь была перенесена в Нижнеколымск и освящена священником-миссионером П.Трифоновым.

С 20-х гг. XIX в. миссионерская работа среди чукчей становится постоянной благодаря деятельности протоиерея Г.Слепцова и его походной церкви-палатки, разрешение на которую было получено из Синода в 1799 г. С этой церковью-палаткой Слепцов совершал длительные поездки, результатом которых было большое количество новоокрещенных чукчей. После Слепцова миссионерскую деятельность продолжил священник А.Трифонов, использовавший для своих проповедей время про-

ведения ярмарок. Ко времени начала служения в Нижнеколымске Аргентова оставалось ещё более двух тысяч чукчей-язычников в Якутской области, а также чукчей из Приморской области, которые кочевали в пределах Колымского округа.

Нижнеколымский приход был одним из самых больших в Иркутской епархии. Границы его простирались до 700 верст¹³. Численность прихожан доходила до трех тысяч человек, среди них было 650 русских казаков, мещан и крестьян, а также юкагиры, якуты, чукчи, тунгусы, ламуты и коряки. Помимо миссионерских священник Нижнеколымского прихода должен был исполнять и пасторские обязанности.

В первый же год пребывания в Нижнеколымске Аргентов совершил несколько поездок на собачьих упряжках по территории прихода. Во время этих путешествий, общая продолжительность которых составила несколько месяцев, он крестил, венчал, отпевал умерших, исповедовал, служил молебны и литургии на походных антимирах¹⁴. Результатом этих поездок стало письмо Аргентова архиепископу Нилу от 9 сентября 1843 г. о возможности образования отдельного причта или даже строительства церкви среди чукотских кочевьев на запад от Чауна. В качестве одного из членов причта будущей церкви Аргентов предлагал пономаря Нижнеколымской церкви Сивцева, знавшего язык чукчей.

Вопросом строительства церкви для чукчей занимался ещё в 1825 г. епископ Иркутский Михаил II¹⁵, который от-

мечал, что существует ряд причин, в связи с которыми это строительство не представлялось возможным. Среди этих причин были неустойчивые отношения между русскими и чукчами, уклонение чукчей от принятия православия, кочевой образ жизни чукчей, а также то, что строительство церкви требовало определенных расходов, которые не могли быть выделены иркутским епархиальным начальством. Аргентов в своём письме отмечал, что “народ этот (чукчи. — *И.Ю.*) на берегу моря особенно многочислен, нравом довольно кроток и к русским благорасположен” и в случае открытия прихода был готов возглавить его¹⁶. В ответном письме архиепископ просил сообщить, что представляет собой Чаун, т.е. та местность, где, по мнению Аргентова, должна была находиться духовная миссия и церковь “а чтобы сведения, мною от Вас ожидаемые, были удовлетворительными, посетите сами Чаун и другие места будущего прихода, посоветуйтесь со старожилами, испытайте мнение старшин... Для большей же точности этих сведений ведите в путешествии своём подробный журнал и доставьте мне”¹⁷.

В начале 1844 г. Аргентов совершил поездку в Анюйскую крепость на ярмарку, на которую приезжало большое количество чукчей для меновой торговли¹⁸. Крепость тогда представляла собой небольшое селение, в котором располагались несколько изб, юрт и амбаров, а также небольшая часовня, построенная в 1811 г. протоиереем Слепцовым. Именно в Аюне Аргентову удалось установить доброжелательные

отношения с чукотскими эремами¹⁹ Ятыргиным и Амвраургином, заложившие основы дальнейшей христианизации чукчей.

В июле 1844 г. о.Андрей совершил дальнюю поездку по чукотским стойбищам. В одном из них, во время миссионерской проповеди, присутствовал уважаемый среди чукчей шаман Тньпо, который в ответ на слова священника сказал: “Вы люди русские, Бог дал вам веру русскую..., а сам Бог на небе. Мы люди — чукчи, Бог дал нам веру чукотскую... И так вы русские веруйте по-русски..., а мы чукчи будем веровать по-чукотски”²⁰. Но Аргентов, избравший путь миссионерского служения, сумел не только переубедить шамана, но объяснить ему основы православной веры так, что тот объявил о своём желании креститься в этот же день. Особенно упорное сопротивление в принятии христианства оказывали пожилые люди. Видимо, Аргентов обладал красноречием и даром убеждения, так как сохранились письменные свидетельства о том, как ему удавалось крестить даже шаманов и шаманок, которые после беседы с ним сами просили о принятии их в христианство.

За два года пребывания в Колымском округе Аргентов научился объясняться с чукчами без переводчика, что, несомненно, облегчало его взаимоотношения с местным населением.

20 февраля 1846 г. Якутское духовное правление сообщило Аргентову резолюцию архиепископа Нила относительно строительства церкви на Чукотке. В сентябре того же года

Аргентов изложил правлению свои соображения о месте строительства и по обеспечению храма всем необходимым, включая пособия на путевые расходы и паек переводчику. Анюйская часовня, по мнению священника, должна была стать приписной к новой церкви. Аргентов нашел и мцената для возведения чукотской церкви — купца В.Трифонова, который на свои средства к сентябрю 1848 г. построил храм при устье Большой реки на берегу Ледовитого океана. Благодаря усилиям Аргентова церковь была снабжена иконами, книгами и необходимой церковной утварью. Архиепископ Нил в начале 1849 г. представил в Синод проект об образовании самостоятельного прихода на Чукотской земле. Синод определением от 21 июля 1849 г. разрешил образовать приход с ежегодным выделением жалования священнику и причетнику, средств на путевые расходы для объезда паствы, а также на строительство дома для проживания причта.

В 1850 г. священник Аргентов и дьячок Заровняев переводятся на служение в Чауно-Чукотскую миссионерскую деревянную однопрестольную церковь Колымского округа. Кроме обязанности приходского иерея на Аргентова возлагались функции проповедника. В 1850–1852 гг. Аргентов составляет переписные листы на прихожан-чукчей, при этом каждый год в состав прихожан включалось от 200 до 300 новоокрещенных. В ноябре 1851 г. новая церковь была освящена во имя Николая Чудотворца в Николаевскую.

Следует отметить, что служение в отдаленных приходах

Иркутской губернии сопровождалось, кроме всего, трудностями и материального характера. Задержки в получении жалования и средств на путевые расходы исчислялись годами, и часто миссионеры и их семьи голодали и тогда чукчи-прихожане помогали продуктами. Православные чукчи с уважением относились к духовным лицам. В 1869 г., когда Нижнеколымск посетил епископ Дионисий (Хитров), чукчи предоставили в его распоряжение оленей. Аргентов, отмечал, что под влиянием христианства постепенно стали исчезать и некоторые чукотские обычаи, например, самоубийство стариков, многоженство, кровная месть и пр. — «сами чукчи смотрят на эти обычаи как на остаток язычества, достойный порицания»²¹.

Прожив в Чауне более года, Аргентов пришел к убеждению, что место, выбранное им для церкви, не совсем удачно. Впоследствии священник П.Суворов, сменивший Аргентова, счел удобным оставаться в Нижнеколымске. Усилиями чукотского эрема А.Амвраургина на Эломбале была построена вторая Чукотская церковь, ставшая в 1874 г. Эломбальским миссионерским станом Чукотской миссии. Чаунская же церковь постепенно приходила в запустение. В начале XX в. вся церковная утварь из неё была перенесена в Нижнеколымск.

В 1852 г. Аргентову объявлено благословение Синода, а в 1853 г. он награжден наперстным крестом. Прослужив в Колымске около 15 лет, о. Андрей подал прошение о переводе его в другой приход в связи с болезнью жены и тем об-

стоятельством, что его дети, достигнув школьного возраста, должны были начать обучение в школе. В эти годы Колымский край в составе Якутского викариатства входил в Камчатскую епархию. В 1857 г. Аргентов получил перевод в Олекминский Спасский собор, но прибыв в Якутск он отказался от служения в Камчатской епархии и летом 1858 г. переехал с семьей в Иркутск, где был определен в Градо-Иркутскую Сретенскую церковь. Узнав о прибытии в Иркутск известного миссионера Аргентова, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н.Муравьев-Амурский выразил желание встретиться с ним, и о. Андрей был приглашен на приём к губернатору.

В 1860 г. на основании личного прошения Аргентов был переведен во Владимирскую церковь. Тогда же о. Андрей обратился к епископу Парфению²² с инициативой создать в Иркутской епархии Братство взаимовспоможения местного духовенства. Епископ назначил особую комиссию для рассмотрения предложения священника. Комиссия разработала положение о Братстве и опубликовала его в «Иркутских Епархиальных ведомостях». 1 апреля 1860 г. на собрании городского духовенства г. Иркутска было избрано правление Братства, в состав которого вошел и Аргентов. Одной из основных задач Братства была выдача пособий малообеспеченным церковно- и священнослужителям.

В 1860 г. о. Андрей по собственному желанию был переведен в Одигитриевский собор г. Верхнеудинска, где он служил до 1875 г. Затем он был

назначен иереем в с. Богородское Горбатовского уезда Нижнегородской губернии. К этому времени в семействе Андрея Ивановича и Евдокии Ивановны Аргентовых было уже пятеро детей: сыновья Вадим (1847 г.р.), Вениамин (1850 г.р.), дочери Вера (1853 г.р.), Надежда (1858 г.р.) и Любовь (1864 г.р.) В 1889 г. Аргентов выходит за штат и возвращается в Верхнеудинск, где жили его дети и внуки. В Верхнеудинске он проживал в доме своего зятя А.В.Овсянкина. Умер о. Андрей 9 мая 1896 г. в возрасте 80 лет и был погребен на кладбище Троицкой кладбищенской церкви. На его могиле была сделана надпись «Блажен чистый сердцем, яко ты Бога узрети»²³.

Длительное служение Аргентова на севере Якутии оказало большую пользу развивающейся сибирской науке. С 1853 г. миссионерская и священническая служба Аргентова была тесно связана с научно-исследовательской деятельностью. Ещё до организации в Иркутске первого за Уралом научного учреждения — Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (СОИРГО) в начале 1850 г. были разосланы приглашения священнослужителям всей Иркутской епархии к участию в работе общества. Официальное объявление о сотрудничестве позже в 60–70-х гг. XIX в., неоднократно печаталось в «Иркутских Епархиальных ведомостях». Но ещё раньше по просьбе архиепископа Нила Аргентов с 1849 г. стал вести наблюдения за метеорологическими условиями Чаунской губы.

Длительные занятия по изучению края привели о. Андрея в СОИРГО: он посещал заседания, публиковал научные статьи и популярные очерки, выступал с докладами, вел переписку с членами общества. Впервые сибирские ученые познакомились с исследованиями Аргентова ещё в начале 1853 г., когда на общем собрании СОИРГО были зачитаны «Выписки из путевого журнала миссионера священника Аргентова, веденного им в 1853 г. во время поездки по Чукотской земле» и было решено избрать миссионера Аргентова членом-сотрудником общества.

24 октября 1854 г. на одном из заседаний общества слушается доклад Аргентова «Описание Николаевского Чаунского прихода, находящегося на берегах Ледовитого моря». Одноименную статью священник передает в Совет общества в Санкт-Петербург и в феврале 1856 г. на общем заседании СОИРГО было «прочитано в подлиннике изъявление признательности Сибирскому отделу от Совета Императорско-

го Русского географического общества за доставление в оное рукописи священника Аргентова»²⁴.

В 1854–1855 гг. Аргентов передает в дар музею общества рог ископаемого носорога, а 25 октября 1854 г. священнослужителю был вручен диплом на звание члена-сотрудника СОИРГО. В апреле 1857 г. на заседании общества была зачитана благодарность отделу от вице-председателя общества М.Н.Муравьева за доставленные рукописи, в том числе и записки миссионера Аргентова. В 1858 г. в «Записках» ВСОИРГО были помещены его ранние работы «Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске, относящиеся к 1855 г. и составленные до народной переписи» и «Статистические сведения о Нижнеколымске 5–20 января 1850 г.». Одна из значительных работ Аргентова – словарь-разговорник чукотского языка с приложением описания его фонетических особенностей была в 1879 г. удостоена серебряной медали общества.

В это же время о. Андрей успешно сотрудничает с другими научными учреждениями. В 1860 г. он избирается действительным членом Комиссии по акклиматизации животных и растений Московского Императорского общества сельского хозяйства и в 1861 г. награждается бронзовой медалью общества.

Во время служения в Верхнеудинске священник занимался вопросами русско-монгольских отношений и составлял летопись Верхнеудинска. В Нижнем Новгороде в 1886 г. вышла его книга «Путевые записки. Восточная Сибирь»²⁵.

Изучение жизни и деятельности священника-миссионера А.И.Аргентова даёт возможность составить впечатление о нем, как о человеке, посвятившем свою жизнь служению людям, как на пастырском и миссионерском, так и на научном поприщах. Благодаря таким личностям далекий Якутский край был включен в христианскую культуру и просвещение.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов В.Ф., Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. – Мирный, 1998. – С. 33; Романцова Т. Подвиг православного служения // Земля Иркутская. – 2000. – № 14. – С. 48–53 и др.

² Романцова Т. Указ. соч. – С. 48.

³ Иннокентий III – Александров Илья (1793–1869), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский в 1835–1838 гг.

⁴ Хитров Дмитрий Васильевич (1818–1896) – миссионер и просветитель, ученик и соратник Иннокентия Вениаминова. В 1841 г. на-

чал службу в Якутске священником Преображенской церкви, с 1844 г. – священник походных церквей, с которыми в течение 10 лет совершал миссионерские поездки. Член Императорского географического общества, лингвист, возглавлял Комитет по переводу на якутский язык богослужебной литературы. В 1867–1870 гг. – епископ Якутский, викарий Камчатской епархии. В 1870–1883 гг. – епископ Якутский и Вилюйский. Скончался в сане епископа Уфимского и Мензелинского.

- ⁵ *Нил* — Исакович Николай Федорович (1799–1874), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский в 1848–1853 гг., с 1840 г. архиепископ.
- ⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС(Я)). Ф. 270-и. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
- ⁷ *Вениаминов* (И.Е.Попов) (1797–1879) — уроженец Верхотурского уезда Иркутской губернии. С 1823 г. — миссионер-священник в Русской Америке, затем — архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, с 1868 г. — митрополит Московский и Коломенский. Известный миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый-лингвист и этнолог, почетный член Императорского Русского географического общества. В 1977 г. канонизирован и причислен к лику святых.
- ⁸ *Поварни* — небольшие дома из рубленых бревен с печью и низкой дверью.
- ⁹ Вице-канцлер М.Г.Головкин был сослан в 1742 г. в Среднеколымск императрицей Елизаветой Петровной. Вместе с ним ссылку отбывала его жена Екатерина Ивановна, урожденная Ромодановская. 10 ноября 1755 г. граф Головкин умер, и супруга перевезла его останки в Москву.
- ¹⁰ *Декабристы*, сосланные в 1826 г. на поселение в Среднеколымск.
- ¹¹ НА РС(Я). Ф. 270-и. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.
- ¹² *Сафронов* считает, что первая Нижнеколымская церковь была построена в 1779 г. См.: *Иванов В.Ф., Сафронов Ф.Г.* Указ. соч. — С. 33.
- ¹³ *Верста* — мера длины, равная 1066,8 м.
- ¹⁴ *Антиминс* — четырехугольный плат, покрывающий престол, на котором совершается одна из составных частей литургии — освящение святых даров.
- ¹⁵ *Михаил II* — Бурдуков Матвей Герасимович (1770–1830), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский в 1814–1830 гг., с 1826 г. — архиепископ.
- ¹⁶ *Учреждение* Чукотской миссии и образование Чаунского прихода // Якутские епархиальные ведомости. — 1909. — № 13, 14. — С. 205.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Анюйская* ярмарка функционировала с 1810 г.
- ¹⁹ *Эрем* — знатный человек у чукчей.
- ²⁰ НА РС(Я). Ф. 270-и. Оп. 1. Д. 15. Л. 26(об.); С.И. Боякова указывает, что подобный факт также относится к миссионерскому служению священника П.Суворова. — См.: *Боякова С.И.* Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX век — 1917 год). — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 30.
- ²¹ Там же. — С. 44.
- ²² *Парфений* — Попов Петр Тихонович (? —1873), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский в 1860–1873 гг., с 1863 г. — архиепископ Иркутский и Нерчинский.
- ²³ НА РС(Я). Ф. 270-и. Оп. 1. Д. 15. Л. 49–49 (об.).
- ²⁴ *Романцова Т.* Указ. соч. — С. 51.
- ²⁵ *Наумова О.Е.* Иркутская епархия. XVII — первая половина XIX в. — Иркутск, 1996. — С. 173.

Трудная судьба священника

А.М.Силина

Меня давно интересовала судьба прадеда. Из рассказов родственников я знала, что он был священником Якутской епархии, репрессированным в 30-е гг. XX в. Я спрашивала о нем у моей мамы Силиной Валентины Викторовны. Она рассказывала: “Деда Николая помню из раннего детства. Это был высокий человек, русоволосый, глаза голубые. Очень добрый, любил детей. Собирал всю нашу детвору за большим столом, поил чаем с леденцами и беседовал с нами. Жена его, Елизавета Гавриловна, умерла рано. Остались сиротами пять детей.

Его дом (не знаю, на какой улице он находился) реквизи- ровали. Видела я в том доме большой сундук, в котором были детские вещи и что-то еще — все это разграбили. Вот

тогда и построили дом на ули- це Пушкина.

В 1934 г., когда мне было 5 лет, наша семья выехала в с. Троицкое Усть-Майского района, и с тех пор я деда не видела”.

Некоторые вехи биографии Н.К.Силина выявил архивный поиск.

Николай Ксенофонович родился 20 октября 1875 г. в г. Якутске. Его отец, Ксено- фонт Иванович Силин, был приказчиком, мама, Фотимия Иннокентьевна, — домохозяй- кой. У Николая были старшие братья Павел и Александр¹ и младшая сестра Анна². Учился он в духовной семинарии.

15 сентября 1899 г. Нико- лай сочетался браком с доче- рью верхоянского мещанина Гавриила Феофановича Со- ловьева Елизаветой. Поручителя-

Анна Михайловна
Силина,

сотрудник Администрации МО
“Томпонский район”.

ми были тысяцкий – старший брат Павел Силин, “по жениху” – якутский мещанин Василий Иннокентьевич Монастырев и канцелярский служитель Иннокентий А.Охлопков, “по невесте” – канцелярский служитель Николай Н.Грибановский³, ставший впоследствии известным библиографом. В этом браке родились пять детей: Иван, Виктор, Филарет, Алексей и Калерия. Дата смерти Елизаветы Гавриловны не установлена. Она умерла до революции, когда дети были малолетними.

27 апреля 1935 г. Николай Ксенофонтович, будучи священником Никольской церкви г. Якутска, был арестован сотрудниками НКВД⁴.

Свою трудовую биографию Николай Ксенофонтович изложил на допросе у следователя: “По окончании школы я некоторое время работал частным приказчиком у дяди И.И.Силина В 1907 г. я был посвящен в попы и послан в Кобяйский наслег Намского района. В 1909–1912 гг. служил попом в с. Верхневилуйске. 1912 г. провел в гор. Якутске. [В] 1912–1915 гг. я священствовал в с. Татта, и там же занимался сельским хозяйством. В 1915–1917 гг. направлен в Тит-Ары Западно-Кангаласского района. В 1917–1918 гг. служил экзархом Якутской женской епархиальной школы, в 1918 г. был в сельскохозяйственной артели, организованной духовенством. В 1919–1924 гг. проживал в Чурапче, занимался сельским хозяйством и часто совершал обряды. В 1924–1928 гг. священствовал вновь в Кобяйском наслеге Намского района. В 1928–1929 гг. проживал в Якутске,

не имея никаких определенных занятий. В 1929 г. вновь служил попом в Горном районе. В 1930–1934 гг. определенных занятий не имел, проживал в г. Якутске, работая там, где только была возможность. С 1934 г. и по настоящее время священствую в Якутской городской церкви обновленческого толка”.

В 1907 г. Николай Ксенофонтович был уже семейным человеком и имел двоих детей. Неожиданный переход от коммерческой деятельности к богослужбной мог быть связан со смертью дяди и разногласиями с его наследниками, но мог иметь и причину духовную.

С установлением советской власти в Якутии был упразднен Епархиальный совет и прекращено денежное содержание духовенства из государственных средств⁵.

В чурапчинский период жизни (1919–1924 гг.) пришлось претерпевать и от красных, и от белых. И те, и другие добродушием не отличались.

Н.Васильева в журнале “Илин” № 2 за 2001 г. опубликовала статью “Долой попов и шаманов”, в которой анализирует борьбу с религией в 20-е гг. по материалам печати тех лет: “...В марте 1924 года, как сообщалось в газете «Автономная Якутия», в Батурусском улусе “в присутствии почти 150 человек инсценировали суд над попом и шаманом”. В качестве прототипов подсудимых использовали живущих в данном улусе священника Силина Н. и старого шамана Егорова”⁶.

“Автономная Якутия” от 18 апреля 1924 г. сообщала из Чурапчи о событиях, связан-

ных с вышеописанным судом: “Постановлением от 4 апреля ячейка почти всех своих членов командует по наслегам для агитации. Всем членам даются тезисы (конспекты) докладов на якутском языке. Темы агитации: посевкампания, отделение хотонов от юрт и информация о работе окрконференции.

Также постановлено в ночь на первый день пасхи устроить бесплатный спектакль антирелигиозного характера. Начало спектакля ровно в 12 часов ночи, то есть параллельно со службой в церкви.

Этим ячейка хочет испытать отношение населения к религии и культурной работе. Ячейка надеется, что победа останется на ее стороне, так как большинство населения забыло религию и очень сочувствует культурным развлечениям”.

По газетным статьям видно, что накануне Пасхи была развернута массированная печатная антирелигиозная кампания по всей республике.

Но вернемся к аресту. 4 мая 1935 г. свидетель – квартирантка Силиных А-ва А. так описывает процедуру ареста: “...Примерно в 12 часов ночи 27 апреля сего года сотрудники НКВД приходили в квартиру Силина для производства обыска, в чем был предъявлен ордер – через сына в сенях, и пришедшие отрекомендовались, что они являются сотрудниками УНКВД. Но, несмотря на это, сам Силин Н. к двери для открытия совершенно не подошел, а подошел его сын Алексей и у него в руках был большой якутский острый нож. Алексей, когда назвали имя его отца, ответил, что

здесь таковой не живет, и что он ночью в квартиру никого не пустит. Когда я посмотрела в предъявленный ордер и сказала Алексею, чтобы он открыл дверь, он мне ответил, что ордер может быть поддельным и что он все равно не пустит, а если они полезут силой, то он всех перепорет ножом. В итоге все же дверь не открыли и сотрудников не пустили. Все это время, когда происходил разговор, сам Силин Н. открывал свой сундук, вынимал какие-то папки и книги с бумагами, которые рвал, передавал жене сына – Марии Петровне, последняя прятала под перину. Прятала также и деньги, причем часть денег, точно сумму не знаю, Силин передал мне и просил, чтобы я эти деньги передала попу Якушкову, говоря, что эти деньги казенные. Но я утром деньги передала сыну Силина Алексею. Утром вновь пришли сотрудники УНКВД, но к их вторичному приходу они уже были вполне подготовлены (Силины) и уже не волновались. Это последнее обстоятельство также может подтвердить моя подруга, проживающая вместе со мной в одной комнате (живет с апреля 1935 года), Михалева Елена Тихоновна, она работает руководом в детсаде. Что именно они прятали и какие уничтожали бумаги, я этого сказать не могу, так как была ночь, огня не зажигали [...]. Разговаривать они также старались очень тихо – шепотом, отдельных фраз из их разговора уловить не пришлось”.

В дополнительных показаниях от 9 мая 1935 г. указано, что следователь Аверин задал Николаю Ксенофонтовичу следующий вопрос: “В какие

годы и в какие районы Вы выезжали из г. Якутска, с какой целью выезжали и как долго были в районах и в каких именно?”

Ответ: “В 1930 году выезжал в I Атамайский наслег Горного района для организации коллектива верующих, пробыл в наслеге всего 11 дней, а когда возвращался из наслега, то около села Намцев был арестован и вскоре направлен в г. Якутск в ГПУ, откуда и был освобожден из-под ареста. Больше ни в какие районы не выезжал никогда”.

В этом же протоколе отмечен вопрос следователя: “Сколько раз Вас штрафовали по линии райфинотдела и за что подвергали?”

Ответ: “...Я был оштрафован на 1900 руб. якобы за нелегальное содержание постоянного двора, за все это, то есть за штраф у меня было описано имущество и продано. Правда, к нам в дом приезжали из районов крестьяне, привозившие сюда груз, и груз брали из г. Якутска. [...] Иногда было очень помногу, что в доме даже негде было отдохнуть”.

Вопрос: “Чем вызвана необходимость содержания Вами нелегального постоянного двора, как это запрещалось законом?”

Ответ: “Никакой необходимости содержать постоянный двор у меня, конечно, не было, а приходилось пускать на ночлег приезжих крестьян исключительно потому, что самому приходилось бывать в наслегах и останавливаться. Поэтому на ночлег пускал на основе взаимности”.

Вопрос: “Из каких районов к вам приезжали крестьяне – якуты и по сколько человек

было одновременно, а также не поясните ли фамилии приезжих к Вам крестьян, из каких наслегов и районов они были?”

Ответ: “Были больше всего из Горного района ЯАССР, Атамайского наслега. Из этого наслега перебивали почти все. Были и из других наслегов и районов. Одновременно было не более 5-6 человек. [...]”

Свидетель А-ва А., 21 г., как следует из протокола от 3 мая сообщила следователю Страхову следующее:

“Проживала в доме у попа Силина и замечала, что у него в доме происходят сборища духовенства и верующих. В частности, бывают у него поп Винокуров А., псаломщик М-кий И., сторожа церкви К-в Н., Ск-н С., поп Надеин В. и другие. Эти все лица имеют между собой хорошие взаимоотношения, разделяют взгляды один другого и т.д.

[...] В 1935 году, я знаю, что у Силина было 3-4 сборища. В частности, в начале января 1935 года, когда по старому стилю праздновали Рождество Христово, на сборище у Силина присутствовали Винокуров А., К-в Н., М-кий И. и еще кто-то. [...] Все указанные антисоветские разговоры я слышала сама лично, хотя в них участия не принимала, так как живу я в смежной комнате, с общей кухней. При открытых дверях мне было слышно все. [...]”

4 мая А-ва дала дополнительные показания:

“В начале 1933 года я приехала из г. Жиганска, где я учительствовала⁷. А так как у меня не было квартиры, я обратилась в Якутский горсовет. После моих настоятельных

просьб мне [...] был выделен ордер на право занятия комнаты в доме № 12 по ул. Пушкина.. [...] С этого времени, то есть с апреля 1933 года, я и знакома с семейством Силина Николая и его сыновьями.

Дом, в котором жили мы, в основном состоит из двух квартир: моя и квартира Силиных. Я занимаю одну комнату, а Силины — 2 комнаты, и [есть] общая кухня. Перегородки между комнатами очень тонкие — некапитальные, а тесовые, совершенно не изолированные, поэтому обыкновенные разговоры, происходившие в других комнатах, хорошо слышны.

Силин Н. с первых дней моего приезда в этот дом был против того, чтобы я жила вместе с ними, вернее, в одном доме, поэтому он меня стеснялся и старался, чтобы я не знала об их разговорах.”

Вопрос: “Как часто приходили отдельные из перечисленных выше лиц и чем вызывалась необходимость их прихода в квартиру Силина Н.К.?”

Ответ: “Поп Винокуров А. — старик низкого роста, горбатый, приходил очень часто, иногда даже по несколько раз в день. Он очень дружно жил с Силиным. [...] М-кий — одевается хорошо, имеет вид интеллигента, в прошлом [был] за что-то заключен под стражу...”

Показания от 3 мая М-кого И., 47 лет, следователю Страхову: “В г. Якутске я непрерывно проживаю с 1928 года. Я, как происходящий из семьи священника, большую часть знакомых имею из духовного звания. Из тех лиц, с кем я веду знакомства, близко соприкасаюсь с ними, а иногда даже

по делу обстоятельств бываю у них [...], являются следующие лица: поп Силин Н.К., поп Винокуров А., поп Надеин В.В., поп Якушков С., трапезник К-в Н., сторож церкви Ск-н и другие. Кроме этого, хотя и редко, но встречался и знаком с [...] Топорковым Иваном.

...Из всех вышеуказанных лиц особенного внимания заслуживает поп Силин Н. [...].

Примерно в начале января 1935 года, это в дни Рождества Христова так называемого (по старому стилю), у попа Силина Николая был я, поп Якушков и еще кто-то, точно не помню [...]. Поп Силин, поставив на стол угощение и обращаясь к присутствующим, заявил, что угощение для гостей бедное и никаких излишеств нет, при этом стал сравнивать жизнь народа при царском времени, в капиталистических государствах с жизнью населения в Советском Союзе. В основном, его языком, сводилось к следующему: “Вот раньше при царе было все, что хотите, даже считавшиеся [неразборчиво] и то купались во всем, как сыр в масле, а теперь советская власть довела нас до того, что жрать нечего, один черный хлеб да вода, от которого многие протянут ноги, а за ними придется протягивать ноги и нам. В газетах везде пишут, что за границей безработица, люди пачками умирают с голоду, но это не верно, они живут в полном довольстве, имеют все, а вот у нас это — верно; пишут в газетах, передают по радио о всевозможных достижениях, подъеме нашего народного хозяйства, улучшении благосостояния народа и т.д., а на самом деле этого ни-

чего нет, народ не живет, а мучается впроголодь, ходит разутым и раздетым [...] А все это зависит исключительно от советской системы правления, и если бы ее не было, то и жизнь протекала совершенно по-другому бы”. Такой же в это время разговор происходил и о религии. Поп Силин говорил: “У нас в России религия в загоне, власть незаконно закрывает церкви, отбирает ценности и церковную утварь, у нее одна цель — уничтожить религию [...]”. Еще до этого числа — 19 декабря 1934 года, в день своего рождения или так называемого дня ангела, поп Силин созвал к себе своих знакомых, как-то: попа Винокурова А., попа Якушкова С., трапезника К-ва Н., сторожа церкви Ск-на и других, которых угощал спиртными напитками. [...] Больше всех говорил Силин. Первыми его словами было выражение недовольства порядком управления, налоговой политикой и др. мероприятиями, в частности, он говорил: “Сейчас настал период насилия, грабежа и издевательства над народом со стороны советской власти. Не только нас, попов, кулаков и лишенцев, но в общем все население задушили налогами, ограбили, раздели всех, оставив в одной рубахе, довели народ до полного отчаяния. Этой властью не довольны не только мы, но более рабочие и крестьяне, которые в первые годы революции стояли горой за советскую власть. Наболела эта вся история [...]”. Поп Винокуров А. вполне разделял сказанное попом Силиным [...]. Поп Якушков С. в разговор не вступал, а только все время слушал, выпивал и заку-

сывал угощением, поданным на стол.

Последний раз я в доме Силина был примерно в конце февраля или начале марта 1935 года. К моему приходу у Силина уже был поп Якушков С. и кто-то еще. Припоминаю, в этот раз поп Силин высмеивал мероприятия советской власти об отмене карточной системы на муку, крупу и т.д. и вообще свободной продаже хлеба. Он говорил: “Это все устроено не для того, чтобы улучшить положение населения, а для того, чтобы у народа выкачать бессовестным образом последние гроши. Возьмите вот в пример: у колхозников отобрали хлеб за бесценок, а теперь за него с нас шкуру дерут. Но это ничего, если они обеспечивали им, а то ведь они только мучают нас. За каким-то несчастным куском хлеба стоишь на морозе целыми днями в очередях, иногда даже не получишь его и остаешься голодным. Сами же они обеспечиваются не только черным, но и белым хлебом, который едят в три горла. Но это им ненадолго, так как запасов муки немного, которые в скором времени иссякнут, и тогда разразится голодовка, которой они не минуют и сами”. На этот раз долго у Силина быть не пришлось, и мы вскоре разошлись.

Кроме всех моих посещений дома Силина с последним неоднократно встречался на улицах, в церкви, и при встречах с ним имел продолжительные беседы по разным вопросам. В частности, в начале марта сего года я Силину сообщил как новость об убийстве Кирова и приговоре коллегии Верхсуда о расстреле

контрреволюционеров-террористов. Он в ответ на это мне говорил: “Так оно и должно быть, это кара божья, постигнет такая участь их всех, антихристов-коммунистов, только больно то, что за какого-то одного коммуниста Кирова уничтожили сотни лучших, умных людей”.

Поп Силин в последнее время болтал до того, что он церковь использует в контрреволюционных целях, выступал с проповедями к-р [...] и ведет обработку верующих в к-р направлении. [...] Так, 6 апреля Силин вечером в церкви после всенощной собрал постников и, обратившись к ним с жестами, говорил: “Вот вам бог, а я являюсь его представителем. Вы, молящиеся, должны признать свои грехи и раскаяться передо мной. Мы переживаем сейчас тяжелое время, и это бог посылает нам в наказание за наши грехи. Так будем же молиться. Давайте образумимся, и мы придем к старому”. В это время верующих в церкви было около 40, которые, услышав эти слова, вынуждены были покинуть церковь. Фамилии присутствовавших я не знаю точно, за исключением одной гражданки Бобряковой, проживающей по Красноармейской ул. Я после такой проповеди стал ругать Силина, но он ответил: “Ничего тут особенного нет. А потом, если и арестуют, то все равно я их не боюсь, и они меня подержат немного и освободят”.

Спустя дней 3-5 после этого мальчик якут лет 15-16 служил молебн. Как видно, этот мальчик — приезжий из района. Поп Силин, отслужив молебен, стал ему внушать: “Я посланец божий, молюсь я

за вас [...]. Вы тоже молитесь. Бог услышит нас обязательно и исцелит тебя. Это не ты один такой, у меня были многие, и все исцелялись. Приедешь домой, избегай коммунистов, комсомольцев, не слушай их — это антихристы. Научают тебя плохие. Тогда не вступай в колхозы и не вели этого делать другим — в этом зло. И только тогда будешь жить хорошо и счастливо, если будешь веровать в бога и слушать мои советы”. Это Силин говорил на якутском языке. Посторонних в это время никого не было, кроме меня и одной старушки из верующих, фамилии которой я не знаю.

Одинаковый по своим убеждениям является и бывший поп Шипицын Иннокентий Иванович, с которым я неоднократно встречался, имел разговоры [...].”

К-в и Ск-н дали подобные показания. К-в Н. 8 мая сообщил следователю Аверину дополнительно следующее: “...До этого, то есть 2 года тому назад, Силин Н. служил священником тоже в г. Якутске в Преображенской церкви. Не помню, от кого я слышал, что он тоже говорил в церкви проповеди против советской власти. Но он там со священником Якушковым по этому поводу поругался и перешел служить в нашу церковь [...]. Объявляю, что в Преображенской церкви Силин Н.К. поругался с Якушковым Александром, то есть братом Якушкова Семена [...].”

За меня, неграмотного, по моей просьбе расписался [подпись]”.

9 мая на допросе Николая Ксенофонтовича следователь спросил: “Признаете ли Вы себя виновным по существу

предъявленного Вам обвинения по ст. 58-10 ч. 2 УК?”

Ответ: “Я прочитал и понял, в чем меня обвиняют, но по существу предъявленного мне обвинения виновным себя совершенно не признаю”.

Вопрос: “На праздник Николаина дня и в день Рождества присутствовавших в Вашей квартире Ваших знакомых Вы агитировали против советской власти, говорили, что теперь только кругом грабят, издеваются над народом, судят, лишают права голоса, душат налогами, незаконные гонения на церковь и религию, особенно здесь, в Якутии. Жить стало невозможно, у власти стоят самозванцы. Признаете ли Вы, [что] такой агитацией против советской власти занимались неоднократно, в частности в указанные религиозные праздники?”

Ответ: “Я уже говорил выше, что на праздник Николин день в моем доме были Винокуров А., М-кий И. и другие. Но я ничего против советской власти не говорил. Так же не говорил и в остальные дни, когда упомянутые выше лица и другие бывали в моем доме”.

Вопрос: “2 апреля 1935 года, а также и до этого, и раньше, и в Преображенской церкви Вы неоднократно присутствовавшим верующим, особенно накануне дней праздников, когда было наиболее большое скопление верующих — по 300–400 человек, говорили проповеди, направленные против проводимых мероприятий правительством советской власти, в частности говорили, чтобы граждане не вступали в колхозы, не слушали коммунистов, говорили явно провокационные, вымышленные

версии о неминуемой гибели народа, о наступившем тяжелом времени, называя себя представителем от бога, внушали собравшимся, чтобы они верили только Вам. Признаете ли, что такие проповеди проносили неоднократно”

Ответ: “Я никогда ни в Никольской, ни в Преображенской церквях проповедей никаких не говорил, и в этом себя виновным совершенно не признаю”.

В протоколе допроса на очной ставке свидетеля М-кого и обвиняемого Силина от 10 мая 1935 года отмечено, что Николай Ксенофонович сообщил следующее:

Вопрос Аверина: “Подтверждаете ли, что Вы в церкви верующим говорили проповедь против советской власти?”

Ответ: “Я говорил не проповедь, а молитву перед исповедью верующих, говорил с амвона, но ничего против власти не говорил. Когда я закончил речь, подошел и спросил гр. М-кого: “Как я, правильно сказал или нет?” На это гр. М-кий ответил, что сказал неверно. Тогда я ему ответил: “Ну что же, если сказал неверно, то за это буду отвечать сам”.

11 мая был допрошен протоиерей Винокуров Алексей Михайлович, 64 года: “...Силина Н.К. я знаю очень давно — в 1910–1911 г. я служил благочинным в Верхневилуйском округе, и он, Силин Н.К., там служил священником. Из какой семьи он происходит, я не знаю. В 1933 году я приехал из г. Вилуйска и снова встречал Силина Н.К. в г. Якутске. Он тогда был внештатным священником в Ни-

кольской церкви, а с начала 1934 года он уже был принят в штат Никольской церкви — священником [...].

19 декабря 1934 года в квартире Силина Н. были: я, Силин Н., Якушков Семен и двое из служащих церкви — К-в Никита и Ск-н Степан. В день Рождества, не помню, кто был в квартире Силина Н., в остальные дни я был только один и никого посторонних в доме Силина Н. не видел, за исключением его семьи — сына и жены сына. В части разговоров — агитации против власти, должен сказать, что точных (он говорил) выражений я не припомню, но отрицать, что он не говорил против власти, не могу, вернее, что он говорил. Помню, что был разговор о его обложении и штрафе за якобы нелегальное содержание заезжего двора, чуть ли не притона. Он говорил, что его оштрафовали и описали все имущество неверно и что он это обжаловал. В части свободной продажи хлеба он говорил только о том, что большие очереди. К этому должен добавить, что Силин Н.К. поговорить обо всем любит, очень горячи — вспылчеваты, поэтому в горячах может что угодно сказать [...].”

Вопрос: “Следствию известно, что в апреле 1935 года в период весеннего поста Силин Н. церковный амвон превратил в трибуну для агитации против мероприятий, проводимых партией и советской властью, в частности против коллективизации и других мероприятий. Проповеди говорил перед праздником, в момент наиболее большого скопления народа — до 400–500 человек. Вам, как частому посетителю Ни-

кольской церкви и хорошо знавшему Силина Н.К., приходилось ли слышать проповеди Силина Н.? В утвердительном случае, скажите, о чем он говорил?”

Ответ: “Я уже выше сказал, что в церкви бывал часто, но никогда не слышал, чтобы Силин Н. говорил проповеди верующим. Действительно, в церкви перед праздниками, на праздники народа бывает много — человек 450–500, то есть полна церковь. Вечером 6 апреля в церкви я не был. Может быть, он говорил именно в это время. То есть я бывал только во время заутрени и литургии, а при исправлении других треб я не присутствовал [...]”.

Итак, обвинение “состряпано”. И 13 мая в 20 часов Николай Ксенофонович дал дополнительные показания:

“Дополнительно прошу записать, что в предъявленном мне обвинении виновным себя признаю, что действительно я был неоднократно оштрафован и обложен большим налогом, с описанием у меня имущества также неоднократно. Кроме этого, когда была объявлена свободная продажа хлеба, мне приходилось наблюдать большие скопления народа, стоявшего в очередях. Вследствие этих обстоятельств, не отрицаю, что я мог выражать свое недовольство против власти, но что именно говорил, я этого ничего не помню, и в этой части целиком располагаюсь на показания свидетелей, которые опровергнуть ни в коей мере не могу. [...]

Мне, Силину Н.К., сего числа предъявлено следственное против меня [дело]. С делом я ознакомлен, ничего по

делу добавить не могу и не имею никаких ходатайств и претензий. В чем и расписуюсь

13 мая 1935 года в 20 часов 24 минуты”.

Приговор был зачитан 1 июня 1935 г.:

“Именем Российской Социалистической Федеративной Республики 31 мая — 1 июня 1935 года специальная судебная коллегия главсуда Якутской АССР в гор. Якутске в составе председательствующего Родченко, членов Девяткина и Нахаева, при секретаре Карелиной, с участием старшего помощника прокурора ЯАССР Золотарева и защитника Габышева рассмотрела в закрытом судебном заседании дело по обвинению:

Силина Николая Ксенофоновича, 1875 года рождения, происходящего из семьи мещанина гор. Якутска, русского, служителя религиозного культа — священника, грамотного, окончившего 2 класса духовного училища, беспартийного, ранее не судившегося, но подвергавшегося в административном порядке в 1933 году штрафу в сумме 1945 руб. за нелегальное содержание постоянного двора, преданного суду по ст. 58–10, часть 2 Уголовного кодекса.

Допросив свидетелей и обвиняемого, ознакомившись со всеми материалами предварительного и судебного следствия и выслушав прения сторон, спецколлегия считает установленным:

Подсудимый Силин, являясь священником так называемой Никольской церкви, находящейся в гор. Якутске, и, будучи враждебно настроен по отношению советского строя,

систематически в течение 1934–1935 гг., проводил среди верующих и останавливающихся у него на квартире приезжающих из окрестностей города крестьян контрреволюционную агитацию и пропаганду, используя при этом религиозные предрассудки. Подрывая доверие (дискредитируя) в глазах трудящихся мероприятия партии и правительства, Силин высказывался о том:

1) что коллективизация проведена насильственным путем;

2) что свободная продажа хлеба направлена к ухудшению материального положения трудящихся;

3) что взимание с населения налогов является грабёжом;

4) что в газетах о достижениях в СССР пишут неправду;

5) что убийство тов. Кирова — “это кара божья”, одновременно высказывая при этом сожаление о расстрелянных террористах;

6) что при возникновении войны гибель Советского Союза неизбежна;

7) в проповеди, произнесенной в церкви 6 апреля 1935 года, Силин призывал верующих не слушать коммунистов и комсомольцев и не вступать в колхозы, о чем так же внушал в том же апреле месяце 1935 года прибывшему в церковь на молебен 15-летнему мальчику якуту.

Изложенные выше факты подтверждены как на предварительном, так и на судебном следствии свидетелями П-вой, А-вой, М-ким, К-вым и Винокуровым, а потому суд признает гражданина Силина виновным в преступлении, предус-

мотренном ст. 58–10, часть 2 Уголовного Кодекса.

Руководствуясь ст.ст. 319, 320 и 326 УПК и учитывая престарелый возраст Силина (60 лет), специальная коллегия приговорила:

Гражданина Силина Николая Ксенофонтовича на основании ст. 58-10 УК подвергнуть лишению свободы сроком на пять лет. Зачесть в срок предварительное заключение Силина с 26 апреля 1935 года.

Меру пресечения до вступления приговора оставить без изменений – содержание под стражей.

Приговор окончательный, но может быть обжалован в Верховный Суд РСФСР в течение 72 часов с момента вручения осужденному копии приговора.

Председательствующий [подпись].

Члены [2 подписи]”.

Можно по-разному относиться к объявлению войны этого священника государственной машине. “Вспыльчиваты” были, “накатило” после многих лет притеснения и лишений. А можно сказать и так: он чувствовал ответственность за свою паству перед Богом и считал своей обязанностью спасать души доверившихся ему.

Имеем ли мы право осуждать свидетелей, давших обвинительные показания в страхе перед карательной системой государства за свое место под солнцем? Мы, живущие в более благополучных условиях! Многие из допрошенных свидетелей были неграмотны и вряд ли понимали суть наве-

шиваемых на обвиняемого политических ярлыков.

Большое уважение вызывает у меня Алексей Михайлович Винокуров, “старик низкого роста, горбатый”, по выражению А-вой; он из тех, для кого суд божий важнее суда человеческого.

Заместитель директора Национального архива РС(Я) Инна Игоревна Юрганова сообщила следующую информацию об Алексее Михайловиче: “Сын протоиерея, уроженец г. Якутска, 1871 г.р., в 1892 г. закончил Якутскую духовную семинарию, в декабре 1892 г. рукоположен в сан диакона, а затем во священника с назначением в Таркайскую Иннокентьевскую церковь Вилюйского округа. В 1896 г. назначен уездным наблюдателем церковно-приходских школ Вилюйского округа, в 1900 г. – заведующим Вилюйским отделением Якутского епархиального свечного Комитета, а также делопроизводителем и секретарем Вилюйского отделения Комитета Российского общества Красного Креста. В 1900 г. переведен иереем (священником) второго прихода Вилюйского Николаевского собора. С 1904 г. исполнял обязанности благочинного 13 благочиния Вилюйского округа. В 1905 г. возведен в сан протоиерея. Известно, что в 1913–1914 гг. Винокуров исполнял обязанности протоиерея Вилюйского Николаевского собора. Вдовец, имел 2 дочерей”.

В 1935 г. Никольский храм был закрыт.

Если верить свидетельству о смерти, полученному из ЗАГСа г. Магадана, Николай Ксено-

фонтович умер 10 апреля 1938 года.

Вспоминает Силина Валентина Викторовна: “...В 1952 году мама с папой жили на звероферме “Черектей” Усть-Алданского района. Я приехала к ним из Якутска. Это было весной. До Борогонцев ехали машиной, а дальше – на лошади. Попутчиком был бухгалтер зверофермы, возвращавшийся из командировки. На одной остановке зашли в дом. Попутчик представил меня хозяевам, сказал, что я дочь Силина Виктора Николаевича. Папу они знали – он работал лесничим от Борогонцев. Хозяйка обрадовалась, давай меня раздевать, приговаривая: “Ой! Силина дочка. Я хорошо знаю папу и дедушку священника – отца Николая. Он нас венчал, детей наших крестил, Очень хороший человек был. Мы все его любили. Отец Николай часто приезжал в наши края”. Хозяйка устроила нам такой пир! Нажарила мяса, испекла лепешек, чай вскипятила в самоваре. Утром мы поехали дальше.

А когда я жила в Хандыге, в 1955–1956 гг. бухгалтер у нас на почте Екатерина Романовна (фамилию ее не помню), ранее проживавшая в Ытык-Кюеле, вспоминала с теплотой о дедушке Николае. Екатерина Белоловская, также работник нашей почты, помнила нашего деда. Обе они говорили, что он очень любил детей, привозил им гостинцы”.

Место захоронения Николая Ксенофонтовича Силина вряд ли можно отыскать. Памятником им, погибшим в сталинских лагерях, стало по-

строенное их руками и их жизнями.

Радостно видеть отреставрированные и действующие ныне Свято-Никольский ка-

федральный собор, Преображенский храм, республиканскую библиотеку и другие здания г. Якутска, имеющие историческое значение не только

для Республики Саха (Якутия) в целом, но и для нашей семьи, как память о наших предках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ *Архивная* справка № 20 от 11.01.2002 из Национального архива РС(Я).

² *Метрическая* книга Градской Богородской церкви за 1899 год.

³ *Там же*.

⁴ *Здесь* и далее по материалам Дела № 197-р в архиве УФСБ РФ по РС(Я).

⁵ *Образование* Якутской АССР (1917–1923 гг.): Сб. док. и мат. /

Под редакцией д.ю.н. Федорова М.М. – Якутск, 1982. – С. 21–22.

⁶ *Васильева Н.Д.* Долой попов и шаманов // Илин – 2001. – № 2. Автор ссылается, в свою очередь, на газету “Автономная Якутия” от 29 марта 1924 г.

⁷ У А-вой А. незаконченное среднее образование.

⁸ *Пахомов А.К.* Культурно-просветительная работа в Якутии в 1928–1940 гг. – Якутск. – С. 134.

*К 75-летию кандидата исторических наук
Семена Ипатьевича Ковлекова*

Добрый наставник

Е.П.Антонов

Егор Петрович
Антонов,
к.и.н, с.н.с. ИГИ АН РС(Я).

В 2005 г. исполняется 75 лет со дня рождения кандидата исторических наук, доцента, ведущего научного сотрудника отдела истории Института гуманитарных исследований АН РС(Я) Семена Ипатьевича Ковлекова. Ученый родился 20 сентября 1930 г. в Мегино-Алданском наслеге Томпонского улуса Республики Саха (Якутия). Юношеские годы его пришлись на труднейший период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления экономики. Трудовая биография молодого Семена началась в колхозе, где он проработал 5 лет. В 1962 г. он окончил историко-филологический факультет Якутского государственного университе-

та, в 1965 г. — аспирантуру ЯГУ. В 1967 г. С.И.Ковлеков успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: “Профсоюзы Якутии” (1917–1932 гг.). Его научным руководителем стал выдающийся ученый, доктор исторических наук, профессор Георгий Прокопьевич Башарин. В 1965–1979 гг. Семен Ипатьевич преподавал на кафедре истории СССР Якутского государственного университета, одно время занимал должность заместителя декана ИФФ. В 1969 г. ВАК присвоил ему ученое звание доцент.

В 1979–1985 гг. С.И.Ковлеков работал в должности старшего научного сотрудника в

После защиты кандидатской диссертации

секторе истории советского общества Института языка, литературы и истории СО АН СССР. В 1986–1991 гг. Семен Ипатьевич — ведущий научный сотрудник, в 1991–1993 гг. — старший научный сотрудник, с 1994 и до кончины — ведущий научный сотрудник отдела истории и центра арктических исследований АН РС(Я).

С.И.Ковлеков специализировался по истории Якутии советского периода. Во время работы в секторе истории советского общества он опубликовал ряд солидных трудов, основанных на богатейших архивных документах: “В вечном поиске” (Якутск, 1981), “Профсоюзы советской Якутии” (1917–1937 гг.) (Якутск, 1983), “Социалистическое соревнование в Якутии (1935–1958) (Якутск, 1988), “Социалистическое соревнование в Якутии (1959–1988) (Якутск, 1989). Семен Ипатьевич напи-

сал параграфы “Сельское хозяйство” и “Рост культуры и материального благосостояния трудящихся” к учебному пособию “История Якутии” (Якутск, 1988). Ответственным редактором и одним из соавторов этого учебника был Г.П.Башарин. Это учебное пособие в течение 12 лет являлось единственным пособием по истории родного края для учащихся средних и высших учебных заведений.

По совету зав. сектором истории советского общества, доктора исторических наук, профессора М.М.Хатылаева С.И.Ковлеков занялся аграрной историей Якутии. Он написал параграф 3 главы I, параграф 2 главы III и заключение к коллективной монографии “Якутская АССР в условиях развитого социализма” (Якутск, 1982). Им опубликованы капитальные монографии: “Сельское хозяйство Якутии” (1946–1970 гг.) (Якутск, 1992), “Сельское хозяйство

Якутии” (1971–1985 гг.) (Якутск, 1993). Данные труды насыщены массивом неопубликованных ранее источников и тематически оформленными таблицами. Это позволило теоретически осмыслить исторический опыт развития сельского хозяйства в Якутии в 1946–1985 гг. Глубокими и обоснованными получились выводы и наблюдения автора о развитии земледелия, животноводства, коневодства, оленеводства, звероводства, охотничьего и рыболовного промыслов в республике.

С.И.Ковлеков в своих исследованиях затрагивал историю отдельных представителей якутской интеллигенции и общественно-политическую жизнь 1920-х гг. В 1992 г. он выпустил монографию “Профессор Г.Г.Колесов (Очерк жизни и научно-педагогической деятельности)” (Якутск, 1992). В ней освещался вклад Г.Г.Колесова в разработку актуальных идей планового регу-

С.И.Ковлеков среди студентов-историков IV курса. Апрель 1978 г.

лирования рынка, организации товарооборота, государственной заготовки сельскохозяйственных продуктов, ценообразования на государственную и кооперативную продукцию и т.д. Автор подчеркнул весомый вклад профессора — автора 10 монографий в экономическую науку. Впервые в работе затрагивалась трагическая судьба Г.Г.Колесова, репрессированного в 1938 г.

В 1996 г. С.И. Ковлеков опубликовал монографию “В.В.Никифоров и съезд якутов 1912 г.”, где освещался ход работ и решения съезда якутов по политическому, социально-экономическому и культурному возрождению народов Ленского края. Раскрывались результаты работы делегации в составе В.В.Никифорова, П.Н.Сокольников и Д.И.Слепцова в Санкт-Петербурге в 1913 г. по получению Якутией права представительства в Государственной думе и введению самоуправления в форме земства. Анализировались попытки передовых представителей народа отменить в крае административную и уголовную ссылки, урегулировать землепользование, поднять уровень образованности и культуры в Якутской области.

Книга “Светя другим, сгорела сама. О жизни и врачебной деятельности Л.С.Колесовой” (Якутск, 1996) была составлена С.И.Ковлековым в память о скончавшейся горячо любимой жене. Этот сборник представлял собой воспоминания врачей-коллег, родственников и друзей, ряд научных статей врача высшей категории, онколога и гинеколога Л.С. Колесовой, отзывы о ней в прессе.

С.И.Ковлеков участвовал в написании главы “Послевоенное восстановление Якутии 1946—1965 гг.” в академической “Истории Якутии”, которая ныне готовится к публикации. Он также завершил работу над рукописью “Тунгусское повстанческое движение 1924—1925 гг.”, где раскрывались причины, основной ход событий и мирная ликвидация мятежа. К сожалению, эта работа до сих пор не издана. В последние годы Семен Ипатьевич начал разрабатывать тему “История томпонских эвенов”.

Впервые с ведущим научным сотрудником, кандидатом исторических наук Семеном Ипатьевичем Ковлековым я познакомился в августе 1991 г., когда устроился на работу в отдел истории Института языка, литературы и истории СО АН СССР.

На обсуждениях диссертаций, монографий, сборников и т.д. в коллективе историков он держался взыскательно, строго и справедливо со всеми коллегами, не взирая на возраст, ученые регалии, бывшие заслуги некоторых сотрудников из числа бывшей партноменклатуры. К моменту представления научных отчетов историки, в первую очередь, старались узнать квалифицированное мнение Семена Ипатьевича по тем или иным сложным и дискуссионным историческим проблемам.

На заседаниях он постоянно задавал глубокие, проблемные и трудные вопросы, что свидетельствовало об его энциклопедических познаниях практически по любой исторической тематике. Критические замечания ведущего научного

сотрудника С.И.Ковлекова всегда носили деловой и объективный характер, они существенно помогали разобраться в собственных недостатках и усовершенствовать текст исследования. Как правило, обижаться на критику, прозвучавшую из уст Семена Ипатьевича, у нас было не принято. Если в отделе предстояло обсуждение его собственных работ, то он, в свою очередь, постоянно требовал, чтобы как можно больше критиковали их. Мы, старшие и молодые сотрудники, естественно, старались, и заседания порой затягивались на 2—3 часа, но в конце наш почтенный старец вставал и недовольным тоном констатировал, что критики прозвучало очень мало. Присутствующих это высказывание повергало в изумление, а Семен Ипатьевич, посмеиваясь, садился на свое место.

Отмалчиваться в ходе коллективных разборов сильных и слабых сторон работ коллег он также никому не позволял — все, начиная от лаборантов и аспирантов, обязаны были высказать свое мнение. Это помогало новичкам войти в мир науки, выработать навыки публичного изложения собственных взглядов и ведения научной полемики. Мне как начинающему исследователю всегда интересно было присутствовать на обсуждениях работ. Семен Ипатьевич открыто поощрял молодых исследователей, осмелившихся выступить со своим мнением. После окончания заседаний многие коллеги подходили к нему посоветоваться по различным вопросам. Он неторопливо, рассудительно и обстоятельно давал советы, стараясь осветить

проблему с различных точек зрения. При этом часто ссылались на авторитетные мнения своих маститых учителей и коллег: Г.П.Башарина, И.М.Романова, М.М.Хатылаева. Для Семена Ипатьевича Георгий Прокопьевич Башарин являлся идеалом и образцом мужественного и видного ученого, истинного патриота, гражданина и интернационалиста.

Между тем, вне рабочего времени С.И. Ковлеков представлялся перед нами в ином виде: как увлекательный рассказчик, тонкий юморист и гостеприимный хозяин. Общительный от природы он приобрел много друзей и не только среди ученых. Его отличала феноменальная память на имена многих партийно-советских ответственных работников, ученых, врачей, артистов, литераторов и т.д. Семен Ипатьевич также мог рассказывать

часами о тех или иных инцидентах, казусах в ходе заседаний, конференций, командировок, а также на субботниках, сенокосе, картошке. Окружающие внимательно прислушивались к его советам и искренне смеялись над его шутками. Незатейливые на первый взгляд рассказы С.И.Ковлекова имели свой подтекст, поскольку позволяли научной молодежи понять среду ученых. Он очень любил природу, в первых числах мая, как правило, переезжал на дачу, где на свежем воздухе сочетал умственный и физический труд.

Семен Ипатьевич был примерным семьянином, сильно любил свою жену, детей и родственников. В своей цепкой памяти он также держал имена многих уроженцев Таттинского улуса. Поздно женившись, он советовал нам начинающим ученым не повторять его оши-

бок и обязательно обзавестись семьей в молодом возрасте. Его искренне интересовали люди, условия их труда, быта, увлечения, круг общения и т.д. Любой сотрудник – пожилой или молодой, побывавший в гостях у Ковлековых, отмечали его радушный и хлебосольный прием. Мне довелось два раза побывать у них по служебной необходимости, и оба раза Семен Ипатьевич потчевал якутскими деликатесами: строганиной, малосольной рыбой, замороженной печенью и конским мясом.

С.И.Ковлеков навсегда остался в нашей памяти образцом строгого, усердного и справедливого ученого, а также гуманного, бескорыстного и веселого человека. Его научное наследие, несомненно, послужит основой для будущих крупных исследований.

Үтө киһи этэ

И.Г.Макаров

Илья Гаврильевич
Макаров,
к.и.н., с.н.с ИГИ АН РС(Я).

1982 с. алтынны 28 к-нгэр Михаил Михайлович Хатылаев ынҥыран Тыл, литература уонна история институтугар олоҕум аартыга буолбут А.С.Пушкин аатынан республиканскай библиотекаттан уурайан лэбэ киирбитим. Республиканскай библиотека саха өрөхтээхтэрэ бгэн олорор дьилэриттэн быган, лэлиир сирдэриттэн тэлэһийэн көр-сөр, санаа атастаһар, араас литератураны хасыһар сирдэрэ этэ. Онно университет, ТЛИИ ученайдарын, суруйааччылары кытта бэрт гстк көрсөрм, кинилэр кэпсээннэрин истэrim, кинилэргэ саҥа тахсыбыт кинигэлэри булалларыгар көмөлөһө сатыырым. Ол оннук дьоннортон биирдэстэринэн

университет доцена Семен Ипатьевич Ковлеков этэ.

Кини, бастаан көрдөххө, билбэт кинигигэр тон курдук, мээнэ ону-маны кэпсээбэт-ипсээбэт, клбэт-өрбэт, дьиппизн киһи курдук көстөрө. Семен Ипатьевич бэрт гстк көрсөн, билсигэн, кимин-тугун билэн баран киһиэхэ чугаһыра. Онтон добордоһон бардабына олус аламабай сыһыаннаах, куруук өрбтэн көрсөр идэлээх этэ. Туох эмэ дьээбэлээби этээри гыннабына клэ-клэ мчк гынара, гс оонньуулаах, көрдөөх этэ.

Мин кинини институтка бииргэ лэлиэхпиттэн ыла добордоһон, эн-мин дэсигэн сылдыбыппыт. Ааспыт йэ 50–70-с сс. литература уонна

история боппууостарыгар мөк-көрдөөх дьыллар этилэр. Олор сри торумнарын бэчээттэнэр матырыйааллартан ааҕан билэ-рим. Итилэр Саха Республикатыгар общественной өй-санаа ханнык хайысханан сайдан иһэрин туоһулуулара. Мин Тыл, литература уонна история институтыгар лэбэ киирэр кэммэр республика рдк салалтата университеттан анаан-минээн ыһпыт эрчимнээх, сайдар кэскиллээх ученайдар В.Н.Иванов, С.И.Ков-леков, М.М.Хатылаев кэлэн эбии кс быһыытынан институтка лэ-лии сылдьаллара.

Үлэм маннайгы кнгэр эрдэ-лээн кэлбит быһыылаабым, история отделын кабинетыгар соторутаабыта лэбэ киирбит өр сылларга Саха республикатын Верховнай Советыгар председателлаабыт саха тыллаах аа-тырбыт дьахтара Александра Яковлевна Овчинникова оло-роруттан соһуйбутум да, ман-нык биллэр киһи-лиин көрсспшттэн өр-бтм да. Үтө киһи тулалаан турар эйгэбэ төгүк дьайар. А.Я.Овчиннико-ва институт коллективыгар хайа маннайгыттан тө сабыды-аллаах этэ. Кини тыла-өһө өр оруннаах буолара, ханнык баҕарар боппууоска уопсай интэриэ-һинэн салайтара, та-тым өйнэн-санаанан салайта-ран саҕарар дьонго холоотох-хо, быдан атын киһи этэ. Ин-ститут лэһиттэрэ кини тылын истэллэрэ, сэргииллэрэ.

Советскай кэм историятын отделын сэбиэдиссэйэ М.М.Ха-тылаев дирин киэн билии-лээх, эйэбэс майгылаах, лэ-һиттэригэр төн эрэ баҕарар ир-дэбиллээх салайааччы этэ. От-дел лэһиттэрэ эйэлээх, наука туһугар эттиин-хаанныын бэ-риниилээх дьон этилэр. Олор-

тон биир боччумнаахтара С.И.Ковлеков этэ. Кини тыа сиригэр төрөөн-ууһаан, кыра эрдэбиттэн онно лэлээн-хам-наан, Саха сиригэр биир бил-лэр ученай уола ммтэ.

Семен Ипатьевич 1930 с. балаҕан ыйын 20 кнгэр Томпо оройуонун Мэнэ-Алдан нэһилиэгэр Ипатий Петрович уонна Анна Никифоровна диэн ыалга төрөөбтэ. Кини 8 саастаҕар билии киэн аар-ты-гын арыяаары Кириэс-Халдыа-айы ситэтэ суох орто оскуола-тыгар өрэнэ киирбитэ, онтон оскуоланы бтэрэн 1945 с. Якутскайдаабы педагогической училищеҕа өрөххэ киирэн ба-ран доруобуйата мөлтөөн дой-дуулаабыта. Тыа оҕотун бы-һыытынан араас лэлэргэ лэ-лии-лэлии киэһэнни орто ос-куоланы бүтэрбитэ.

1950 с. армияҕа ыңгырыл-лыар диэри Таатта оройуонун Мэнэ-Алдан нэһилиэгин “Да-баччыма” колхозка лэлээбитэ. Ус сыл Приморскай байы-аннай уокурукка сулууспалаан дойдутугар ытык иэһин толор-бута. Билинги кэмнэ дойдуга ытык иэһи толоруу диэн тыл хайдах эрэ олуонатык иһиттиннэр да, Семен Ипатье-вич кырдык срэжинэн ылы-нан туран, иэһин төлр курдук сананан армияҕа су- лууспала-абыта. Ол кэнниттэн дойдуту-гар кэлэн Таатта улуу-һун ки-инигэр, орто өрөхтээх, олоххо хатырыллыы маннайгы ктэлин ааспыт киһи бы-һыытынан, “Джугджурзолото” продснабка икки сыл счетовод-кассиры-нан лэлээбитэ. Ити кэмнэ кэлбит-барбыт, сытыы-хотуу, доп-бааччы тыллаах өстөөх, улуус ыччатын ытыктабылы-нан туһанар, салайар дьобурда-ах эдэр киһини комсомол рай-комун отделын сэбиэдиссэйи-

нэн ылбыттара. Улууһун бтнн кэрийэн ыччат сынньаланын тэрийииттэн сөһ иитиитигэр тийэ боппууостары быһаар-сан, оло-ру толорон оройуону-гар араас көрннээх лэни ыһ-пыта. Онно барытыгар сата-был, дьону кытта уопсай тылы булуу эдэр салайааччыттан ир-дэнэрэ. Ону кини барытын баһылаабыта, оройуон салал-татыгар эрэллээх киһинэн бу-олбута, ол да иһин дьон, са-лайааччылар ытыктабылларын ылбыта. Дэлэбэ да 1956 с. оройуоннаабы партийнай тэ-рилтэ кинини Петр Алексеев аатынан колхозка партия кэ-кэтигэр киирээтин кытта лэбэ ыытыа дуо? Онно икки сыл лэлээбитин кэннэ нэр-сайдар кэскиллээх киһини Якутскай-даабы государственной уни-верситетка өрөххэ ыһпытта-ра. Баҕар, кинини оройуон кэ-нэбэски салайааччыта буолуо диэбиттэрэ буолуо. Онно р-дк өрөбү бтэрээт, аспирантураҕа хаалбыта уонна 1967 с. канди-датскай диссертацияны көмскээбитэ. 1965–1979 сс. университетка, 1979–2003 сс. Гуманитарнай чинчийи ин-ститутыгар лэлээбитэ.

С.И.Ковлеков научнай лэ рдк таһымнаах специалиһэ этэ. Ону кини киэн дэгиттэр билиитинэн, дьулуурдаах лэти-нэн ситиһэрэ. Ханнык баҕа-рар ылыммыт тематын ди-рингник хорутан өрэтэрэ, аас-пыт кэмнэ буолбут тбэлтэлэри туох баарынан, кырдыгынан араас өрттэн өрэтэн суруйара. Семен Ипатьевич чинчийээч-чи быһыытынан общественной олох буолан ааспыт чаччыла-рыгар олобуран, ол кэминээби өйнэн-санаанан, дьон хайдах сыһыаннаспыттарынан көрөн сыаналыыра. Үлэһит боросту-ой дьон лэтин-хамнаһын,

профсоюзнай хамсааһын, республика тыатын хаһаайыстыбатын историяларын сиһилии өрэтэн, кэлэр көлөнөбү сыаналаах лэлэри хаалларда. Олохтоммут былааска дьон сыһыанын, общественной өй-санаа сайдытынын, тунгуустар былааһы утары өрө турууларын, сахалар революция иннинээби тмслээх мунньахтарын, В.В.Никифоров олобун чинчийэн көр-дөрбтэ. Кини дьулурбатык сынһаммакка сарсыарда эрдэтэн кизһээ хойука диэри лэлиирэ, библиотекаларга, архивтарга ситимин быспакка дьарыктанара. Араас тэрилтэлэр докумуоннарыгар ааспыт, буола турар олох тгэн-нэрин чинчийэн хомуйара. Ол барыта быыстала суох сыралаах лэ, туруоруммут сыалы ситиһэргэ бэриниилээх буолуу холобура.

С.И. Ковлеков тэрилтэтигэр биллэр-көстөр, дьон ытыктыыр киһитэ этэ, бары общественной лэлэргэ актыбынайдык кытара, онно гс сатабылын, дьобурун, бириэмэтин уураара. Билигин дьон коллектив туһугар лэни сыанабылга ууруллубат кэмигэр, оччолорго дьиннээх общественниктар баалара. Олортон биирдэстэрэ – С.И.Ковлеков. Кини университет парткомун, филологической факультет партбюротун, месткомун, институт партбюротун чилиэнинэн, профком сирэй, солбуйааччы председателинэн лэлээбитэ. Институт профкомугар куруук производственной лэни баһылыыра, отделлар крэхтэһиилэрин саамай чуолкайдык, дьин чаччытынан быһаарааччы киһи этэ.

Эдэр эрдэбиттэн барыта-бары лэ инники көнгөр сылдыа

өрэммит буолан дьону барыга көблр идэлээбэ. Кэмигэр общественной бэрээдэги олохтуурга тө сабыдыалламмыт народной дружина лэтигэр кытара, онно суолта биэрэрэ, ээл-дээл сыһыаннаспат идэлээбэ. Кини ордук санаата көтөбллэн, кргэйэн туран бары субботниктарга кыттан лэлиирэ-хамсыыра, олортон олус дуохуйара. Олус таһаарылаахтык институт дьонун от оттоонунугар көблрэ, бэйэтэ олус киэнг, ыраас суоллаах от охсоччу этэ. Кини Н.Г.Ивановтуун институт дьонугар инникилээн оттуур ходуһаны тэлэрэ. Оччолорго, кини кэнниттэн 20-тэн тахса киһи от охсон бардабына нэлэһитэн тһэн киэн да сире хабан охсоллоро. Ону көрөр олус чгэй өрлээх этэ, киһи кһн, уобун көтөбөрө. Хатас совхоугар аһыйах хонук иһигэр институт лэһиттэрэ 50-чэ тонна оту босхо оттоон туттараллара. Былаас уларыйан ол идэ тохтоон, кини тэһийбэт этэ, кыдыгыран табаарыстарын дачаларын кэрийэ сылдыан сирдэрин ыраастаан, от охсон бэйэтэ дуохуйан өрэрэ-көтөрө, биһиэхэ, табаарыстарыгар, өрө-көтө кэпсиирэ. Бары коллективынан оттообот буолбуппутуттан хомойоро.

Бииргэ сылдыар табаарыстарын иллэнг кэмнэрин аралдытан быстан бппэт араас көрдөстөрдөөх кэпсээнһит бастыга этэ. Кини сэһэннэрэ бэйэ-бэйэлэрин хатыласпат ис-хоһоонноох, киһини барытын бэйэтигэр тардар солуннардаах буолара. Бырааһынньыктарга, бэйэтэ этэринэн, “оруолугар киирдэбинэ” араас ырыалардааба. Армияба хайдах сулууспалаабыта туспа анекдот, табаарыстарын кытта университет учууталларын уопсай-

ыгар тустан “көрдөргэ тустар кстээх Көблкиэп” дэппитэ оһуобай сэһэн, дьийэтээби ытын киһи тылын истэр гына иитэн тыл улуу өрөхтээбин П.А.Слепцову дьиктиргэппитэ туспа көрдөстөөх кэпсээн. Ити курдук кини быстан бппэт сэһэннэрдээбэ. Итинник оһуобай сэһэнһиттэр дьонно-сэргэбэ наһаа ту-һалаахтар, дьон көрн-нарын көблллэр. Дьонно эйэбэс, тө санаалаах буолан чгэйдик саныыр киһитигэр араас дьээбэ кэпсээннэргэ тиллэр буолара. Кэтэбин кэбиннэтэ-кэбиннэтэ, икки илиитин тобугун рдгэр ууран клэрэ-өрэрэ бу баар курдук. Онно киниттэн туох да куһабан, киһитин тһэрэр тыллары истиллибэт буолара, төттөртн, киһитин рдэтэн, дэбдэтэн лннэрэн кэпсээн хайбыыра. Ол барыта кини дьонно сыһыана төтттэн, ыраас чэбдик дууһалаах буолан оннук көр-нары тардара. Ханнык дьиппиэн, дьонно төһу баһарбат киһи туох уопсай клн-салыыны тардыай. Ити Семен Ипатьевич уратыта, тө эрэ энгэрдөөх майгыта-сигилитэ.

Кини олус ис иһиттэн татаран туран сгрйэр дьоннордооҕо. Учууталын Георгий Прокопьевич Башарины олус ытыктыыра, таптыыр учууталын эрэллээх киһитэ этэ. И.М.Романов, Г.Г.Макаров тустарынан истин иһирэх тылларынан ахтара. Үөрэнээччи иппит-такайбыт учууталыгар ис дууһаттан иэйэр махталын тө холобурун кини көр-дөрөрө. Семен Ипатьевич бэрт элбэх киһини билэрэ: кинилэр ааттарынын, хаһан-ханна лэлээбиттэрин, хантан сылдыалларын умнубакка аатталыыра, кэпсиирэ. С.И.Ковлеков ис-

тинник санаһар доботтор-дооҕо, хардары-таары сылдыһар ыаллардааҕа, бэйэ-бэйэни өйөһөр дьоннордооҕо, халымалар мааны ктөттөрэ буолан кинилэр тө ытыктабылларынан туһанара. Кини доботторунан киэн туттуон туттара. Кинилэртэн биирдэстэрэ сахалар маннайгы собото академиктара Владимир Петрович Ларионов этэ. Кинилэр бэйэ-бэйэлэрин кэргэттэрэ хардары-таары ыалдыт-таһалларын туһунан, Ларионовтары олус ытыктырын бэлиэтэ, хайдах эрэ иһийэн, чуумпуран олон харыстаабытты кэпсиэрэ. Онно кини академикка сгрийэрин, ытык-тыырын, сахалар Владимир Петровиһынан киэн туттуохтарын тутталларын туоһулуура.

С.И.Ковлеков университетка өр сылларга лэлээбит буолан гс өрэнээччилэрдээбэ, институтка хас да киһини научнай лэлэрин салайан исторической наука кандидаттарын иитэн таһаартаабыта. Кини барыларыгар рдк ирдэбиллэх иитээччи этэ.

Семен Ипатьевич бэрт өр кэмнэ кэргэн ылбакка, буруо

таһааран ыал буолбакка сылдыбыта. Онтон биир бэртэхэй киһилиин Акулина Саввична Колесовалыын холбоһон бэрт иллээхтик ыал буолан олорбуттара. Соботохсуйбут киһи тө майгылаах, киэн дууһалаах тө дьахтар сылаас-сымнабас сыһыаныгар абылатан ыал мааны тө аҕата буолан олон ааста. Кини кэргэнин олус да ис срэгиттэн таттаран туран тап- тыыра. Олобор туох эмэ ситиһии баар буоллабына барыта кэргэним төтэ диирэ, кэргэнинэн киэн туттара, кини туһугар олороро. Оҕолоругар амарах аҕа этэ. Кэргэнэ өлбтгэр наһаа стктээбитэ, соботохсуйбута. Ол да иһин кини ол дойдуга эрдэ бардаҕа. Кинилэр кэргэнинэн наһаа ыалдытымсах дьон этилэр. Халыматтан, республика араас сирдэриттэн бэрт гс киһи кинилэргэ хонон, сынньанан аһаллара. Төһө элбэх оҕо кинилэргэ олон араас өрөххэ кирибиттэрин бэйэлэрэ да ситэн аахпатахтара буолуо. Оннук тө аламаҕай дьон этилэр. Хас кэлбит ыалдыттарын төмааны амтаннаах астарынан кндллэрэ. Оннооҕор би-ниги,

бииргэ лэлиир дьоно, биирдэ дружинниктыы сылдьан кинилэр дьыэлэригэр, уулусса устун бэрээдэги көрөн хаама сылдыахтаах дьон, хаһыа да буолан клэйдии кирибиппитигэр Семен Ипатьевич олус да өрбтэ-көптэ, кэп- сээн-ипсээн, кэлии-барыы бөбө буолбута уонна араас аһынан, чиир балыкка тийэ, кнд-лээбитэ. Кини оннук өрн-ньэн этэ.

Улахан хорутуулаах лэһит, айылгы, аламаҕай майгылаах, киһиэхэ тө эрэ баҕа санаа-лаах табаарыспыт Семен Ипатьевич билигин да биһиги кэккэбитигэр баар курдук. Лаппаҕар эрчимнээхтик илии тутуһан до-рооболоһор ытыһа, кэтит дараҕар санна, массыынаҕа эчэтэн атабын өлөрбт буолан, ангар өртнэн иннэри собуһ туттан улахан кумаабынан туолбут бартыбыалын туппутунан кэпсэтэрэ бу харахпытыгар көстөр курдук.

Был прекрасным человеком

28 октября 1982 г., по приглашению М.М.Хатылаева, я перешел на работу из республиканской библиотеки в Институт языка, литературы и истории. Там я подружился с С.И.Ковлековым. На первый взгляд, это был сдержанный, молчаливый, замкнутый человек. Но стоило ему сблизиться с человеком, проявлялись его доброта, жизнерадостность.

С.И.Ковлеков родился 20 сентября 1930 г. в Мегино-Ал-

данском наслеге Томпонского района в семье Ипатия Петровича и Анны Никифоровны Ковлековых. В 8 лет поступил в неполную среднюю школу с. Крест-Хальджай, окончив которую в 1945 г., поступил в Якутское педагогическое училище, но по состоянию здоровья был вынужден прервать учебу. Позднее он закончил вечернюю среднюю школу.

До призыва в армию (1950 г.) работал в колхозе “Дабачы-

ма” в Таттинском районе. После службы проработал 2 года счетоводом-кассиром в продснабе “Джугджурзолото”. Затем инициативного, рассудительного, пользующегося авторитетом у молодежи улуса молодого человека назначили зав. отделом райкома комсомола. С.И.Ковлеков объездил весь район, решал различные вопросы — от вопросов о досуге молодежи до некоторых проблем животноводства и

участвовал во множестве мероприятий. Он умел работать, находить общий язык с людьми. Не зря сразу после вступления в партию райком направил его на работу в колхоз им. Петра Алексеева. После двух лет успешной работы перспективного работника направляют на учебу в Якутский госуниверситет. Затем была аспирантура и защита кандидатской диссертации в 1967 г. В 1965–1979 гг. С.И.Ковлеков работал в университете, 1979–2003 гг. —

в Институте гуманитарных исследований.

С.И.Ковлеков был ученым высокого уровня. Все его исследования отличаются кропотливостью, глубоким знанием исследуемого вопроса, широтой научных интересов. Кроме того, был активным общественником: многочисленные субботники, выезды на сенокос, никакие мероприятия не обходились без его участия. Разумеется, в коллективе института С.И.Ковлеков пользо-

вался заслуженным авторитетом.

С женой Акулиной Саввичной Колесовой, которую он любил безгранично, Семен Ипатьевич прожил счастливую супружескую жизнь. Тем труднее он переживал утрату после ее смерти.

В нашей памяти навсегда остались эти милые гостеприимные люди. Семен Ипатьевич, с его искрометным юмором, крепким рукопожатием — трудолюбивый, по-настоящему добрый человек, как будто до сих пор находится среди нас.

Мой старший брат

К.И.Васильева

Семен был первенцем у наших родителей. Он родился 22 сентября 1929 г. в Мегино-Алданском наслеге Томпонского района. Родители, отец — Ипатий Петрович и мать — Анна Николаевна, были колхозниками. Нас, детей, в семье было трое. Брат Иван был на два года младше Семена. Я родилась, когда Семен служил в рядах Советской армии. Скучая по сыну, родители нарекли меня Ксенией, так как наши имена похожи по звучанию.

В 1938 г. Семен поступил в Крест-Хальджайскую школу. Жил у родственников матери. В школе он учился хорошо, был старательным и примерным учеником. Конечно, было трудно: шла война. Не хва-

тало теплой одежды, часто голодали. После окончания Крест-Хальджайской семилетней школы он поступил учиться в Якутское педагогическое училище, но не смог продолжить обучение из-за того, что, попав под машину, сломал ногу.

Вернувшись в родную деревню, он почти пять лет работал в колхозе до призыва в армию. Служил в Приморском крае. После демобилизации работал инструктором райкома комсомола Таттинского улуса. В эти же годы он закончил вечернюю школу и, получив среднее образование, в 1957 г. поступил в Якутский государственный университет.

Ксения Ипатьевна
Васильева,
педагог Высшей школы музыки.

Семен Ипатьевич с супругой Акулиной Саввичной и детьми

Семен был старше меня на 22 года. Поэтому в свои дошкольные годы я знала о нем только по рассказам взрослых. О нем все говорили с уважением. Поэтому для меня он был большим авторитетом. Я не помню, когда его увидела впервые. Они с братом Иваном, будучи студентами, ежегодно приезжали на летние каникулы и помогали родителям по хозяйству. Часто работали на сенокосе. Наверное, из-за разницы в возрасте тогда мы мало общались. Но, когда я училась в пятом классе, мы начали переписываться. Я ему сообщала о своих школьных делах. А его письма были для меня очень интересными, содержательными. Помню его письмо после его поездки в Москву. Из него я узнала про Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова и библиотеку им. В.И.Ленина. А однажды я впервые в своей жизни получила ново-

годний подарок: Семен из города отправил мне детский туалетный набор. Это было незабываемо.

После окончания университета его оставили в аспирантуре. С 1965 по 1978 г. он работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры истории СССР Якутского государственного университета. В марте 1967 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кан-

дидата исторических наук. С 1979 г. до последних дней работал в Институте гуманитарных исследований АН РС(Я) в должности старшего, затем ведущего научного сотрудника.

Мое близкое знакомство с братом началось, когда я весной 1970 г. приехала на подготовительные курсы для поступления в вуз. С этого момента и до окончания университета я жила сначала у него в комнате общежития на Сергеляхе, а потом, когда он женился на Лине Саввичне Колесовой, у них в квартире по ул. П.Алексеева. Семен очень уважал и любил свою супругу. Любил своих детей. Я всегда была очень благодарна им. Они были самыми близкими людьми в моей жизни. Помогали в учебе, поддерживали в любых ситуациях, постоянно оказывали материальную поддержку. И даже, когда я уже сама стала мамой, мои дети тоже ощутили их нежность, любовь и искреннюю заботу. Для всех своих родственников он был самым уважаемым и любимым человеком, мудрым наставником и заботливым

В кругу семьи

другом. Один из его племянников, профессор ЯГУ Иван Ковлеков, посвятил ему свои стихи:

Жила семья на берегу Алдана,
Дабаччыма – то место звали.
Красиво атели бутоны сарданы
На Куудагара зеленой поляне.

Как сказывала бабушка мне,
Что двадцать детей родила,
В голод и холод, и в черной мгле
Еле от смерти троих увела.

А ты был старшим из них,
И в детские годы застали тебя
Нужда и бедность, но ты не сник,
Трудился со всеми, не жалея себя.

Тянулся к свету, как цветок,
Хотел учиться и добился,
Снискал признание и, как итог,
Стал тем, к кому стремился.

Семен был очень трудолюбивым человеком. Дома он постоянно сидел за рабочим столом. Много работал и летом на даче во время отпуска. Весной он любил кататься на лыжах.

Хорошо играл в шахматы. Любил рассказывать занимательные истории, много шутил, любил и понимал тонкий юмор. В то же время был принципиален и справедлив, не терпел лжи. У него всегда было много друзей и единомышленников, его любили ученики и уважали коллеги. Я и все его родственники благодарны им и его друзьям, сохранившим о нем светлые и добрые воспоминания.

О нашем научном руководителе

С.И.Ковлекове

С.Н.Гусак

Я.М.Санникова

Сергей Николаевич
Гусак,

к.и.н., доцент, зав. кафедрой
ЯЭПИ (ф) АТиСО.

Яна Михайловна
Санникова,

к.и.н., н.с. ИГИ АН РС(Я).

Мы, аспиранты Семена Ипатьевича Ковлекова, прошли его школу научных исследований, он вложил в нас очень много своего труда, времени, усилий. Каждый из нас хранит в своей памяти его образ, и мы хотим поделиться своими светлыми воспоминаниями о нашем научном руководителе, о нашем первом учителе в мире науки. Надеемся, что наши, хоть и короткие, воспоминания станут нашим скромным вкладом в увековечивание памяти Семена Ипатьевича Ковлекова.

* * *

Познакомился я с Семеном Ипатьевичем в 1994 г. Я только что окончил Якутский государственный университет и по

распределению пришел в Якутский институт языка, литературы и истории (так тогда назывался Институт гуманитарных исследований). На одном из очередных заседаний ученого совета института была утверждена тема моей диссертации — по истории промышленности Якутии в годы Великой Отечественной войны. Когда встал вопрос, а кто будет моим научным руководителем, то на этом же заседании члены совета остановились на кандидатуре кандидата исторических наук, доцента Семена Ипатьевича Ковлекова. Семен Ипатьевич как раз являлся одним из крупных специалистов по истории Якутии советского периода: он автор более

ста научных статей и нескольких монографий о формировании рабочего класса в республике и по истории сельского хозяйства Якутии. В том же 1994 г. я поступил в аспирантуру при Якутском научном центре Сибирского отделения Российской академии наук.

Семен Ипатьевич очень общительный человек с хорошим чувством юмора. Будучи аспирантом, я посещал заседания отдела истории, где он работал. На этих заседаниях достаточно часто во время обсуждения того или иного научного отчета или научной монографии дело доходило до весьма бурных дебатов, и Семен Ипатьевич вовремя, а главное к месту в шуточной форме разряжал обстановку, переводя дискуссию в более тихое русло. Мне также запомнилось, что Семен Ипатьевич всегда принимал активное участие во всех общественных мероприятиях.

На протяжении всего периода обучения в аспирантуре мой научный руководитель уделял большое внимание формированию меня как научного работника. Он считал, что научная работа должна быть строго упорядочена. Мы составили план работы и стремились четко его придерживаться. Семен Ипатьевич направлял мое внимание на все сферы научной деятельности: анализ литературы, сбор архивного материала, участие в научных конференциях, публикацию научных статей. Сдав кандидатский минимум, я всецело занялся написанием диссертации.

В процессе творческой работы у меня часто возникали вопросы, и я шел к Семену

Ипатьевичу, чтобы вместе с ним найти ответы на них. Он, как я уже говорил, очень серьезно относился к своим обязанностям, внимательно и досконально изучал предоставленные ему разделы диссертации. Возвращая их, Семен Ипатьевич обстоятельно разъяснял, где и какие ошибки или упущения я допустил и подсказывал, как их лучше устранить и на что обратить особое внимание. Под чутким руководством Семена Ипатьевича к окончанию обучения в аспирантуре я написал диссертацию.

Семен Ипатьевич верил в меня, и его уверенность и поддержку я ощущал во время защиты диссертации. В 1998 г. я защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Моя степень кандидата наук – это не только мой успех, но и успех моего научного руководителя Семена Ипатьевича Ковлекова.

* * *

Весной 1995 г. мы, несколько студентов пятого курса исторического отделения ИЮФ ЯГУ работали в читальном зале Филиала Национального архива РС(Я), собирали материалы для дипломной работы. В один из дней мы пришли туда в то же время, когда там работали научные сотрудники Института гуманитарных исследований. Тогда я еще никого не знала, но одного человека запомнила потому, что он очень доброжелательно улыбнулся нашему однокурснику, который сел за соседний с ним стол, и спросил, какие документы он изучает. Узнав, что студент пишет дипломную работу по истории земледелия на

материале одного из центральных улусов республики, он скромно сказал, что имеет некоторое отношение к исследованиям по аграрной истории и дал несколько очень дельных советов по структуре будущего дипломного проекта.

Потом осенью того же года, когда я сдавала экзамены в аспирантуру Академии наук РС(Я) и стало известно, что буду писать диссертацию по истории коллективизации сельского хозяйства Якутии, научным руководителем назначили кандидата исторических наук Семена Ипатьевича Ковлекова, ведущего научного сотрудника Института гуманитарных исследований, доцента. Тогда он был в отпуске, и его согласие получили через заведующего отделом. На первую встречу с новым научным руководителем шла с определенным волнением, ведь предстояло познакомиться с человеком, ученым, который будет руководить работой над диссертацией. И как я была приятно удивлена, что Семен Ипатьевич и тот мужчина, научный сотрудник в читальном зале архива, так дружелюбно говоривший с моим сокурсником, один и тот же человек! Я сразу как-то успокоилась, Семен Ипатьевич обстоятельно со мной познакомился, и состоялась наша первая беседа по теме моей будущей работы. С этого времени Семен Ипатьевич стал моим первым наставником в совершенно новом для меня мире академической науки. С самого начала как-то было понятно, что Семен Ипатьевич из тех людей, которые никогда не нарушают территорию другого человека, очень тонко чувствуют реак-

цию человека на слова, чего бы это ни касалось, будь то повседневные жизненные вопросы или вопросы по работе над темой исследования. Как бы я одним словом охарактеризовала наше общение в процессе написания работы? Доверие. Семен Ипатьевич направлял, советовал, подсказывал, как следует писать научное исследование, и в то же время его доверительное отношение к аспиранту, его размышлениям, его позиции, обсуждение вопросов на равных стали определяющими, и я поверила в себя, в то, что смогу хорошо закончить работу.

После окончания аспирантуры я начала работать младшим научным сотрудником в отделе истории и теперь стала еще и коллегой Семена Ипатьевича. Под его научным руководством в 1999г. защитила кандидатскую диссертацию. Потом уже с 2001 г. мы вместе работали в Центре арктических исследований ИГИ АН РС(Я). Семен Ипатьевич всегда был и остается примером трудолюбия, увлеченности, таланта, которые так необходимы каждому человеку, чем бы он ни занимался. За эти годы я узнала столько интересного, замечательного и Примеча-

тельного от него самого как в плане научной работы, так и просто жизненных историй. И все время он удивлял тонким чувством юмора!

Я благодарна судьбе, что она свела меня с таким замечательным человеком и что именно Семен Ипатьевич с его огромными знаниями, рациональным мышлением стал моим первым учителем в мире науки. Единственное, о чем жалею, что знала его при жизни столь короткое время.

Семен Ипатьевич был истинным исследователем, талантливый ученый и очень скромным человеком...

Война 1812 г. и якутяне

(Публикация документа)

П.К.Конкин

Петр Кириллович
Конкин,
член СЖ РФ.

Как говорится в одном из исторических учебников, Отечественная война 1812 г. была крупнейшим событием русской истории начала XIX в. Захватнический характер наполеоновских войн раскрыт достаточно полно не только в документально-исторической, но и художественной литературе. Наполеон Бонапарт в начале XIX в. разгромил Пруссию, Австрию, Италию, Голландию и подчинил их своей власти. На пути к мировому господству стояли Россия и Англия. Свой поход в пределы Российской империи Наполеон начал в ночь на 12 (24) июня 1812 г. Отражение этого нашествия стоило России огромных жертв и усилий. В войне

погибло около 2 миллионов воинов армии и ополчения, партизан и гражданского населения. Все расходы на отражение агрессии обошлись России более чем в 200 млн. руб., а общая сумма всех материальных потерь составила более 1 млрд. руб. По тому времени это была огромная сумма. Узнав о нападении врага, состоящего из двенадцати языков, русские и другие народы страны включились в добровольное движение по сбору финансовых и материальных средств в помощь народному ополчению и армии, чем проявили высокий моральный дух и единение перед грозящей всем опасностью. Итог Отечественной войны известен. 18 (30) марта

1813 г. Париж капитулировал, и в него вошли российские и союзные войска.

В якутской историографии почти не освещались события тех далеких лет, связанные с материальной помощью, оказанной населением края, движимым стремлением отстоять честь и независимость Родины, несмотря на то, что Якутская область находилась за тысячи километров от театра военных действий и вести из центра поступали с большим опозданием. Это и понятно, так как тогда не существовало ни телеграфа, ни радио. Желание населения помочь материально ополчению, сражающемуся с врагом, нашло отражение в документе, который мы приводим ниже. Надеемся, что эта работа бывшего старшего научного сотрудника Якутского республиканского музея Е.Г.Иоффе, написанная в ноябре 1944 г., вызовет у современного читателя живой интерес.

С большим интересом, думается, нынешний читатель воспримет и информацию о торжествах, проведенных в городах и весях России, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. Особенно торжественно праздновалась эта дата в столицах империи — Москве и Петербурге. Кстати, на Бородинском поле, где парад и смотр войск принимал государь-император Николай II, последнему были представлены пятеро ветеранов-участников войны 1812 г. Самому старшему из них — Е.И.Витовтюку было 125 лет, а по его признанию — 133 года. В Бородинском сражении участвовал в звании фельдфебеля, был ранен в бою, попал в плен, за-

тем был освобожден, дошел до Парижа. Следующим по старшинству (120 лет) был М.К.Пятаченков, воевавший в рядах армии с захватчиками. Николай II сердечно приветствовал старых воинов.

Нужно отметить, что на Бородинское поле приехала большая делегация французов, приглашенная на торжества.

30 августа на Красной площади в Москве состоялось молебствие с «высочайшим выходом», а днем раньше Николай II принял парад войск московского гарнизона на Ходынском поле. Тогда же был произведен «высочайший смотр» на Сенатской площади учебным военным заведениям. Депутация из Петербурга возложила венок к памятнику фельдмаршалу Кутузову, была отслужена панихида у дома Тучкова, на Французской набережной, где проживал великий полководец. Та же петербургская депутация возложила венок к памятнику генерала Барклая де Толли. Многолюдный крестный ход с «высочайшим выходом» прошел из Успенского собора в Чудов монастырь. В Смоленске государь-император разрезал ленту при открытии бульвара имени 1812 года.

Большие праздничные мероприятия в августе 1912 г. проводились и в других городах России. В Якутске праздничные торжества подразделялись на церковные, официальные и неофициальные. План этих мероприятий был утвержден губернатором И.И.Крафтом. 26 августа на Большой улице (ныне проспект им. Ленина) было устроено после парада частей праздничное шествие во главе с губернатором и

Н.Д.Попов

городским головой (А.Л.Юшманов). В шествии участвовали чины местной команды, казаки, учащиеся учебных заведений, горожане разных сословий. Накануне, днем раньше, во всех церквях города совершались всенощные бдения, а 26 числа состоялась торжественная литургия, с поминовением императора Александра I Благословенного и павших воинов, с пастырским поучительным словом. После литургии возглашалась вечная память Александру Благословенному и всем павшим воинам в Отечественной войне 1812 г. Накануне парада в кафедральном Соборе состоялись литургия и молебствие горожан.

Шествием-парадом командовал участник русско-японской войны якутинец Николай Димитрианович Попов, в то время капитан, начальник местной воинской команды, до-

Воинская команда г. Якутска перед парадом в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г.

Манифестация в г. Якутске в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г.

служившийся впоследствии до звания подполковника.

В тот же день, вечером, в городском сквере имени И.И.Крафта состоялись народные гуляния, играл духовой оркестр, публике раздавались брошюры с изложением событий 1812 г.

А за день до этого, 25 августа 1912 года., в зале Якутской городской думы открылся съезд инородческих представителей Якутской области. Закрытой баллотировкой председателем съезда был избран В.В.Никифоров. В газетном отчете о съезде сообщалось, что председатель съезда «предложил выразить верноподданные чувства их императорским величествам и поздравления по поводу юбилея Отечественной войны. Поздравление было принято единодушно и был выработан текст

телеграммы следующего содержания: «Инородческие представители Якутской области, собравшись на съезд в г. Якутске и движимые патристическими чувствами, повергают к стопам их императорских величеств, государя императора, государынь императриц и его императорского высочества, государя наследника выражения своих верноподданных чувств и поздравления по поводу совершившегося столетия Отечественной войны, прославившей русское оружие». Текст телеграммы был передан губернатору И.И.Крафту «с ходатайством повергнуть ее к стопам их императорских величеств».

27 августа в здании Общественного собрания и в Клубе Общества взаимопомощи приказчиков были устроены народные чтения, В первом на

русском языке читали лекции А.И.Попов и М.А.Новицкий, а во втором на якутском языке — В.В.Попов. Накануне в здании музея, кроме официальных лиц и представителей духовенства, собрались воспитанники старших классов учебных заведений и представители сельских и инородческих обществ. Там был устроен литературно-вокальный вечер, распорядителем которого был преподаватель пения якутской женской гимназии И.Ф.Охлопков. Один из членов ученой архивной комиссии сделал сообщение на тему «Роль Якутской области в Отечественной войне 1812 года».

Торжества, посвященные Отечественной войне 1812 г., в Якутске произвели неизгладимое впечатление на всех горожан.

Статья с.н.с Якутского республиканского музея Е.Г.Иоффе «Якутия в войне 1812 г.*»

Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого уже стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование, но не знают еще они всех слоев лавы, находящихся на дне ее... Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, но горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подыметя.

Денис Давыдов

Отечественная война 1812 г. была подлинно народной войной. Родину защищала не только армия. На борьбу с завоевателем Западной Европы, мечтавшим поставить на колени и русский народ, поднялись и старые, и малые; если не было оружия, шли на врага с топорами и косами. На территории, захваченной неприятелем, в тылу у него росла партизанская борьба, в которой активно участвовали не только мужчины, но и женщины-крестьянки. По всей России шло массовое движение помощи армии: жертвовали деньги, вещи, оружие, шли добровольцами в действующую армию. В стремлении русского народа, всех народов России сражаться за свою национальную независимость заключался неиссякае-

* По материалам Госархива МВД ЯАССР.

мый источник силы и энергии для Русской армии, которая, опираясь на свой народ, сумела уничтожить считавшуюся непобедимой армию Наполеона. По призыву правительства в помощь армии формировалось ополчение. «Полагаем мы за нее необходимо нужнее собрать внутри государства новые силы, которые нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех» — гласил царский Манифест от 6 июля 1812 г. По всей стране собирались средства на организацию ополчения и усиление обороны Родины. В этой великой борьбе русского народа с Наполеоном сказались содружество и единство многочисленных народов России. На протяжении веков, несмотря на гнет помещичье-бюрократического строя, а отчасти и благодаря тому общему для всех гнету, благодаря общей борьбе с угнетателями складывалась и укреплялась дружба разных народностей, населявших царскую Россию. Сложилось понятие общей Родины — единой страны.

В тяжелую для русского народа годину это содружество проявлялось в живом участии различных народностей нашей необъятной страны в общей борьбе с нашествием врага. В «Описании Енисейской губернии», опубликованном в Петербурге в 1835 г., есть любопытный факт. В далекие стойбища енисейских тунгусов (эвенков) весть о захвате французами Москвы пришла только в 1814 г. Вооружившись луками и стрелами, эвенки дружно собрались на ланях (оленях) освободить русский город. Недаром говорит родная пословица: «Друга выручай в беде».

Не осталась в стороне от массового движения солидарности в защите общей Родины и Якутия. В конце августа 1812 г. в Якутск был доставлен Указ Иркутского губернского правления от 12 августа и царский Манифест¹ о сборе ополчения и средств для него. Общему присутствию, составленному при Якутском областном правлении, поручено было организовать сбор пожертвований. Земские судьи и частные комиссары должны были помочь сбору средств на местах, в районах. 28 августа была получена директива из Иркутска и вынесено решение о сборе средств. После оповещения областным начальником всех жителей Якутска, 2 сентября, начался сбор пожертвований, а к 7 сентября по Якутску уже было собрано 10260 руб.² Сбор средств по Якутску продолжался и далее. В декабре, как гласит запись в журнале пожертвований 1812—1814 гг., по Якутску дополнительно было внесено еще 500 руб.³

Для организации сбора пожертвований Якутское областное правление своевременно обратилось с призывом к частным комиссарам, в свою очередь, широко оповестившим жителей своих районов о всенародном движении помощи государству для защиты Родины от нашествия врага. Первым из районов откликнулся Олекминский: 12 сентября в Якутск прибыл рапорт олекминского комиссара о собранных пожертвованиях деньгами, вещами и скотом, а в начале ноября прибыли и самые пожертвования — 4716 руб. 20 коп. и два пистолета, выданные на хранение городничему⁴. Крупную сумму несколько позже вносит на общее дело обороны Родины Верхневилуйск: в декабре 1812 года — 10015 руб. и в апреле 1813 г. еще 1635 руб. Кроме этих 11650 руб. вилюйчане пожертвовали несколько лисиц⁵. Скромный дар в апреле 1813 г. дает Жиганск — 28 руб. деньгами, 3 соболей, 1 лисицу, 65 белок и 20 горностаев⁶.

Не остались в стороне и глухой Зашиверск (на Индигирке), собравший 2436 руб. 20 коп. деньгами и на сумму свыше 1394 руб. шкур⁷, и далекая Колыма, приславшая также большое количество вещей и 1307 руб. 50 коп. (из них 987 руб. 50 коп. — жители Среднеколымска и 320 руб. — Нижнеколымска)⁸.

В сборе средств участвовали различные слои населения, разного звания люди: чиновники, служилые люди — казаки и сибирские дворяне, крестьяне, духовенство, купечество. 13 сентября 1812 г. в Общем присутствии поступили от казацких старшин и казаков и сибирских дворян 805 руб., а также бык и две коровы, проданные затем за 65 руб.⁹ Всего, следовательно, казаками пожертвовано было 870 руб.

23 сентября Якутский земский суд рапортует Общему присутствию о пожертвованиях амгинских крестьян, составивших сумму 258 руб. В декабре ими же пожертвовано еще 100 руб.¹⁰

Неоднократно вносит средства духовенство: в октябре 1812 г. 207 руб. 50 коп., в декабре 544 руб., в феврале 1813 г. 605 руб. (из них 500 руб. от Спасского монастыря) и в апреле того же года еще 140 руб., и в июле — 192 руб. 25 коп.¹¹ Всего, таким образом, по журналу пожертвований духовенством внесено 1688 руб. 75 коп. К ним надо прибавить 250 руб., внесенные 19 декабря 1812 г. протоиереем Амгинской Преображенской церкви Дьячковским непосредственно в уездное казначейство¹². Общая сумма пожертвований духовенства составляет 1938 руб. 75 коп.

Вносят пожертвования и отдельные лица. Так, 17 октября 1812 г. в Якутское уездное казначейство поступили 100 руб., пожертвованные ассесором Областного правления Шадриным, а немного ранее 50 руб. от штата правленского комиссара Тарабукина¹³. Эти суммы не учитывались присутствием. Не числятся также в журнале пожертвований внесенные в казначейство 24 сентября 1812 г. двадцатью двумя чиновниками и якутскими гражданами 870 руб., пожертвованные на предмет подкрепления нового государственного ополчения сил¹⁴.

Участие в сборе средств принимало не только городское население, но и сельские коренные жители, в подавляющем большинстве якуты, составляющие 96,9% всего населения Якутской области. Первым внесло свою лепту сельское население Якутского уезда — 30228 руб. 50 коп. По рапорту якутского исправника от 11 ноября 1812 г. было собрано 4101 руб.; 9 декабря представлено еще 26127 руб. 50 коп.¹⁵ В январе 1813 г. прислали свои дары — 155 черных белок усть-майские тунгусы. Еще ранее внесли в казначейство свои пожертвования — 250 руб. иманские (амгинские) тунгусы-родовичи. Зимой 1812—1813 гг. долго шла переписка с Зашиверском, жители которого быстро организовали сбор средств на ополчение (сообщение о сборе получено в Якутске 5 ноября). Присылка пожертвований тормозилась из-за плохих условий транспорта: часть была прислана в январе 1813 г., остальное получено в сентябре 1813 г., когда вещи из Зашиверска прибыли в Якутск летним путем¹⁶. По характеру пожертвований из Зашиверска (шкурки лисиц, песцов, горностаев, белок и т.п.), а также из Колымска (пушнина, ровдуги, камлеи и олени шкуры) видно, что они поступили от местных, коренных жителей.

Коренное население много жертвовало натурой, особенно шкурками. Зашиверск прислал около 2 тыс. белок, больше 100 горностаев, свыше 60 лисиц и песцов, несколько шкурок тарбагана¹⁷. С Колымы, кроме нескольких десятков шкурок белки, горностаев, лисицы и песца, пришли 4 пыжика, 13 оленьих и половинка лосиной кожи, 26 ровдуг и одна камлея ровдужная. Все пожертвованные вещи и скот, согласно решению Общего присутствия, на основе указаний из Иркутска, продавались с аукциона, а вырученные деньги передавались в казначейство, где по распоряжению иркутского губернского правительства от 12 августа 1812 г. хранились все денежные поступления¹⁸. В Иркутск направлялись лишь списки жертвователей с указанием жертвуемого ими. Реализация пожертвований проводилась с исключительным рвением. Шкурки белки, оцenenные в казначействе по 13 коп., на аукционе были проданы по 41, 1/4 коп.¹⁹ Священнику Попову из Олекминска, пожертвовавшему корову, а затем взамен ее внесшему 15 руб., указано было, что посторонние лица могли бы дать за корову больше, а олекминскому комиссару предложили продавать скот только аукционным порядком, когда при продаже сукна, пожертвованного меццанином Яблонским, оказалось, что в куске, «принятом на веру», не хватило 6 1/2 аршин, жертвователя заставили уплатить 10 руб. 72 1/2 коп. за недостающие аршины.

Из пожертвованных вещей лишь оружие, согласно распоряжению иркутского генерал-губернатора, не реализовывалось, а хранилось для дальнейшей передачи по военному ведомству. Оружия было пожертвовано немного: кроме двух пистолетов из Олекмы, оружие упоминается в пожертвованиях из Зашиверска. Шкурки же, сукно и прочие вещи, а также скот были полностью реализованы и составили сумму 1830 руб. 46 коп. Аукцион в марте 1813 г. дал 514 руб. 88 коп., в мае — 331 руб. 52 1/2 коп., и в ноябре — 984 руб. 05 коп.²⁰

Вместе со всеми денежными пожертвованиями это составляет 67413 руб. 11 коп., или 39,6% суммы, собранной по всей Иркутской губернии, в то время как население Якутской области составляет лишь 26,3% населения Иркутской губернии²¹.

Якутяне стремились не только участвовать в сборе средств на ополчение, но и непосредственно пополнить ряды его. Якутский областной начальник Кардашевский в начале сентября доложил Обществу присутствию, что он зачисляет в ополчение двух крепостных людей из своего имения в Полтавской губернии. Неизвестно, были ли зачислены в ополчение крестьяне Кардашевского, но можно предположить, что были, так как Полтавская губерния была в числе тех 16 губерний, в которых собиралось ополчение. Купец Горохов из Зашиверска в порыве патриотического подъема также решил отдать в ополчение своего сына, коему разъяснили, что Иркутская губерния от учреждения внутреннего ополчения по Манифесту 1812 г. освобождена и пожертвование людьми в ней поэтому отменено. Купцу Горохову за усердие на пользу Отечеству выразили признательность и внушили, что взамен пожертвования сыном, он должен выслать денежное или вещественное пожертвование²². Надо полагать, что из

якутян были и непосредственные участники Отечественной войны, так как перед войной, кроме существовавшего ранее сибирского полка, была сформирована сибирская дивизия, входившая в 1812 г. в действующую армию. Якутяне, отбывая военную службу, наряду с другими сибиряками, должны были участвовать в борьбе за освобождение России от наполеоновского нашествия.

Особенный интерес вызывает участие якутян в широком массовом движении, распространившемся по всей России, — движении помощи населению районов, пострадавших от нашествия врага. Данное движение являлось, очевидно, результатом общественной инициативы, так как никаких указаний свыше о сборе пожертвований на эти цели не было. Когда 5 мая 1813 г. в Областное присутствие поступило первое пожертвование в помощь пострадавшим от врага — 345 руб. из Олекмы, Областное правление не знало, как распорядиться этими деньгами и, временно поместив их в казначейство, запросило Иркутск. Оттуда 23 мая пришло указание, что «поступающие на вспоможение разоренным от неприятеля жителям России» деньги направлялись почтовым переводом в Иркутск. На отсутствие директив свыше указывает и тот факт, что город Якутск и Якутский уезд не провели сбора в помощь пострадавшим районам, в этом сказался известный бюрократизм Якутского областного правления, на отсутствие директив свыше указывают, наконец, и различные формулировки пожертвований. Олекминск жертвует «на предмет пособия разоренным от неприятеля соотечественникам», вилюйчане посылают 1400 руб. на пособие разоренным от неприятеля «россиянам», колымчане, приславшие свою лепту — 425 руб. в августе 1814 г., направляют ее «на разоренных войною людей»²⁴. Из Верхневиллюйска в апреле 1814 г. поступили 727 руб. 50 коп., цель которых в журнале пожертвований не указана, но потому, что деньги не были, как обычно пожертвования на ополчение, положены в казначейство²⁵, а сразу отправлены почтовым переводом иркутскому генерал-губернатору, можно заключить, что эта сумма также предназначалась для помощи пострадавшим от неприятеля и должна быть поэтому приплюсована к ранее собранной вилюйчанами «на пособие разоренным россиянам», что составит 2127 руб. 60 коп. Всего, таким образом, якутяне, по имеющимся данным, собрали около 3 тыс. руб. в помощь жителям районов, пострадавшим от врага.

Все изложенное показывает, что совершенно справедливым является сообщение из Якутска, напечатанное 4 декабря 1812 года в петербургской газете «Северная Почта» о том, что «якуты, известясь о насильственном вторжении французов в пределы России, оказались столь же усердными и истинными сынами отечества, как и прочие сограждане их на всем пространстве Российской империи».

В тот период, когда Якутия была отдаленной, заброшенной окраиной царской России, уже тогда население ее, в том числе и основное, коренное якутское население, живо откликалось на зов Родины, проявляя свои патриотические чувства. Это особенно интересно отметить теперь, в период Великой Отечественной войны советского народа с немецкими захватчиками, когда Советская Якутия, внесшая в дело победы над врагом за три года войны 76,6 млн. руб., за горячую заботу о Красной армии трижды получила приветствие товарища Сталина; когда тысячи сынов Советской Якутии сражались на фронтах Отечественной войны. Сотни якутов награждены орденами и медалями, пяти якутянам за выдающиеся боевые подвиги присвоено звание Героя Советского Союза: среди них сын якутского народа Федор Кузьмич Попов, бывший колхозник Мегино-Кангаласского района.

Дружба народов, населявших царскую Россию, сложившаяся на протяжении веков, выросла и укрепилась при советской власти, закалилась в условиях Великой Отечественной войны с гитлеровской Германией, превратилась в нерушимую основу мощи Советского Союза. «Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия. национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчеты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков. В этом источник силы Советского Союза» (И. Сталин. Из доклада о 26-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции).

Архив ЯНЦ. Рукописный фонд. 23.11.1944 г. № 59. Рукопись. Копия.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Очевидно*, первый царский Манифест от 6 июля 1812 года об организации ополчения и сбора средств для него.
- ² *Госархив* МВД ЯАССР. Фонд Якутского обл. правления. Оп. 12, I–III. Д. 2. Л. 5.
- ³ *Там же*. Л. 28.
- ⁴ *Там же*. Л. 22 и 23.
- ⁵ *Там же*. Л. 25 и 48.
- ⁶ *Там же*. Л. 49.
- ⁷ В 1805 г. упраздненный как город. *Госархив* МВД ЯАССР. Оп. 12, I–III. Д. 2. Л. 38, 39, 42, 60, 61. В эту сумму не вошла стоимость 26 лисиц и 4 лисиц, высланных в Иркутск.
- ⁸ *Госархив* МВД ЯАССР. Фонд Якутского обл. правления. Оп. 12, I–III. Д. 2. Л. 45 и 56.
- ⁹ *Там же*. Л. 9 и 13.
- ¹⁰ *Там же*. Л. 11 и 27.
- ¹¹ *Там же*. Л. 18, 26, 28, 36, 37, 46, 48, 57.
- ¹² *Госархив* МВД ЯАССР. Фонд Якутского уездного казначейства. Оп. 349-1. Д. 1194. Л. 25 и 48.
- ¹³ *Там же*.
- ¹⁴ *Там же*.
- ¹⁵ *Госархив* МВД ЯАССР. Фонд Якутского обл. правления. Оп. 12, I–III. Д. 2. Л. 21 и 24.
- ¹⁶ *Там же*. Л. 60.
- ¹⁷ *Там же*. Л. 38, 39.
- ¹⁸ *Там же*. Л. 7.
- ¹⁹ *Там же*. Л. 35 и 42.
- ²⁰ *Там же*. Л. 42, 50 и 64.
- ²¹ Сумма денежных сборов по Иркутской губернии 170 тыс. (*Исторический журнал* № 3–4 за 1942 г.).
- ²² *Госархив* МВД ЯАССР. Фонд Якутского обл. правления. Оп. 12, I–III. Д. 2. Л. 20.
- ²³ *Там же*. Л. 54.
- ²⁴ *Там же*. Л. 52, 59 и 70.
- ²⁵ *Там же*. Л. 67.

По ходатайству губернатора И.И.Крафта

А.А.Павлов

Афанасий Афанасьевич
Павлов,
к.и.н., н.с. ИГИ АН РС(Я).

Профессор Ф.Г.Сафронов охарактеризовал якутского губернатора Ивана Ивановича Крафта (1907–1913 гг.) как умного, дальновидного государственного деятеля, стремившегося облегчить участь политических ссыльных: “Особо следует отметить, — пишет Федот Григорьевич, — либеральное отношение губернатора к политическим ссыльным”¹. Либеральное отношение губернатора проявлялось не только в отсутствии с его стороны притеснений, но и в оказании всяческой помощи, в том числе и материальной, зачастую из своего кармана. Крафт был доступен просьбам и визитам политссыльных, выслушивал их и старался облегчить их участь

в суровом краю. Однако Иван Иванович оказывал не только безвозмездную помощь — он старался занять людей, обеспечить их работой для пользы Якутской области, где не хватало грамотных специалистов, одновременно это была мощная моральная и материальная поддержка для политссыльных. Так, открывались мастерские, цирюльни и другие предприятия бытового характера. Гуманность губернатора отметил А.Н.Селиванов, по словам которого Крафт дал возможность политссыльным приносить пользу обществу, считая их лучшими людьми и привлекая всюду к участию в своих работах в Якутске. Он разработал проект Устава ссыльно-пе-

П.Л.Драверт

реселенцев, где предусмотрел их права на имущество, занятия торговлей, промыслами, предпринимательством. Ссылные могли получать земельные участки, наниматься на работу, обзаводиться семьями и хозяйством.

Губернатора часто можно было видеть на спектаклях, лекциях, устраиваемых ссылными, особенно его интересовали лекции Аронова о дарвинизме, Розеноера — об истории и политической экономике. Также практически легально работала библиотека политссылных. Такое гуманное отношение в своё время отметили административные ссылные В.Д.Виленский—Сибиряков, П.Л.Драверт, В.А.Николаев, В.М.Зензинов, Н.Е.Олейников, Ем.Ярославский и др., которые дали высокую оценку государственной и общественной деятельности Крафта.

Подобное либеральное отношение губернатора “к врагам самодержавия” не устраивало иркутского генерал-губернатора А.Н.Селиванова, требовавшего от И.И.Крафта быть “первым полицейским

чиновником во вверенной ему области, усиления надзора над политическими и режима их содержания”.

В своем доносе на имя министра внутренних дел П.А.Столыпина генерал-губернатор Иркутской области Селиванов указал, что, “побыв в Якутске два года, губернатор г-н Крафт сосредоточил в Якутске 180 человек административно-ссылных и в Олёкминске — 20 человек, причём проявил особую заботливость о материальном их благополучии, нередко выдавая ссылным пособие от казны за несколько месяцев вперёд, не задумываясь о том, нуждаются ли высланные в пособии от казны или нет...”². Далее он жаловался, что якутский губернатор устраивает политссылных на ответственные должности без ведома вышестоящих властей.

В годы управления областью Крафтом многие ссылные работали в редакциях газет, статистическом комитете, участвовали в экспедициях, нередко становились писателями. Широко практиковалась работа административно-ссылных в больницах и школах.

Из доноса жандармского осведомителя Телеховского: “Фактическими редакторами газет «Якутский край» и «Якутские мысли» были ссылные Цветков, Иванов, Панкратов, Михалевич, а типографией заведовали Брусенин, Михалевич, учитель женской гимназии — В.Жаров... Все статьи этих газет походили на прокламации с призывом к восстанию...”. По словам Телеховского, на всё это Крафт

не только закрывал глаза, но всячески поддерживал³.

Многие исследователи — В.Утков, Х.Хасанов, В.Афанасьев и др., — считают, что П.Л.Драверт был отпущен из Якутска по ходатайству руководства Императорского Русского географического общества. Но это не соответствует действительности. В Национальном архиве Республики Саха (Якутия) хранится уникальный документ, подтверждающий, что значительную роль в переводе Драверта в Томск сыграла характеристика якутского губернатора Крафта.

В январе 1909 г. губернатор И.И.Крафт получил письмо от вице-губернатора Департамента полиции, в котором ему поручалось в срочном порядке дать характеристику административному ссылкеному П.Л.Драверту, вместе с указаниями было вложено ходатайство отца ссылкеного — тайного советника Людовика Станиславовича Драверта, которое подлежало возврату. Отец просил Департамент полиции отпустить сына на четырёхмесячное лечение с последующим переводом в центральные области с более мягким климатом для отбытия оставшегося срока ссылки. Крафт не стал собирать и дожидаться рапортов от исправника и полицмейстера, как полагалось в таких случаях, а лично составил необходимую характеристику. В ней он представил Петра Людовиковича Драверта как “человека воспитанного, образованного, ведущего себя в высшей степени корректно”⁴. В своём письме губернатор перечислил все его научные разработки по исследованию природных залежей поваренной соли, камен-

ного угля, олова, мрамора, а также месторождений золота и других полезных ископаемых, и дал согласие на четырёхмесячное лечение с переводом в губернии с более умеренным климатом для того, чтобы Драверт мог “в более лучших условиях жизни принести большую пользу Родине, чем находясь в Якутии”.

Кто же такой Драверт, получивший столь лестную характеристику и ходатайство от царского наместника — губернатора Якутской области Ивана Ивановича Крафта?

Пётр Людовикович (в большинстве архивных документов — Людвигович) Драверт родился 16 января 1879 г. в г. Вятке в семье крупного чиновника, придерживающегося демократических принципов. Прадед Драверта — обрусевший наполеоновский офицер — остался служить в России и принял православие после женитьбы на русской аристократке. Дедушка — Станислав Иванович Драверт дружил с А.И.Герценом, М.А.Салтыковым—Щедриным, Н.А.Некрасовым и другими русскими писателями и поэтами. По материнской линии он состоял в родстве с могущественным родом князей Ростопчиных. Людовик Станиславович Драверт, занимавший высокие государственные должности, сумел привить сыну любовь не только к политике, но в большей степени к науке, а мать, получившая образование в Институте благородных девиц и увлекавшаяся литературой, — любовь к поэзии. Когда Петру исполнилось восемь лет, мать подарила ему полный сборник произведений А.С.Пушкина,

который он считал самым ценным подарком.

Драверт учился в Екатеринбургской, а затем в Казанской гимназиях. По воспоминаниям самого Петра Людовиковича, после смерти матери (она умерла когда ему было 13—14 лет) “излишняя опека отца заставила его уйти из дома и вести самостоятельную жизнь”. Беспризорная жизнь отразилась на его здоровье, Петр бросил учёбу. Однако для поступления в Казанский университет ему требовалось законченное гимназистское образование, и он вынужден был обратиться за помощью к отцу. Таким образом, в 1899 г. он поступает на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. По отзывам известных профессоров А.Н.Лавренского, А.А.Штуkenберга, Драверт учился “весьма хорошо”, заведовал на общественных началах минералогическим кабинетом университетского музея, участвовал в геологических экспедициях, организуемых деканатом факультета. В 1901—1904 гг. он проводил исследовательские работы на юго-западном Прибайкалье, Урале и Волге. Кроме того с юности Драверт увлекался литературой, писал стихи. В 1904 г. он выпустил в свет первый сборник стихов “Тени и отзвуки”, но успеха не имел. Сам он оценивал свою работу как “порядочную дребедень”, где сильно сквозит влияние Бальмонта⁵.

Пётр Драверт в начале 1900 г. вступает в партию эсеров (социал-революционеров) и становится активным участником революционной борьбы. В 1901 г. он был арестован и

сослан в Пермскую область, но вскоре с помощью отца получил амнистию и возможность продолжить учёбу в университете.

В беспокойном 1905 г. Драверт — подпольная кличка — “студент Петров”, будучи членом Союзного совета студентов Казани, принимает самое активное участие в митингах и потасовках, в сборе оружия для организации восстания, в переговорах с мусульманскими экстремистами. По некоторым сведениям он стрелял из окна своего дома в жандармов. Среди революционной молодёжи он становится лидером и принимает активное участие в революции 30 сентября 1905 г. Губернатор Казани писал в Департамент полиции: “Крайняя партия (под этим названием губернатор объединяет все революционно настроенные партии. — А.П.) студентов университета намерена продолжить устройство различных митингов в стенах Ветеринарного института. Главными организаторами этой партии являются: юрист IV курса А.С.Кулеша, юристы III курса М.С.Бухов, М.Е.Монц, естествовед IV курса П.Л.Драверт”, и добавил, что Драверт впервые в истории Казанского университета водрузил на главном корпусе красный флаг⁶. Забегая вперёд, скажем, что это упоминание губернатора в 30-е гг. спасло Драверта от расправы НКВД.

В ноябре 1905 г. состоялся суд над участниками революционного выступления. Исследователи В.Утков, А.Лейфер, Х.Хасанов и др. утверждают, что “Драверта осудил и приговорил на ссылку сроком 5 лет в Якутск его отец — Лю-

довик Станиславович — Председатель Окружного суда, не щадивший революционеров”⁷. Свои доводы они основывают на воспоминаниях старого коммуниста Н.Н.Накорякова, участника революционных выступлений в Казани. Эти доводы, лично я считаю недостаточными, чтобы доказать, что Драверт-отец приговорил своего сына. Судебная реформа 1864 г., хотя и незавершённая, тем не менее не допускала участия прямых родственников в суде в качестве обвинителя, судьи или адвоката. Кроме того, несмотря на политические разногласия, Людовик Станиславович оставался любящим отцом, а Пётр — благодарным сыном. Свои письма к отцу Драверт всегда начинал словами “дорогой папа”, “любимый папа”, а заканчивал — “любящий сын Пётр”⁸. Во время ссылки Людовик Станиславович всячески поддерживал сына — материально и духовно. А в годы советской власти переехал в Томск, к сыну, где и умер на руках Петра Людовиковича.

Драверта привезли в Якутск 6 июля 1906 г. вместе с другими ссыльными. Позже к нему приехала жена — Елизавета Богданова.

Здесь его окружили соратники по партии, и с их помощью Драверт смог снять приличную квартиру. Ему было назначено “повышенное пособие” — 19 руб. 10 коп. в месяц⁹. При страшной дороговизне, когда пуд мяса стоил 3 руб., булка хлеба — 12 коп., фунт сахара — 1 руб., жить на такое пособие было невозможно. Как видно из писем к отцу, чтобы поддержать семью, он вынужден был заниматься

медицинской практикой, работать на строительстве музея-библиотеки и реального училища. Также серьёзным подспорьем являлись для Драверта переводы и посылки отца. Только благодаря моральной и материальной поддержке со стороны отца семья Петра Людовиковича смогла выжить в якутской ссылке, но всё же здоровье его было подорвано. В результате постоянного недоедания у него развились “катар желудка, цинга и нервные болезни”, о чём он пишет отцу.

В годы ссылки Драверт изучал соляные месторождения по руслу р. Кемпендйай. В 1908 г. по заданию якутского губернатора И.И.Крафта он ездил в устье р. Алдан, где исследовал залежи олова в бассейне р. Синяя. В 1909 г. он сделал подробное описание горячих источников озёр Баян-Кель, Абалах и предоставил губернатору детальный отчёт о их лечебных свойствах. В 1910 г. в Казани Драверт выпустил книгу “Экспедиция в Сунтарский солёный район”. Позже он написал научные труды: “Типс в Якутии”, “К вопросу о драгоценных камнях Якутской области”, “Опалы Якутской области”, ценные сведения можно найти также в работе “Материалы к этнографии и географии Якутской области”, где он не удержался от критики в адрес правительства: “...такой талантливый народ, как якутский, обречен на вымирание и бесправие”¹⁰. Собранные Дравертом и его товарищами материалы были представлены в Академию наук и Казанский университет.

Учитывая его перспективы в научной работе, губернатор

Крафт делает заключение, что при “лучших условиях П.Л.Драверт мог бы принести больше пользы Родине, чем в Якутии (так в документе. — А.П.)”¹¹.

Осенью 1909 г. П.Л.Драверт получил разрешение выехать в Казань, где под опекой отца привел своё здоровье в порядок. 25 мая 1911 г. он должен был отбыть в г. Омск под гласный надзор полиции, затем по личной просьбе его переводят в г. Томск.

В Казань он возвращается в 1912 г. и занимается в Минералогическом кабинете университета обработкой материалов своих экспедиций. В 1914 г. он заканчивает физико-математический факультет Казанского университета и в том же году получает свидетельство действительного члена Якутского отделения Русского географического общества. Но, покинув якутскую ссылку, Драверт не прекращает связи с Якутией: в 1913 г. по просьбе губернатора Крафта он возвращается в Якутию, где изучает устье р. Лена и составляет карту фарватера дельты Лены; в 1916 г. он вновь приезжает в Якутск, как руководитель экспедиции в Западную Якутию, для изучения золотоносности Вилюйского округа Якутской области. После окончания срока ссылки Петру Людовиковичу предлагают высокий пост в администрации одной из центральных губерний, но он отказывается.

Февральскую революцию 1917 г. учёный принял с большим вдохновением, ему показалось, что наконец-то осуществляется его заветная мечта, за которую он боролся, страдал в тюрьмах и ссылках. Дра-

верт начинает активно участвовать в общественно-политической жизни Казанского университета, избирается на должность попечителя учебного округа, принимает меры по охране заповедников и памятников природы Казанской губернии.

Однако в октябре 1917 г. мы не находим подтверждения, что Драверт поддерживает захват власти большевиками, более того своё отношение к диктатуре пролетариата он высказал весьма откровенно: “Не ждите от нас, работников науки, что мы примем всё, что нам прикажут. Но мы, учёные, отдадим для трудящихся свои знания!” — и он остался верен этим своим принципам.

В годы Гражданской войны П.Л.Драверт работает в омском Сельскохозяйственном институте достаточно долгое время, а после вместе с отцом переезжает в г. Томск.

После установления советской власти учёного приглашают на должность профессора на кафедру минералогии Уральского государственного университета в г. Екатеринбург, однако он отклоняет это предложение, считая незаконченной свою миссию в Томске, кроме того ему предлагают престижные места в Москве и Петрограде, но Драверт отказывается, предпочитая оставаться в Сибири. Участвует в региональных, всесоюзных, международных конференциях по вопросам изучения Сибири, Урала и Дальнего Востока, составлении советской Сибирской энциклопедии.

В меру своих возможностей он помогает студентам-якутянам в их обучении и последующей научной работе, избира-

ется почётным членом научно-исследовательского общества “Саха Кэскилэ”. Правительство якутской республики, по предложению М.К.Аммосова, постановило: “За весомый вклад в научное исследование республики оказать материальную помощь профессору П.Л.Драверту из запасов СНК ЯАССР в размере 300 рублей”¹². А 14 ноября 1926 г. общее собрание “Объединения студентов-якутян омских высших учебных заведений” избирает Драверта почётным членом. В те же годы выходит в свет несколько его трудов о запасах исландского шпата, гипса, о происхождении гор в Якутии. В связи с десятилетним юбилеем создания Якутского национального театра он опубликовал обширную статью в журнале “Сибирские огни”, где отметил, что у истоков Якутского национального театра стояли В.В.Никифоров, П.А.Ойунский, А.И.Софронов и другие якутские писатели.

Пётр Людовикович пристально следил за событиями в Якутии, он одним из первых привлек внимание образования государственности — Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. По мере возможности помогал студентам-якутянам в получении образования, напечатал свои труды в сборнике “Саха Кэскилэ”.

Драверт оставил богатое научное наследие. За 45 лет научной работы написал около 700 научных статей, десятки монографий. С 1900 по 1941 г. он совершил до 50 поездок и экспедиций по Среднему Приволжью, Уралу, Башкирии, Восточной и Западной Сибири. Много трудов оставил о

метеоритах. Переписывался и дружил со многими учёными — В.И.Вернадским, В.А.Обручевым, К.И.Циолковским, А.Е.Ферманом и др., которые высоко ценили научные труды Драверта.

П.Л.Драверт известен также как поэт, он оставил несколько сборников стихов, темой которых была любимая Сибирь, и до конца жизни не соглашался переехать в Москву, неизменно отвечая: “Сибири не изменю!”

Имя этого замечательного учёного находится на задворках нашей истории, а его труды не получили должной оценки. Изучение его многообразного научного наследия требует коллективного труда, работы в различных направлениях науки.

Свою статью хотелось бы закончить стихотворением самого Петра Людовиковича Драверта о падающей звезде, сгоревшей в земной атмосфере:

Упала недаром; в бесчисленный
 круг
Её закатившихся прежде подруг
От Космоса некая часть попадёт,
Включаясь навеки в земной
 оборот...
Пусть будет недолог твой
 жизненный путь,
Но можешь и ты лучезарно
 сверкнуть,
Оставив живущим волнующий
 свет,
Строитель, художник, учёный,
 поэт!

Хочется верить, что след, оставленный достойным гражданином и хорошим человеком, не останется забытым и найдёт своих исследователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. — Якутск, 1993. — С. 50.
- ² Калаишиков А.А. Новое о И.И.Крафте // Якутский архив. — 2000. — № 1. — С. 31–32.
- ³ *НА РС(Я)*. Ф. 12и. Оп. 21. Д. 168. Л. 8.
- ⁴ *Там же*. Л. 8.
- ⁵ *Там же*. Д. 130. Л. 76–77.
- ⁶ Драверт П.Л. Незакатное я вижу солнце. — Новосибирск, 1979. — С. 219.
- ⁷ Корбут М.Н. История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. — Казань, 1930. — С. 224–232.
- ⁸ Цит. по кн.: Утков В. Встречи с П.Л. Дравертом // Люди, судьбы, события. — Новосибирск, 1970. С. 130.
- ⁹ Драверт П.Л. Указ. соч. — С. 218.
- ¹¹ *НА РС(Я)*. Ф. 12. Оп. 21. Д. 130. С. 77.
- ¹² *НА РС(Я)*. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 3.

Среднеколымская коммуна государственных ссыльных

И.Г.Макаров

Илья Гаврильевич
Макаров,
к.и.н., с.н.с. ИГИ АН РС(Я).

Живя далеко друг от друга, государственные ссыльные существовали на пособие или доходы от своего хозяйства. Но так как в одиночку заниматься чем-либо было трудно, то они стремились к совместной жизни и коллективному занятию хозяйством. Это видно из письма одного из ссыльных, отбывающего ссылку в 80-е гг. в Ботурусском улусе Якутского округа, где он подчеркивал: “Если бы можно было нам жить вместе и вести артельное хозяйство, тогда задача решалась бы сравнительно легче, но правительство, видите ли, задалось целью разъединить нас и как можно больше приблизить наше положение к условиям единичного заклю-

чения; с этой именно целью издан министерский циркуляр о расселении улусных ссыльных по наследам, так что нам приходится жить врозь на расстоянии от 20 до 200 верст друг от друга”¹. Как свидетельствуют документы, там где была возможна совместная жизнь, они вели коллективное хозяйство.

Так, в конце 1887 г. партия государственных ссыльных, еще находясь в пути в Якутск, организовала свою артель во главе с А.Я.Энгелем для более правильной организации питания, следования по этапу и коллективной защиты своих интересов. Из Якутска их отправили в Среднеколымск. Перед отъездом они закупили

необходимый инвентарь для коллективного труда, в т.ч. якоря для лодок, продукты питания, вещи, необходимые для личных нужд, и решили жить в Среднеколымске коммуной. На месте водворения к ним присоединились другие ссыльные. В коммуну по разным причинам вошли не все государственные ссыльные, в т.ч. живущие в городе и те, которые находились в других местах округа. О составе коммуны свидетельствуют строки из письма И.Баранова другу П.Коган-Бернштейну в начале мая 1889 г. из Среднеколымска в Якутск, “В Колымске ссыльных 15 человек (теперь с новичком Гроссманом 16); из всего числа ссыльных 8 человек, в том числе и я, живем коммуной, вполне на коммунистических началах; все члены коммуны вполне спевшиеся, знают друг друга давно, и я льщу себя надеждой, что наша коммуна имеет просуществовать долго. У нас, у коммуны, имеется общая кухмистерская”². Её члены возлагали на коммуны большие надежды, как на росток коммунистического начала коллективной жизни людей на Крайнем Севере.

Однако, по словам других членов коммуны, она возникла не только из идеологических соображений, скорее всего ее появление было вызвано материальными потребностями государственных ссыльных, как одна из мер организации их жизни в необычайно сложных, трудных условиях существования, при отсутствии каких-нибудь заработков. Главным образом, она была призвана материально и морально поддерживать ссыльных, ока-

зывать каждому товарищескую помощь. В своих воспоминаниях М.Поляков подчеркивал главную особенность колымской коммуны: “Все было общее, первоначально даже белее ... Участие в коллективной работе носило характер вполне добровольный”³.

Первое время коммуны трудно было приспособиться к своеобразным условиям местной жизни, но с течением времени она приобрела более организованный характер. Коммуна имела по масштабам того времени более солидную материальную базу для коллективного труда. Из письма другого члена коммуны мы узнаем об образе жизни и трудовой деятельности коммунаров. 16 мая 1889 г. Р.Гроссман написал в Якутск М.Брагинскому о коммуны следующее: “У артели имеется уже значительный инвентарь. Есть три лошади, три коровы, предполагается приобрести еще. Есть мастерская, столярная. Многие работы производятся самой артелью. Имеется же в виду по возможности производить все. Летом предстоит много занятий. Так через месяц мы уезжаем в лес заготавливать необходимые для артели дрова: сами будем рубить, плотить плоты и с первой водой сплавливать к городу. Затем наступят сенокосы. Будем кроме того неводить, для чего у артели имеются все приспособления: невода, сети, карбасы (лодки) и пр. Даже займемся ремонтом своих квартир и постройкой новых, для чего будем пилить доски, лес и готовить необходимый материал. У артели будет нейтральная квартира, где будет помещаться библиотека, столовая и пр.”⁴ На заготовке

леса они проработали 8 дней, а на сенокосе — 10. Сенокосением руководили А.Г.Белоусов и А.Я.Энгель. Старостой коммуны был И.С.Коган.

Коммуна не только облегчала жизнь ссыльных в материальном плане, но и влияла на их нравственные и умственные интересы. Так, государственные преступники строго осудили А.Цейтлина, совершившего в пути из Иркутска в Якутск воровство и утаившего общие деньги из кассы взаимопомощи: он был “исключен из числа членов кассы и казнен презрением всех”⁵. Члены коммуны резко осудили поведение некоторых государственных преступников — колымчан, занимавшихся торгашеством с целью барышничества, как деятельность, несовместимую с высоким именем революционера.

Торговля, направленная на получение выгоды в любой форме, затрагивала интересы людей. Ставя своей целью защиту интересов бедных слоев населения, ссыльные революционеры выступили против торгашества, а не против торговли. Конфликты на этой основе особую остроту приняли в 1889 г., когда некоторые ссыльные, направляясь в северные округа, запасались разными товарами с целью заработать в личных интересах. Особую нетерпимость получили случаи провоза спирта. Об этом из Среднеколымска писали так: “У нас в последнее время происходили дебаты по поводу протеста против возведенного на колымчан обвинения в барышничестве и вообще в борьбе с явлением торгашества среди государственных”⁶. Некоторые из ссыль-

ных свою торговую деятельность пытались оправдать необходимостью обеспечить товарами местное население. Но она, как правило, выходила за рамки простой торговли и “желания” обеспечить жителей Севера необходимыми товарами. Торгашество роняло в глазах местного населения высокую честь революционера и не совмещалось с идеей, под знаменем которой они боролись за интересы бедных и эксплуатируемых. Защищая честь своего товарища, взявшего много грузов в Среднеколымск, государственный ссыльный М.Брагинский с горечью писал: “Администрация заподозрила нашего товарища в том, что он вместе со своими необходимыми вещами пользуется случаем провезти товары для барышнических целей”. Считая такие слова тяжелым обвинением, он продолжил: “К сожалению, надо сознаться, что в жизни наших товарищей имеют место такого рода факты, которые лишили нас возможности протестовать против этого обвинения. А не имея возможности протестовать против него, мы тем самым дали повод администрации и обществу еще более утвердиться в столь невыгодном для нас мнении о государственных ссыльных”. Такие поступки “идут в совершенный разрез с традициями, сложившимися о государственных ссыльных, как о корпорации людей, связанных между собой единством нравственных и политических убеждений”⁷. По этому поводу члены колымской коммуны написали протест: “... [мы] социалисты-революционеры осуждаем всех государственных ссыльных,

занимающихся торговлей, не считаем их товарищами”⁸.

Из государственных ссыльных торговлей в широком масштабе занимался П.И.Войнаральский. 28 апреля 1888 г. он получил право вести торговлю. Одно время его компаньоном был С.Ковалик. В июле 1887 г. в письме якутскому губернатору свое желание заниматься торговлей П.Войнаральский мотивировал необходимостью накопить средства для занятия земледелием. Однако в земледелии он не смог добиться и того уровня, которого до него достигли в Верхоянском округе другие ссыльные. Основной целью его торговли стало предпринимательство⁹.

П.Войнаральский торговал по свидетельству П купеческой гильдии. Если земледелие давало ему кое-какие продукты для личного потребления, то благодаря торговле он накопил определенный капитал. Он содержал Тандинскую, Бедельскую почтовые станции, при трех верхоянских станциях имел 100 оленей. Кроме того накопил имущество, товаров на сумму около 3000 руб., долги других лиц ему составляли 2100 руб. Всего его состояние оценивалось на сумму 8700 руб.¹⁰

Торговая деятельность П.Войнаральского была строго осуждена государственными ссыльными. Слухи о ней дошли и до Карийской каторги, где его тоже осудили¹¹. В беседах со своими единомышленниками П.Войнаральский придавал этому занятию идейный оттенок, считая, что тем самым он сможет противодействовать обиранию якутов местными торговцами и помогать собиравшимся бежать из

Якутии ссыльным. Как правильно отметил Ф.Кон, его легендарное имя стало прикрытием для многих государственных ссыльных, пошедших по его пути. В раскрытие своих мыслей Ф.Кон приводит следующие слова: “Не учел он при этом самого существенного — того, что в ссылке были люди, уже опустившиеся, и что они ухватятся за его авторитет для того, чтобы, делая то же, что и он, обезопасить себя от всяких нападков со стороны остальной ссылки. А это именно и случилось. Войнаральский стал ширмой для этих опустившихся”. Несколько ссыльных и Ф.Кон “обратились к нему с коллективным письмом, в котором ... упрекали его в этом, не воздержавшись от указания, что занятие торговлей не приличествует такому революционеру, как он”¹². В связи с этим, по существу не затрагивая поднятый вопрос и оправдывая свою деятельность, П.Войнаральский в 1892 г. обратился с “Письмом товарищам”, где писал, что “правда, всем известно, что удача оправдывает всякое, самое позорное дело, а неудача обрекает пораженного на массу неприятностей, обвинений, доходящих до презрения. Но так может реагировать только толпа и неосмысленное чувство и притом чувство преклонения перед силой”¹³. Видимо, отрицательная реакция государственных ссыльных, друзей по революционной борьбе сыграла роковую роль в его торговой деятельности. После первых лет успешной торговли по свидетельству купца П гильдии его дела пошли на убыль. У него появились долги: вместе с женой, якуткой

Февронией Леонтьевной Войнаральской, урожденной Гуляевой, он задолжал большую сумму в 28800 руб., в т.ч. купцам: А.И.Шишлянникову – 815 руб., А.И.Беспрозванному – 7000 руб., И.И.Силину – 1000 руб., Н.Б.Васильеву – 3500 руб., Я.Г.Швецову – 4000 руб. и др. По определению Якутского окружного суда от 13 марта 1893 г. П.И.Войнаральский был объявлен несостоятельным должником по торговле. Вскоре ответчики умерли. Судебные разбирательства по данному делу прошли 28 сентября 1898 г., 23 декабря 1905 г., 8 мая 1907 г., 11 мая 1911 г., и, наконец, 18 сентября 1915 г. На последнее заседание никто не явился, и дело закрыли. В последние годы ссылки П.Войнаральский заведовал опытной сельскохозяйственной фермой, расположенной около г. Якутска. Он также торговал и в Якутском округе¹⁴. Получив право возвратиться в Россию, он выехал в 1897 г. Его жена умерла от эпидемии в Якутске. После возвращения, “не потеряв энергии и живости”, он разъезжал по различным городам России, чтобы познакомиться с состоянием революционного движения. Его материальное положение было бедственным. Узнав об этом, В.Короленко оказал ему определенную помощь и предложил своим знакомым поступить также. В частности, он написал О.В.Аптекману, что “Войнаральский вернулся в Россию, живет под Харьковом больной и в большей нужде. Я сделал кое-какие шаги, теперь очередь за Вами, Осип Васильевич”¹⁵. 17 (29) июля 1898 г. П.И.Войнаральский скоропостижно

скончался в г. Купянске Харьковской губернии.

Ссылные, занимавшиеся торгашеством, стремились покупать у инородцев мясо, рыбу, меха по дешевой цене, а привезенные товары продавать им по повышенной, даже предлагали спирт. Чтобы пресечь это и обеспечить материальное положение государственных ссыльных, по инициативе В.И.Иохельсона, они образовали потребительский кооператив, просуществовавший до 1893 г. Его иногда называли магазином. Во главе кооператива стояло правление, его распределителем был староста коммуны И.Коган. Они покупали у инородцев мясо, масло, рыбу по умеренной цене, что было выгодно местному населению. Членами потребительского кооператива являлись все государственные ссыльные, живущие в городе, в т.ч. и не члены коммуны. По словам М.Полякова, приобретаемые продукты и товары делились поровну между всеми членами “магазина”. Деньги на покупку продуктов собирались со всех членов кооператива. Но отдельные ссыльные жили обособленно, ведя закрытый образ жизни, что создавало для них определенные неудобства. “Так что, те из ссыльных, которые живут отдельно, – писал бывший член коммуны А.Клюге, – поставлены в положении конкурентов с артелью, если она не поделится с ними своими благами. Артель как более богатая в денежных средствах, скупает всю муку ... Все ... продукты в руках артели”¹⁶.

У коммуны была общая столовая, где питались все, в т.ч. и те, у которых не было

средств, чтобы содержать себя. Среди членов коммуны в какой-то мере была налажена специализация: одна группа занималась рыболовством, другая – распиловкой леса, третья – выделкой кирпича. Один из кирпичников (И.Шкловский) специализировался на кладке голландских печей. Были в коммуне и такие, которые работали не в полную силу, отлынивали. Это стало предметом неоднократных споров. В результате некоторые выходили из коммуны и вступали в нее по 3–4 раза. О взаимоотношениях внутри коммуны В.Г.Тан-Богораз писал следующее: “Мало-помалу самые голодные и настойчивые входили в неоплатные долги на 20, 30 и даже 50 завтраков. Они получили амнистию ... Если угодно, Колымск был первой русской республикой... Наша община существовала сама по себе, а начальство само по себе. Отношения между нами были то дружественные, то враждебные. Иногда доходило до полного разрыва. Столкновения случались все больше по праздникам и по табельным дням”¹⁷. В мае 1893 г. в Среднеколымске было больше 50 ссыльных, многие из которых голодали. В связи с отсутствием работы в столовой коммуны они питались в долг, затем их долги списывались.

Коллективная жизнь коммуной была выгодна всем ее членам. Они могли показать местной администрации свою организованность, материально обеспечивали себя, нравственно поддерживали друг друга, тем самым облегчали свою жизнь и оберегали себя от духовной деграда-

ции. Немаловажную роль сыграла их богатая библиотека, а коллективная физическая работа сохранила их уверенность в своем будущем. При отъезде из Якутска в Среднеколымск М.Поляков и Д.Гофман взяли с собой два ящика книг (около 196 кг). “Эти книги, — вспоминал М.Поляков, — влили в меня бодрость духа. Книги и лекции виднейших профессоров и ученых по философии, экономике, праву и естественным наукам. По ним можно было пройти весь курс юридического факультета и теоретически основательно познакомиться с естественными науками”¹⁸. Книги спасли не одну жизнь и способствовали занятию самообразованием.

Также они создали кассу взаимопомощи для выдачи денег в долг или бесплатно. Ее услугой пользовались уезжающие после окончания срока ссылки.

Люди объединились в коммуну для создания материальной основы своей жизни в условиях ссылки. Каждый из ее членов имел разный уровень образования, представлял разные этапы революционной борьбы и обладал неодинаковым подходом к решению проблем установления социальной справедливости. Все это в полной мере отразилось на организации жизнедеятельности коммуны и спорах среди ее членов. Совершенно был прав один из членов этой коммуны, который, в критических замечаниях по поводу статьи В.Г.Тан-Богораза “Коронация в Колымске” заметил, что “авторы грешат именно тем, что при характеристике деятелей революции не дают индивидуальных черт их характера,

ума и настроения, вследствие чего описываемые личности являются шаблонным типом русского революционера с громадным и разносторонне развитым умом, непоколебимую твердостью характера, неподкупную преданностью идеи и т.п. Выходит так, что среди наших славных товарищей не было людей с чрезвычайно односторонне развитым умом, с вечным душевным разладом, с гамлетовскою нерешительностью характера, с ограниченностью фанатика и профессионала”¹⁹.

Каждый член коммуны представлял собой индивидуальность с присущими ей поведением, нравами, взглядами на окружающее, интересами и привычками. В коммуне все были равны, все было общее. Все члены коммуны, кроме А.Г.Белоусова, происходящего из крестьянской семьи, были интеллигентными людьми, не приученными и неспособными к физическому труду. Исходя из принципа добровольности труда одни работали с утра до вечера, другие, руководствуясь своими способностями и наклонностями, практически ничем не занимались, третьи, выйдя из коммуны, вели исследование этнографии и быта местного населения. Были среди них и те, кто вообще не хотели работать.

Занятие государственных преступников торгашеством, неравное участие в создании материальной основы коммуны были поводами для неоднократных споров среди ссыльных и неприязненных отношений. Споры между ними обычно заканчивались тем, что обиженные этими обвинениями переставали общаться с

товарищами, а члены коммуны переставали считать их единомышленниками. Это привело к тому, что некоторые члены коммуны вышли из нее. Одного из них — А.Клюге — коммунары исключили из своих рядов. Последнему не нравилось требование членов коммуны добиться равной работы в хозяйстве. В октябре 1889 г. А.Клюге сообщил в Намский улус Якутского округа А.Макаревскому, что “артель ограничивалась монополизированием нравственности, революционности и социалистичности”²⁰. Автор письма отмежевался от своих прежних увлечений социалистическим учением.

Обиженный исключением из коммуны А.Клюге враждовал со своими бывшими товарищами. В своем письме к тому же А.Макаревскому он признался: “Я лично очень недоволен своим именем государственного ссыльного и предпочел бы быть уголовным для того, чтобы не быть принужденным к солидарности с разными темными и сомнительными элементами”²¹. В своем письме он подробно освещает вопросы, по которым он не согласен с членами коммуны, и дает некоторым из них нелестные характеристики, считая, что они, не имея понятия о принципах и идеях социалистического учения, случайно попали в число революционеров, а именно за “принадлежность к еврейской нации”. По его словам, И.Коган из скромного мальчика превратился в социал-революционера и сурового судью С.Ковалика и П.Войнаральского, а 17-летние гимназисты У.Горнштейн и Д.Ландо ниче-

го не читали и не знают о социализме. Его беременная жена Р.Шмидова требовала от коммуны хлеба, тогда как ее члены в основном питались рыбой. По обвинению в лениности они были исключены из коммуны.

С завидным упорством и устойчивой ненавистью А.Клюге нападал на коммуны и компрометировал ее членов. «Они, – писал он, – возмущаются правительством, но правительство поступает с ними гуманнее, чем они поступают со своими товарищами ссылки; правительство не забывает, что они нуждаются в куске настоящего хлеба, и дает им его; а они готовы отбить у не артельщика последний пуд муки в пользу своей пасты»²².

Письма его и других попали в руки Якутского окружного полицейского управления, и по ним было проведено расследование. Колымский окружной исправник объяснял: государственные ссыльные не пользуются всеобщим вниманием и почетом среди населения, условия жизни в округе очень тяжелые, и ссыльные вынуждены держать лошадей и коров для хозяйственных нужд; открытую ими столярную мастерскую, где было изготовлено несколько оловянных кроватей, вскоре закрыли; кроме ничтожной сети, других рыболовных снастей не имеется, карбас служит для поездок на покос, никакой нейтральной квартиры, где они могли бы собираться, тем более библиотеки, нет, и среди ссыльных не наблюдается коммунистического движения, за исключением стремления добыть средства, чтобы не умереть с голода. По мнению исправни-

ка, среди 15 членов артели наблюдается антагонизм, доходящий до резких столкновений, в особенности в отношении приобретения жизненно важных продуктов. После пререканий об участке казенной земли, удобной для выделки кирпича, и по поводу сожительства с местными женщинами участника артели – до 15 человек, для устрашения вышедших из артели, устроили прогулку с берданками и ружьями на плечах. Артель не позволила Лядову заняться выделкой кирпича на участке казенной земли, отведенной ему губернатором вблизи заимки поселенца Булыгина. Также исправник сообщал, что участники артели, в большинстве евреи, выгодно для себя барышничают, обменивая у местных жителей привезенные из Якутска вещи и продукты на пушнину, которую затем сбывают якутским купцам²³.

24 января 1890 г., прочитав письмо А.Клюге, иркутский генерал-губернатор в письме к якутскому губернатору, подчеркнул преследование государственными ссыльными неучастников артели, захват ими юрты, принадлежащей Булыгину, и прилегающего к ней земельного участка и др., поручил местной власти отобрать оружие у ссыльных-евреев; при отправке ссыльных из Якутска не допускать провоза оружия, багажа свыше предельного веса, оказывать возможное содействие государственным ссыльным, не состоящим в артели, по приобретению ими жизненно необходимых припасов; ограждать их от притеснений со стороны артели; ввиду сплоченности членов артели переселить их в

Нижне- и Верхнеколымск. Однако при исполнении этих указаний колымский исправник встретил затруднения. Он смог отобрать оружие только у Я.Аренкова и У.Горнштейна, остальные свое оружие успели «продать местным жителям». Члены артели И.Коган, Д.Ландо, А.Энгель и А.Цейтлин «по поведению и образу своей жизни ... отличаются тихостью нрава и безукоризненным образом действий», и переселение в другие места в связи с отсутствием надзора создаст большие затруднения. На этот раз колымский исправник, противореча своей недавней записке, написал, что заимки у Булыгина не было, а его старую юрту артельщики купили у него и использовали на дрова. Далее уточнил, что кирпич они выделяли для своих нужд. Лояльный отзыв исправника о членах коммуны вызвал недоверие иркутского генерал-губернатора. 14 марта 1890 г. в отзыве о донесении колымского исправника он подчеркивал, что «нет никакого основания не доверять сведениям, сообщенным по сему предмету в письме ссыльного Клюге»²⁴.

Таким образом, в условиях ссылки борьба за работу, приобретение продуктов питания, создание бытовых условий заслонила идейные интересы, духовные запросы и пр.

По разным причинам, в основном из-за задолженности по 111 руб. на каждого члена коммуны, на шестом году существования коммуна распалась. По воспоминаниям члена коммуны, бывшего студента II курса С-Петербургского лесного института Д.И.Гофмана, «умерла коммуна естественной смертью, ибо из 28 че-

ловец, входивших в коммуны с 1888 г., к концу 1893 г. осталось всего 15, из которых в Среднеколымске проживало всего восемь человек. Поэтому еще весной 1892 г. был поставлен вопрос о дальнейшем существовании коммуны и было «решено ... ликвидировать ком-

муну заблаговременно, чтобы погасить долг, сделанный еще в 1888 г.»²⁵ Весь долг якутскому купцу А.Беспрозванному был погашен из сумм, вырученных при ликвидации имущества коммуны.

В тяжелых условиях ссылки колымская коммуна обогрела,

приютила, утешила многих революционеров, спасла их от голодной смерти и духовной опустошенности. Коммуна была новым явлением на далеком Севере и проверкой опыта идейных мировоззрений последователей социалистического учения. Но она потерпела поражение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Российский* государственный архив Октябрьской революции [РГАОР]. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 4088. Л. 11.
- ² *Государственный* архив Иркутской области [ГАИО], Ф. 25. Оп. 10. Д. 30. Л. 157.
- ³ *Поляков М.* На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929. — С. 49.
- ⁴ *ГАИО.* Ф. 25. Оп. 10. Д. 30. Л. 275.
- ⁵ *Там же.*
- ⁶ *Там же.* Л. 156.
- ⁷ *Там же.* Л. 147 об.
- ⁸ *Там же.* Л. 281.
- ⁹ *Кротов М.А.* Якутская ссылка 70 — 80-х годов. — М., 1925. — С. 66; *НА РС(Я).* Ф. 486. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 14.
- ¹⁰ *НА РС(Я).* Ф. 192. Оп. 2. Д. 1126. Л. 8.
- ¹¹ *Кон Ф.* За пятьдесят лет. — Т. 1—2. — М., 1936. — С. 325.
- ¹² *Там же.*
- ¹³ *Архив* Дома Плеханова. Ф. 1097. Дейч. Оп. 1. Д. 899. Л. 3.
- ¹⁴ *НА РС(Я).* Ф. 192. Оп. 2. Д. 1126. Л. 8.
- ¹⁵ *Богина С.Л., Кириченко Т.М.* Революционер-народник П.И.Войнаральский. — М., 1987. — С. 139.
- ¹⁶ *ГАИО.* Ф. 25. Оп. 10. Д. 30. Л. 281.
- ¹⁷ *Тан В.Г.* Коронация в Колымске // *Былое.* — 1906. — №10. — С. 121.
- ¹⁸ *Поляков М.* Указ. соч. — С. 28.
- ¹⁹ *РГАОР.* Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2470. Л. 2.
- ²⁰ *ГАИО.* Ф. 25. Оп. 10. Д. 30. Л. 281.
- ²¹ *НА РС(Я).* Ф. 12. Оп. 12. Д. 209. Л. 211.
- ²² *ГАИО.* Ф. 25. Оп. 10. Д. 30. Л. 282.
- ²³ *НА РС(Я).* Ф. 12. Оп. 12. Д. 209. Л. 15.
- ²⁴ *Там же.* Л. 33.
- ²⁵ *Поляков М.* Указ. соч. — С. 52.

Религиозные объединения католиков, лютеран и мусульман в Олекминском округе (конец XIX – начало XX в.)

П.И.Корякин

На протяжении всего описываемого в этой статье периода императорской России католики и мусульмане Якутии находились под неусыпным наблюдением властей, которые не могли допустить неконтролируемого роста числа приверженцев других, нежели православие, религий. Вот что писал о католических священниках в своем циркуляре от 23 января 1875 г. начальнику Якутской губернии Департамент духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел: "...ксендзы, освобожденные от надзора полиции..., не должны отлучаться из мест своего жительства без разрешения гражданского начальства; начальники губерний могут выдавать подобным лицам билеты на отлучку не прежде как по по-

лучении от Департамента духовных дел иностранных исповеданий уведомления о том, что лицо, просящее об отъезде, может быть уволено..., а также распорядиться приведением в положительную известность сколько и по каким видам в вверенной Вам губернии ксендзов, освобожденных от надзора полиции; в случае же если бы между ними нашлись личности с билетом на повсеместное проживание в Империи, то вытребовать от них таковые с выдачею им взамен сего видов на жительство там, где они живут, и о последующем уведомить министерство с представлением списков сих лиц и с обозначением против каждого из них настоящего места жительства"¹.

В документе 1914 г., посланном МВД якутскому гу-

Петр Иванович
Корякин,

с.н.с. Национального архива РС(Я).

бернатору, мы читаем: “На основании существующих узаконений надзор за поступками и образом жизни протестантского духовенства лежит на обязанности местных консисторий, ограничивающих свою деятельность в этом отношении лишь наблюдением за точным исполнением пасторами возложенных на них по духовному званию обязанностей. Находя, что в настоящее время, ввиду открытия военных против Германии действий, представляется необходимым строгий правительственный надзор за направлением деятельности пасторов, по слухам нередко относящихся с сочувствием к нашим врагам и открыто высказывающих свои симпатии пангерманизму и германофильские тенденции, покорно прошу Ваше Превосходительство своевременно доводить до сведения министерства по Департаменту Духовных дел о всех вообще неблагоприятных поступках протестантского духовенства в пределах вверенной Вам губернии”².

В Якутию со своими проповедями и для отправления служб среди католиков выезжал из г. Иркутска викарный ксендз Иркутской Римско-католической приходской церкви Чудовский³, которого позднее сменил ксендз Лавкович. В прошениях олекминскому исправнику они просили предоставить “приличные и просторные квартиры для богослужений”, объявить католикам о дате исповеди и Святого причастия и выдать свидетельство “об исполнении духовных треб”⁴. Из документов видно, что только в г. Олекминске в квартире Иосифа Власова и

других лиц собиралось от 11 до 18 человек. Вообще же известно, что еще в 1835 г. в г. Олекминске проживал чиновник католического вероисповедания Козловский. Перешедшие же в лютеранство (одно из крупнейших по численности направлений протестантизма, основанное в XVI в. Мартином Лютером) встречались даже среди бывших скопцов (приверженцев секты, которые оскопляли себя). 21 июня 1869 г. управляющий Олекминским округом предписывал старшине скопцов: “Вследствие отношения дивизионного Евангелическо-Лютеранского пастора ...поручаю старшине скопцов немедленно распорядиться, чтобы все проживающие здесь скопцы лютеранского вероисповедания приготовились к исполнению треб по своему исповеданию к 5 числу будущего июня и непременно явились без всякого замедления к пастору в означенное число в дом вдовы Александры Вилковой для богослужений...”⁵.

Отношение властей к католикам не шло ни в какое сравнение с их отношением к мусульманам. Тут проявляется большая нетерпимость к людям, в раю которых, по словам нашего современника и земляка отца Александра, “много красивых обнаженных женщин”. Складывается впечатление, что власти того периода были сильно озабочены привлечением в мусульманство якутов, их “сращением в исламизм”. В предписании якутского губернатора Георгия Федоровича Черняева от 19 октября 1877 г. олекминскому окружному исправнику говорится: “Хотя по произведенному

Вами дознанию относительно распространения башкирами между якутами магометанской пропаганды и совращения сих последних в исламизм, на самом деле ничего подобного не оказалось, но в предупреждение могущих быть случаев пропаганды башкир я считаю нужным предложить вам, Милостивый государь, согласно предписанию моему ... иметь постоянные и неослабное наблюдение как лично, так и через подведомственных Вам лиц и мест за всеми действиями башкир, и в случае обнаружения со стороны их злонамеренных действий в смысле совращения якутов в магометанство каким бы то ни было путем с виновными поступать по закону и в то же время мне доносить. Для большей успешности в этом деле предлагаю вам, Милостивый государь, ныне же войти в соглашение по этому предмету с местными священниками об оказывании коими вам в этом должных содействий я вместе с сим прошу епископа Дионисия”⁶.

В связи с этим Якутское областное управление посылало циркулярные предписания исправникам Якутской области следующего содержания: “Из произведенного дознания по делу о распространении будто бы башкирами Вилюйского округа между якутами магометанской пропаганды мною усмотрено, что прихожане (якуты) Сунтарско-Веденской церкви малоприлежны к хождению в Храм божий и многие не бывают у исповеди и у Святого причастия. Обращая на это обстоятельство внимание Вашего Высокоблагородия, предлагаю: при каждом удобном случае сбора якутов во время разъез-

дов Ваших по округам делать им назидательные внушения... о точном исполнении христианского долга и дальнейший надзор за этим оставлять на обязанностях местных властей”⁷.

И позднее попытки мусульман открывать свои общества и строить мечети встречали сопротивление областного начальства. В 1913 г. олекминский окружной исправник в секретном донесении якутскому губернатору пишет: “Представляя при сем ходатайство Ильяса, Якубы и Ибрагима Еникеевых, Мир-Арифана Сыдыкова, Дианиура Нигаметулина, Куреана-гали Тафатулина, Салимгарея Сакаева, Абдулкабира Абдулкагирова Еникеева, Рахметзяна Еникеева и Хабиб-Рахман Еникеева о разрешении им открыть в г. Олекминске мусульманское общество, докладываю Вашему Превосходительству, что большинство просителей — приезжие из Уфимской губ. И в Олекминске проживают временно, где недвижимой собственности не имеют ...; цель открытия общества — сбор пожертвований на содержание мечети и другие мусульманские нужды, тогда как мечеть они вполне могут поддерживать пожертвованиями, как практиковалось до сего времени, или же обложить каждого домохозяина в известной сум-

ме. Если же им будет разрешено открытие общества, мусульмане будут часто собираться для обсуждения вопросов и сбора пожертвований, и нельзя поручиться, чтобы они не обсуждали чего-либо противоправительственного или не устроили сбора в пользу зарубежных мусульман, сделать же это тайным путем, безусловно, труднее и опаснее, а присутствие на собраниях мусульман чина полиции совершенно бесполезно, так как вопросы будут решаться на мусульманском, непонятном для русских, языке (так как сами просители заявляют, что не все татары говорят по-русски и перевод якобы для них не будет понятен). Ввиду изложенного полагаю бы ходатайство о разрешении в г. Олекминске мусульманского общества отклонить”⁸.

Якутский губернатор Иван Иванович Крафт также не остался в стороне от государственной политики по отношению к религиозным объединениям: “Война, возникшая на Балканах, несомненно, должна привлекать к себе внимание проживающих в Империи мусульман различных народностей и вызывать с их стороны стремление придти в той или иной форме на помощь их турецким единоверцам, например, путем сбора пожертвований в их пользу, с передачей

собранных сумм в ведение учреждений и обществ, находящихся за границей. Самое производство таких сборов может, между прочим, дать ближайший повод их инициаторам и руководителям распространять среди инородческого населения идеи панисламизма, ссылаясь на общность интересов мусульман без различия национальности и подданства, как исповедников ислама, на опасность, угрожающую в лице Турции мусульманству всего мира, и т.п. Это обстоятельство побуждает правительственную власть отнестись с особою осторожностью к делу разрешения подобного рода сборов. Сообщая о сем, предписываю Вашему Высокоблагородию не допускать во вверенном вам округе самовольных сборов на нужды зарубежных мусульман в связи с происходящими ныне военными действиями; в случае же поступления к Вам ходатайства по сему предмету, таковыя представлять мне”⁹.

Католицизм, лютеранство и ислам так же, как и православие, имеют давнюю историю развития в нашей республике. Но мы не должны забывать, что и история развития традиционной якутской религии не менее давняя, и ее продолжение мы наблюдаем до нашего времени.

ИСТОЧНИКИ

НА РС(Я). Ф. 20-и. Оп. 1. Д. 378, 415; Оп. 4. Д. 27, 126, 133; Оп. 5. Д. 1, 18, 30.

¹ НА РС(Я). Ф. 20-и. Оп. 5. Д. 30. Л. 9–10 (об.).

² Там же. Оп. 4. Д. 126. Л. 116.

³ Там же. Оп. 1. Д. 378. Л. 8.

⁴ Там же. Д. 415. Л. 2 (об.).

⁵ Там же. Д. 378. Л. 9.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 18. Л. 1, 12.

⁷ Там же. Л. 2–2(об.).

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 36–37 (об.).

⁹ Там же. Оп. 4. Д. 126. Л. 18–18 (об.).

Супружеская чета Винокуровых – эмигранты из Якутии

Е.П.Антонов

В рассекреченных фондах Национального архива РС(Я) содержатся документы эмигрантов из Якутии, покинувших родину в 1919 г. Среди них привлекают внимание материалы об известной по последним публикациям О.Д.Якимова и В.Е.Васильева – Харысхала супружеской чете Михаиле Зиновьевиче и Анастасии Семеновне Винокуровых.

М.З.Винокуров родился в 1894 г. в Якутске в семье преподавателя Якутской духовной семинарии. Окончил Якутскую духовную семинарию и с августа 1912 г. работал псаломщиком сначала в Кыллахской Никольской церкви, с 1916 г. – в Нюрбинской, с 1 июля 1917 г. – в Якутской тюремной церкви. После переезда в Якутск публикует под псевдонимом Таежник свои стихо-

творения и поэмы в газетах “Якутская окраина”, “Голос труда”, “Голос якутской церкви”. Вступает в том же году в партию эсеров. 20 ноября 1917 г. М.З.Винокуров окончательно порывает с церковной деятельностью и уходит служить конторщиком на сельскохозяйственный склад Якутской областной агрономической организации. Проработав недолго в этой должности, он переходит в публичную библиотеку, а затем в музей Якутского отдела РГО¹.

В октябре 1917 г. Михаил заключает брак с Анастасией Семеновной Якушковой². Она родилась в Якутске 9 марта 1895 г. в семье священника. В 1912 г. окончила Якутское епархиальное женское училище и работала учительницей в Олекминском округе, а за-

Егор Петрович
Антонов,
к.и.н, с.н.с. ИГИ АН РС(Я).

Михаил Зиновьевич Винокуров

тем — в библиотеке духовной семинарии.

С 1918 г. М.З.Винокуров работал в органе печати эсеров «Голос труда». Супружеская чета Винокуровых в марте 1919 г. выехала в Охотск. Сразу уехать за границу не удалось, и Анастасии Семеновне пришлось работать учительницей в Новоустынской инородческой школе³. 18 июля они, наконец, эмигрировали в Японию, захватив с собой огромное количество книг, рукописей, писем, семейных реликвий и т.д. М.З.Винокуров устраивается певчим в хор Кафедрального русского православного собора в Токио⁴.

26 января 1921 г. супружеская чета отправилась в Сан-Франциско, оттуда в Питтсбург, где Михаил Зиновьевич становится псаломщиком в местной православной церкви, а Анастасия Семеновна — рабочей на фабрике. Однако в августе они уезжают в Нью-Йорк. В ноябре 1921 г. они обосновались в Вашингтоне, где Михаилу Зиновьевичу уда-

лось устроиться помощником в славянскую секцию Библиотеки Конгресса. В 1921 г. у них родилась дочь Евгения, которая умерла в возрасте 2 лет, в 1924 г. родился сын Джордж, покончивший жизнь самоубийством в середине 1950-х гг. Ныне в живых из семьи Винокуровых осталась дочь Елена Тидвел.

В 1928 г. М.З.Винокурова перевели в отдел каталогов Библиотеки Конгресса. В течение 1921–1943 гг. он пополнил коллекции Библиотеки Конгресса 923 ящиками с картотечной архивных документов, а также книгами, фотографиями, рукописями, письмами и т.д. В 1927 г. по просьбе Михаила Зиновьевича русская православная церковь св. Николая в Нью-Йорке передала 702 картонные коробки ценнейших архивных документов об истории распространения православия в Америке. И лишь в 1983 г. эти материалы удалось рассортировать, описать и микрофильмировать. В 1940 г. в ходе командировки по Аляске М.З.Винокуров собрал 150 коробок архивных документов. Он долго занимался составлением библиографического каталога всей русской литературы, изданной в Америке⁵.

Михаил Зиновьевич проработал в Библиотеке Конгресса до 1956 г. Выйдя на пенсию, он поселился в маленьком городке Форест-Гленн в штате Мэриленд. Скончался Михаил Зиновьевич в 1983 г., пережив любимую жену всего на несколько месяцев⁶.

М.З.Винокуров был одним из ярких представителей якутской интеллигенции, чей подвижнический труд сыграл огромную роль в распространении российской, в том числе

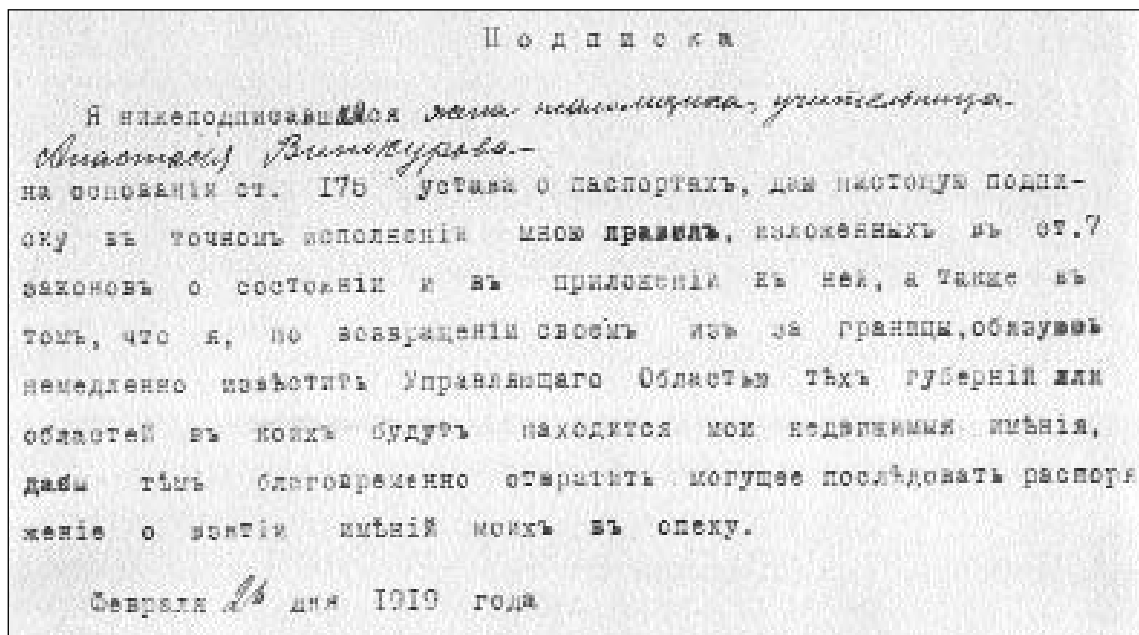
Анастасия Семеновна Винокурова

якутской культуры, не только в США, но и во всем мире. Он также сыграл неоценимую роль в объединении богатейшего научного, культурного, духовного наследия интеллигенции из числа русской эмиграции. И этот титанический труд невозможен был бы без «крепкого и надежного тыла» — любимой и верной жены. Интеллигентной и высоко нравственной женщине не пришлось в изгнании самостоятельно реализовать свой потенциал на профессиональном поприще, но её беззаветное подчинение своей жизни интересам мужа и воспитанию детей стали истинным примером служения отечественной культуре и Родине.

Публикуемые впервые материалы НА РС(Я) представляют собой документы на выезд (некоторые из них скопированы, другие просто описываются, так как при публикации заняли бы много места, учтено также и то, что ряд

НА РС (Я). Ф. 389. Оп. 1. Д. 207. Л. 14.

НА РС (Я). Ф. 389. Оп. 1. Д. 207. Л. 18.

документов оформлен на два лица) в Японию супружеской четы из Якутии Михаила Зиновьевича и Анастасии Семеновны Винокуровых. Публикация этих материалов дает возможность ознакомиться с процедурой оформления документации на эмиграцию в 1919 г. — в период Гражданской войны.

В деле сохранились два прошения Управляющему Якутской областью о выдаче загранпаспортов от М.З.Винокурова, написанные 16 и 17 февраля 1919 г. К нему прилагались две фотографии Михаила Зиновьевича и две Анастасии Семеновны, квитанция Якутского Казначейства об оплате государственных сборов, взимаемых за загранпаспорта⁷. Чета Винокуровых 26 февраля 1919 г. дала подписку об обязательном извещении местных властей о своем возвращении из-за границы с целью сохранения их недвижимого имущества⁸. Управление Якутской городской милиции 27 февраля 1917 г. выдало супругам удостоверение об отсутствии в МВД каких-либо заведенных на них дел и разрешение им на выезд за границу⁹.

В деле приложена паспортная книжка, выданная 5 марта 1915 г. Якутской духовной консисторией псаломщику Кыллахской Николаевской церкви М.З.Винокурову. В документе содержатся сведения о дате

рождения, вероисповедании, духовном звании, месте жительства и о браке¹⁰.

Интерес представляют опросные листы супружеской четы Винокуровых, состоящие из ответов на 23 вопроса. Эти документы, заполненные 26 февраля 1919 г., дополнительно проливают свет на малоизвестные факты из их биографий. В частности, о том, что в 1914–1919 гг. Михаил Зиновьевич служил псаломщиком в Кыллахской и Нюрбинской церквях, а также в Тюремной церкви г. Якутска. К делу был подшит указ Якутской духовной консистории о назначении М.З.Винокурова с 1 февраля 1919 г. псаломщиком Верхоянского собора. В анкете содержатся сведения, что его отец скончался, а мать Параскева Прокопьевна Винокурова осталась в Якутске¹¹.

В деле сохранилось свидетельство из метрической книги Градо-Якутской Преображенской церкви от 9 марта 1895 г. Анастасии Семеновны Винокуровой. Указываются имена её родителей — Семена Алексеевича Якушкова и Параскевы Поликарповны, а также имена Иова Винокурова и диакона Николая Попова, совершивших обряд крещения¹².

Из опросного листа Анастасии Семеновны Винокуровой видно, что она проживала в Якутске с 1918 г., а до этого

работала учительницей в Олекминском округе. Её отец остался в Якутске, а мать скончалась. В качестве места выезда чета Винокуровых указала Японию, а целью поездки — лечение Анастасии Семеновны. Срок пребывания за границей — 1 год. Из анкеты видно, что за рубежом родственники у них отсутствовали и в течение 1916–1919 гг. супруги пределов России не покидали. В конце документов имелась обязательная подписка о непосещении ими неприятельских стран и оккупированных ими территорий¹³.

Таким образом, в период Гражданской войны функционировала продуманная процедура оформления документации на выезд за пределы страны. Эти документы довольно информативны и позволяют осветить малоизвестные факты из жизни немногочисленных якутских эмигрантов. Характерным в них являлось сокрытие истинных мотивов эмиграции, в опросных листах Винокуровых целью поездки указали лечение жены. Вероятно, они питали надежды на скорое возвращение на родину после свержения большевиков, поскольку им присущи были чувства патриотизма и любви к родине. Во всяком случае, они не желали связывать навеки свою судьбу с чужбиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Якимов О.Д. Человек из небытия. — Якутск, 1995. — С. 29, 35–36, 46–47.

² Ричард Пирс. М.З. Винокуров — эмигрант, ученый и библиофил // Полярная звезда. — 1992. — №3. — С. 160–164.

³ Харысхал В. Бэбэһээни кун дойдутугар айан // Саха сирэ. — 2004. — 30 апр.

⁴ Якимов О.Д. Указ. соч. — С. 51, 64, 66.

⁵ Там же. — С. 69.

⁶ Там же. — С. 85; Ричард Пирс. Указ соч. — С. 160–164.

⁷ НА РС (Я). Ф. 389. Оп. 1. Д. 207. Л. 13–14.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 21об.

¹⁰ Там же. Л. 1–17.

¹¹ Там же. Л. 23 об., 25.

¹² Там же. Л. 19.

¹³ Там же. Л. 16 об., 20, 26.

“Русский эмигрант (якуть)”

В.Е.Васильев

Василий Егорович
Васильев,
н.с. ИГИ АН РС(Я).

В поисках сведений о якутских эмигрантах я работал в архивах Владивостока, Харбина, Шэньяна (Мукден), где побывали и проживали наши соотечественники. В этих китайских городах мало что осталось от русской колонии, построившей КВЖД и ЮМЖД. Разве что торговые центры “Чюлинь” и “Цюлинь” в Харбине, названия которых были производными от имени их бывшего хозяина Ивана Яковлевича Чурина, уроженца Благовещенска, владельца чаеразвесочных, табачных фабрик, судоходной компании на Амуре и Сунгари, в свое время обеспечивавшего чаем и табаком все окраины Сибири и Дальнего Востока до Камчатки и Чукотки.

Сначала, когда ехал в КНР, у меня было такое чувство, будто еду в Майю или в Чу-

рапчу: в милиции наведу справки — и тут же мне все укажут!.. Но не тут-то было! С каждым днем пыл мой угасал. В архивах провинции Хэйлуцзян только-только начали упорядочивать поток архивных документов. Я напрасно корпел над бумажным скопищем, где вперемежку хранились бухгалтерские отчеты каких-то мелких фирм и протоколы заседаний отделений Русской фашистской партии.

Листая справочник “Весь Харбин” за 1927 г., нашел адрес “Якутского торгового товарищества”, дальше имена, адреса, даже телефоны Г.В.Никифорова, Г.М.Кузьмина, Г.С.Ефимова, Н.И.Олесова, Н.А.Аверенского. И настолько обрадовался, что даже выбежал на улицу (видимо, хотел пойти по этим адресам!). Увы, на улице к действительности меня вер-

Гавриил Васильевич Никифоров

нул шум совершенно чужого города Харбина 1998 г.! Больше ничего, напоминающего о наших земляках. Очень много ценных документов, в особенности православной церкви, были уничтожены в годы “культурной революции”.

Я обратился за помощью к коренным русским харбинцам. От некогда многочисленной русской колонии Харбина тогда оставалось в живых 16 измученных жизнью стариков. Они по воскресным дням собирались в Покровском храме. Это было единственное место в шестимиллионном Харбине, где они причащались к богу, отводили свою душу, вспоминая о цветущем “русском Харбине”.

За какие-то пять лет многие из них ушли в лучший мир. Не стало их старосты Мятова Михаила Михайловича, интеллигентного светлого человека, крупного специалиста по знакам, полной мерой хватившего все тяготы китайской каторги. Нет Владимира Андреевича

Зинченко, богатыря грендерского роста, служившего надежным щитом немощных стариков от беснующихся хунвэйбинов. Нет отца Григория, воспитанника архиепископа Мелетия (о ком помнит и наша Якутия), единственного китайца, который протянул руку помощи русским харбинцам в самые трудные времена гонений.

День встречи с коренными харбинцами у меня как раз совпал с Днем Святой Троицы. Церковный хор состоял из трех певчих: Михаила Михайловича Мятова; 93-летней Нины Афанасьевны Давиденко, бывшего экономиста судоходной компании Чурина, несмотря на свой преклонный возраст и 25 лет тюрьмы и каторги не потерявшей своей благородной красоты, высокой, статной, и Валентины Павловны Хан Ми Син, преподавателя русского, английского, французского языков Хэйта (Хэйлуцзянского университета), бывшей танцовщицы, пианистки и “английской шпионки”, 15 лет отсидевшей в одиночной камере китайской тюрьмы. Что удивительно: будучи еще детьми, они пели в церковном хоре этого самого Покровского храма. Когда они пели псалмы хриплыми, старческими голосами, мне почудились звонкие детские голоса с клироса...

Приняв меня сначала за “китайского провокатора”, они даже не пожелали со мной общаться. Только упоминание имени правящего владыки Мелетия, служившего у нас до 1916 г. епископом Якутским и Вилюйским, меня немножко приблизило к их обществу. Наконец, поверив, что я не провокатор, а якутский иссле-

дователь, они раскрыли свою душу и дали весьма ценные советы для моих поисков.

Владивостокский архив в основном располагал только делами выходцев из Приморья. Единственное, что мне там удалось уточнить, что интересующие меня документы могут находиться в архиве УФСБ Хабаровского края.

В Хабаровске с помощью тогдашнего представителя нашей республики Артема Пантелеймоновича Слепцова получил разрешение работать в архивах УФСБ Хабаровского края. Получив допуск к фондам Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), я уже конкретно узнал, где какие документы хранятся и куда обратиться.

С очень многих документов был снят гриф “секретности”, и они были переданы в Государственный архив Хабаровского края (уж лучше бы их не рассекречивали, тогда все документы находились бы в одном месте, а так приходилось мотаться по двум адресам!).

И, наконец, мои долгие поиски начинают давать кое-какие плоды — в описях попадаются фамилии, имена отца и сына Никифоровых. Сколько было лжи, домыслов о судьбе этих двух человек, заброшенных бурей революции в чуждальние края. Я держу в руках личные дела якутского купца-миллионера Гавриила Васильевича Никифорова-Маньбатыах уола и его сына Анатолия Гавриловича Никифорова. Слухи это одно, а документ есть документ! С трепетом открываю папку. На меня с пожелтевшей фотографии (как будто с оттенком презрения

Семья Г.В.Никифорова. 1900 г.

(“Что нашел, да?”) смотрит пожилой якут.

Итак знакомимся: “ДЕЛО 53. Шифр 970-ДРН*. От 13 сентября 1938 года. Фамилия, имя, отчество *Никифоров Гавриил Васильевич*. № паспорта “не имеем жив. японск конц.”

В разделе “Общие сведения” указано место рождения “*Якутская область, г. Якутск*”. Вероисповедание “*православный*”. Подданство и национальность “*русский эмигрант (якут)*”. Настоящая профессия и специальность “*коммерсант*”. Точный адрес “*St/ Kakakashi*” (заполнено другой рукой. Станция Какাকাши – курортная зона, недалеко от Дайрена, бывшего Дальнего. – В.В.)

Когда и откуда прибыл в Маньчжурию? “*Из Якутской*

области чрез остров Сахалин. Японии 1922 года”. Семейное положение “*жена Надежда Петровна, 65 лет*”. Знание иностранных языков (какой и в какой степени) “*ни какой*”. Имеется ли какое-либо имущество “*нынче купил на станции Какাকাши. Дохода нет*”.

Бытность под судом или следствием (подробно) “*никогда в жизни*”.

Раздел “Общественно-политические сведения”. Политическое убеждение “*монархист*”. Что делал и где служил до 1914 г.? “*Торговал г. Якутске до 1917 г.; то же самое до 1922 г., до 1919 года торговал в Якутске; дальше был в тайге Приморской области*”. Что делал и где служил до настоящего времени? “*Живу в Мукдене без-*

выездно. Ничего не делаю”. В каких политических организациях состояли и состоите? “*Не состоял и не состою*”. В каких общественных, благотворительных, религиозных и др. организациях состояли и состоите? “*Не состою*”.

На вопрос “Имели ли советский паспорт и не подавали ли заявление о желании вступить в сов. подданство? Дан конкретный ответ: “*не имею и не желаю иметь*”.

Ордена и знаки отличия. “*Гражданские. 1) серебряная медаль, 2) золотая медаль, 3) золотая медаль на груди, 4) золотая медаль на шее, 5) серебряная медаль на шее и несколько юбилейных*”.

Более подробно заполнен раздел “Гражданский и общественный стаж” Какие занимал должности, в каком ведомстве, где и когда? “*С 1891 г. до 1898 года был церковным старостой 1-го Тыллиминского Мих. Арх. церкви, два трехлетия. С 1901 года по 1913 год был гласным Якутской городской думы, три четырехлетия, С 1905 года по 1917 год был старостой в Якутском кафедральном соборе, три трехлетия. Выслужил золотую медаль на шее и мундир с шпагой и шапкой шестого класса по табелю рангов. Состоял членом учетной комиссии Государственного, Русско-Азиатского и Городского банков со дня их основания. С 1910 года по 1917 год был членом родительского комитета женской гимназии г. Якутска. Состоял представителем от мирян, от якутской нации в областном духовном съезде. Состоял представителем от восточной волости в областном и*

* Хабаровский государственный краевой архив. Ф. 830. Оп. 3. Д. 42192. Личное дело Г.В.Никифорова.

уездном съездах. И много мелких благотворительных учреждений и организаций”.

Поскольку БРЭМ напрямую подчинялся военной миссии Квантунской армии, т. е. японской военной разведке, видимо, анкета заполнялась японцем, не очень хорошо владеющим русским языком. Хотя Никифоров о своем образовании пишет “домашнее”, но написанные его рукой документы, которые попадались мне, были весьма грамотны.

На анкетах других эмигрантов не хватало места для ответов, как сами убедились, ответы “русского эмигранта (якута)” отличаются краткостью и лаконичностью, что характеризует Г.В.Никифорова как волевого и прямого человека. И все же, даже по таким кратким ответам можно узнать очень многое об этом человеке.

В самом конце характеристика 3-го отдела (контрразведка) БРЭМ.

“Никифоров Гавриил Васильевич. Бывш. якутский миллионер, купец 1-й гильдии. Финансировал повстанческое движение Якутии против большевиков. После поражения бежал в Японию. В Харбине жил по адресу Коммерческая улица, 10. Торговал пушниной. Руководимое им “Якутское торговое товарищество” обанкротилось в связи с махинациями советско-британской пушной компании “Рылов-Лесников”. После чего Никифоров с семьей переезжает в Мукден по адресу Чистодори 35, занимается мелкой торговлей. Когда обанкротился Русско-Азиатский банк, “сгорели” все его сбережения. После этого ничем не занимается.

Последняя семейная фотография. Харбин. 1927 г.

В Дайрене на станции Какаканши имеет три дома, два из которых арендует.

Старшего сына Василия убили в 1919 году в Тобольске. В Советском Союзе остались жена Мария Петровна, дети Аркадий, Иван, Елена, Лариса. В эмиграцию взял младшего сына Анатолия. В Харбине женился на русской женщине из Вятской губернии. Сын Анатолий работает охранником в Дайренском вагоностроительном заводе.

Никифоров Г.В. в политических партиях не состоит, связей порочащих не имеет.

Начальник отделения Бюро СЕМЕНОВ

Секретарь ИМШЕНЕЦКИЙ

От 22.1У-1940 год. Дайрен”

К моменту заполнения данной справки из большой семьи Никифорова на территории СССР в живых оставались его жена Мария Петровна и средний сын Иван.

Последняя же встреча семьи Никифоровых состоялась в 1927 г. Из Якутска в Харбин приехала Мария Петровна с дочерью Еленой, а из Иркутска – младшая дочь Лариса с мужем. Но к этому моменту Г.В.Никифоров был женат на русской женщине из Вятской губернии. Гавриил Васильевич хотел оставить семью жить в Харбине, но Мария Петровна, женщина гордая, не согласилась, и они уехали в Россию.

Мария Петровна жила в Иркутске у младшей дочери Ларисы. Похоронив всех, кое-как вернулась на родину. Побиралась. Дочь состоятельных родителей, жена щедрого миллионера, всю жизнь прожившая в роскоши, ослепшая, потерявшая всех родных женщина умерла в голодную зиму 1942 г. А Иван “сын контрреволюционера, эмигранта” с ярлыком “японского шпиона” до 1956 г. находился в лагерях ГУЛАГа.

При дальнейшей встрече с коренными харбинцами я спросил: “Почему в анкетах даже евреи в графе национальность пишут “русский!”? На что Валентина Павловна Хан Ми Син ответила: “А потому что все мы в Харбине и татары, и буряты, и якуты были россиянами – русскими людьми!..”

Находка личного дела Г.В.Никифорова-Маньчжурки уола в корне изменила весь ход моей поисковой работы. Появилась уверенность, а главное поддержка людей, которым не безразлична история преданных забвению людей, не по своей воле оказавшихся на чужбине.

Страницы истории воздушного транспорта Якутской АССР:

Исполкомовская авиация

И.Е.Негенбля

Родословная “малой” авиации Якутии восходит к 1934 г., когда Президиум ЦИК СССР принял Постановление “О транспортной проблеме Якутской АССР”, в одном из пунктов которого было записано: “Для организации внутрирайонной связи передать в 1934 г. в распоряжение Якутской АССР два самолёта”. Во исполнение этого документа в подчинении Управления делами Совнаркома республики была создана Исполкомовская авиация с базированием на сухопутном Якутском аэродроме. Первым её начальником стал В.И.Замаратский¹, а первым пилотом – П.С.Кудицкий.

Летом 1935 г. по Лене на барже под надзором авиатехника Р.А.Эстеркеса была доставлена матчасть Исполкомовской авиации – самолёты АИР-6 и У-2. Пилот Кудицкий прилетел в Якутск из Иркутска на рейсовом самолёте 8 август-

та, 15 он облетал собранный техником У-2, а уже 18 выполнил демонстрационные полёты во время празднования в Якутске Дня авиации².

Из-за отсутствия аэродромов в районных центрах республики производственные полёты в 1935 г. не выполнялись. По указанию управляющего делами СНК ЯАССР И.Ф.Кочайцева в Намском, Таттинском, Амгинском и Чурапчинском районах приступили к непростому делу: подготовке посадочных площадок, завозу в райцентры бензина и авиамасла. Только с середины февраля 1936 г. Исполкомовская авиация начала регулярную работу. 14 февраля пилот Кудицкий и авиатехник Эстеркес выполнили первый рейс в Намцы. Об этом полёте газета “Социалистическая Якутия” писала следующее: “Расстояние в 100 км самолёт под управлением Кудицкого покрыл

Иван Ефимович
Негенбля,
писатель.

за 50 минут. На самолёте были доставлены свежие газеты «Соц. Якутия», а также срочная почта. Прилёт самолёта превратился в Намцах в настоящий праздник. Несмотря на 40-градусные морозы, на посадочную площадку, находящуюся в 2,5 км от Намцев, собрались почти все жители города и трудящиеся близлежащих наслегов...»³.

18 февраля самолёт совершил рейс в Амгу, 200 км при попутном ветре были преодолены за полтора часа. Амгинцы устроили своим воздушным гостям не менее радужный приём, чем жители Намцев. Была на скорую руку воздвигнута трибуна. Первое слово предоставили Кудицкому, рассказавшему о значении Исполкомовской авиации для Якутии, о планах развития нового авиационного подразделения, затем выступили с приветствиями представители районных организаций.

Третий рейс был в Чурапчу. 26 февраля в Якутске стояла прекрасная погода, и синоптики давали хороший прогноз. Действительно, начало полёта проходило при ясной погоде и попутном ветре. Однако на полпути внезапно появилась низкая облачность, прижавшая самолёт к земле. И всё же, несмотря на это, долетели благополучно: расстояние в 180 км было пройдено за один час 10 минут. В Чурапче ещё принимали извещение о вылете самолёта, а он в это время уже кружил над Чурапчой⁴.

В эти же дни лётчик Г.С.Бенкунский с техником Г.Г.Баклановым перегнали из Иркутска в Якутск третий самолёт Исполкомовской авиации – АИР-6. Георгий Станиславович вспоминал: «В Иркутском аэропорту мы распа-

П.С.Кудицкий

ковали большой ящик с красивым серебристо-белым самолётом – трёхместным пассажирским лимузином АИР-6 с мотором М-11 в 100 л.с. После сборки надо было облетать машину, что оказалось довольно сложным делом, так как подобного самолёта в Иркутском аэропорту не было, и никто из здешних лётчиков никогда на нём не летал. Пришлось рискнуть, то есть без всякого тренировочного полёта с инструктором подняться в воздух на незнакомой машине. Всё обошлось благополучно, самолёт меня признал, и я в свою очередь полюбил его за летучесть.

Стали готовиться к перелёту. Задача перед нами стояла трудная: опыта зимней эксплуатации такого самолёта не было. Сами мы – молодые, неискушённые, а трасса из Иркутска в Якутск, хотя и проходила в основном над Леной, что об-

легчало ориентировку, была большой протяжённости. Тревожились, как поведёт себя самолёт в сильные морозы? Ведь наш АИР-6 имел мотор воздушного охлаждения, совершенно не закрытый от набегающего стужёного потока воздуха. На шасси стояли резиновые амортизаторы, которые в полёте затвердевали и при посадке не действовали.

Мы сделали некоторые усовершенствования, которые впоследствии здорово нам помогли как во время перегонки самолёта, так и при работе в Якутии: на мотор установили добавочные козырьки, закрывающие часть цилиндров от переохлаждения, а к амортизаторам подвели горячий воздух от придуманного нами калорифера на выхлопном коллекторе.

Ранним холодным утром мы стартовали с Иркутского аэродрома и, сделав прощальный круг над городом, взяли курс на север. Самолёт развивал скорость 120–140 км/ч. Запас топлива не позволял лететь без посадки более 400 км. Мы предполагали, если повезёт, выполнить перегонку за несколько дней. Но по маршруту могло случиться всякое: и погода испортиться, и матчасть подвести. Нам повезло»⁵.

Якутск встретил перегонщиков 50-градусным морозом, весь город был окутан густым туманом. Сели на Ленской протоке, а на другой день перелетели на сухопутный аэродром в районе Мархи, где теперь расположен аэропорт. Уже через несколько дней техник Бакланов готовил самолёт АИР-6 для первого рейса в Амгу.

29 февраля 1936 г. на заседании Совнаркома ЯАССР был заслушан доклад началь-

ника Восточно-Сибирского управления ГВФ А.Е.Голованова “О работе Якутской линии ГВФ в 1936 году”. В принятом постановлении были намечены пути развития Исполкомовской авиации. Вот выдержка из этого документа:

“Согласиться с предложениями тт. Иванова⁶ и Голованова об использовании Исполкомовской авиации, по которому вся организационная, хозяйственная и оперативная работа по руководству Исполкомовской авиацией возлагается на т. Голованова. За Управлением делами Совнаркома остаётся право планирования полётов, а также планирование отправки самолётов в том или ином направлении.

В соответствии с этим тт. Иванову и Голованову заключить соответствующие договоры и представить на утверждение Совнаркому план работ Исполкомовской авиации”⁷.

С марта началась регулярная работа Исполкомовской авиации. Из Якутска по расписанию вылетали самолёты с пассажирами, газетами, почтой, медикаментами и другими срочными грузами в Амгу, Татту, Намцы, Чурапчу, Ытык-Кель и Усть-Маю.

За полтора месяца работы, с 1 марта по 15 апреля, лётчиком Бенкунским на самолёте АИР-6 было совершено из Якутска 72 рейса, в том числе 19 – в Намцы, 22 – в Чурапчу, 34 – в Амгу, 4 – в Татту и по два рейса – в Усть-Маю, Синск и на Турий Взвоз. За 107 лётных часов было безаварийно покрыто свыше 14 тыс. км, перевезены 64 пассажира, не считая почты и срочных грузов⁸.

29 мая Исполкомовская авиация открыла летнюю навигацию: Бенкунский на У-2

Г.С.Бенкунский

выполнил рейс из Якутска в Усть-Маю. Помимо пассажира он вёз свежие номера газет “Социалистическая Якутия”, “Кыым” и “Молодой большевик”⁹. С первым парходом прибыли поплавки для АИР-6, и эти самолёты были переоборудованы для посадки на воду, так как большинство райцентров не имели сухопутных площадок.

Исполкомовская авиация, по состоянию на 1 июня 1936 г., имела в Якутске на своём аэродроме ангар для текущего ремонта самолёта, тепляк для обслуживания мотора, водомаслогрейку. Её деятельность распространялась на Западно-Кангаласский, Мегино-Кангаласский, Татгинский, Чурапчинский, Амгинский, Усть-Алданский и Намский районы¹⁰, оборудованные авиаплощадки имелись в Амге, Чурапче, Намцах и Татте.

Два самолёта Исполкомовской авиации – АИР-6 и У-2 – за 1936 г. налетали

581 час, перевезли 225 пассажиров и 1485 кг почты и грузов¹¹. Помимо рейсовых полётов “катали в праздничные дни 280 ударников и стахановцев предприятий Якутска, а также колхозов”¹². Слаженный и дружный коллектив (начальник Исполкомовской авиации Г.П.Афинский, назначен на должность в июле 1936 г. (он же пилот), пилот Г.С.Бенкунский, авиатехники Г.Г.Бакланов и Ф.У.Ташенко и два ученика-моториста) за всю навигацию не допустил ни единой аварии и поломки. Свидетельством заботливого ухода за самолётами и бережного обращения с ними явилось то, что самолёт АИР-6, пробывший в воздухе 100 часов сверх положенной нормы, по заключению инженера Иркутского отряда ГВФ, мог ещё летать примерно 120 часов.

Уже в первый год работы самолёты Исполкомовской авиации выполняли специальные задания: весной вели ледовую разведку на Лене, предупреждая о заторах и опасных наводнениях, в пожароопасный период патрулировали леса, совершали санитарные рейсы в районы – вывозили тяжелобольных в Якутск или доставляли врачей в райцентры для выполнения неотложных хирургических операций.

Приходилось участвовать и в спасательных операциях. В ночь с 19 на 20 октября 1936 г. от пристани Даркылах оторвало карбас, на котором находились 10 человек рабочих. По реке шла сильная шуга, а люди были без тёплой одежды, без продуктов питания. Карбас несло вниз по течению, но неизвестно, по какой протоке. Начальнику Исполкомовской авиации поступило задание подключиться к розыску и

оказанию помощи людям, унесённым на карбасе. Погода не благоприятствовала полёту: дул сильный ветер, шёл снег, мешала низкая облачность. Но и медлить было нельзя. 20 октября, взяв на борт продукты и тёплую одежду, пилот Г.С.Бенкунский с техником Баклановым на самолёте АИР-6 вылетели на поиск. Пришлось долго искать, исследуя протоку за протокой. Летали на бреющем полёте: низкая облачность не давала возможности набрать высоту, а из-за снегопада не было видно берегов. Обнаружив карбас в 170 км от Якутска, Бенкунский стал делать над ним прицелочные заходы, а Бакланов сбрасывал всё необходимое. Надо было точно рассчитать подход к карбасу, ибо если промахнёшься, то продукты и одежда угодят в воду, откуда их выловить невозможно — у людей не было лодки. Но всё обошлось, грузы сбросили точно. Второй полёт, продолжавшийся 3 часа 15 минут, был совершён Бенкунским в тот же день. Выражаясь над терпящими бедствие, лётчик голосом и с помощью вымпелов заставил людей принять все меры к тому, чтобы пристать к острову, что ими и было выполнено. В результате все люди оказались на суше. После этого с самолёта сбросили вымпелы с информацией о местонахождении спасаемых в ближайшем от острова наслеге и вблизи Намского райисполкома. 22 октября Бенкунский совершил к “робинзонам” третий рейс и сбросил им хлеб. Вскоре люди были вывезены на коренной берег. За “безупречную работу по выполнению задания правительства республики с проявлением личного героизма”

К.А.Коммунаров

пилоту Бенкунскому выдали премию 1000 рублей¹³.

В 1936 г. Якутская организация Осоавиахима направила в Ульяновскую школу лётчиков и авиатехников первую группу курсантов из местной молодёжи. В.И.Кузьмин, А.Н.Ременникова, И.М.Простаков, В.Д.Скрыбыкин и Г.Т.Табунанов стали учиться на лётном отделении, а Г.Е.Брагин, К.А.Коммунаров и К.И.Свинобоев — на авиатехническом.

После окончания учёбы по становлением СНК ЯАССР от 4 апреля 1938 г. К.А.Коммунаров, как имевший опыт организационной и руководящей деятельности, был назначен начальником Исполкомовской авиации, а Г.Е.Брагин и К.И.Свинобоев поступили на работу авиатехниками в Якутский аэроклуб.

Исполкомовская авиация всё глубже и глубже пробиралась в бездорожную якутскую тайгу, связывая отдалённые районные центры со столицей республики. 23 марта 1937 г.

пилот Г.П.Афинский с борт-механиком Ф.У.Ташенко выполнили первый полёт из Якутска в Бердигестях: расстояние в 190 км было преодолено за 1 час 30 минут¹⁴. В это время в Исполкомовской авиации работало 13 человек¹⁵.

Подводя итоги двухлетней работы Исполкомовской авиации, Г.П.Афинский отмечал, что “количество пассажиров настолько возросло, что два самолёта с трудом справляются со своей работой, несмотря на то, что каждый из них делает 3–4 рейса в день. Нередко теперь можно наблюдать, сидя за штурвалом самолёта, как сидящий в кабине пассажир якут-колхозник во время полёта спокойно читает газету, изредка поглядывая на мелькающие под крылом самолёта таёжные пространства, неисчислимые озёра и аласы со стогами сена. Не стала уже авиация для местного населения чем-то загадочным, пропал страх и недоверие к этому виду транспорта, и с каждым днём самолёт всё больше и больше внедряется в быт местного населения как самое быстрое и надёжное средство связи”¹⁶.

К открытию летней навигации 1938 г. прибыли новые специалисты: пилоты Е.А.Першаков, И.А.Прохоров и А.Г.Третьяков, авиатехник И.М.Милетинский. Списочный состав увеличился до 24 человек. На воздушных линиях Исполкомовской авиации курсировало пять самолётов.

11 сентября 1938 г. лётчик И.А.Прохоров открыл последнюю в период существования Исполкомовской авиации воздушную линию Якутск–Кобяйцы¹⁷.

Однако, несмотря на имеющиеся успехи в работе Исполкомовской авиации, она не

могла полностью удовлетворить нужды республики в “малой” авиации, к тому же всё явственнее ощущался изъян ее двойственного подчинения — Совнаркому ЯАССР и Восточно-Сибирскому управлению ГВФ. Исходя из этого Совнарком ЯАССР посчитал “целесообразным с 1 октября 1938 г. организовать в г. Якутске авиационный отряд местных линий и спецприменения на базе Исполкомовской авиации”. Весь имеющийся самолетомоторный парк, автопарк, запчасти, сооружения и другое имущество, числящееся на балансе Исполкомовской авиации, а также её финансовая часть были переданы по состоянию на 1 октября 1938 г. Аэрофлоту.

Перед вновь организуемым отрядом ставилась задача “усиления авиационного об-

служивания на уже освоенных трассах: Якутск — Амга, Якутск — Борогонцы, Якутск — Ытык-Кель, Якутск — Чуран, а также организация авиационной связи в первую очередь между следующими пунктами: Якутск — Охотский Перевоз и Аллах-Юнь, Якутск — Незаметный, Якутск — Томмот, Усть-Аллаха — Томмот”¹⁸.

Командиром отряда, получившего номер 234-й, с момента его основания был пилот И.П.Долгов, а с февраля 1940 г. — И.Т.Каратеев. К.А.Коммунаров остался в отряде на должности начальника штаба.

Таким образом, основное значение Исполкомовской авиации состоит в том, что за время ее трехлетней деятельности была установлена воздушная связь столицы республики с близлежащими районными центрами, было налаже-

но сотрудничество авиаторов с местными органами власти по вопросам строительства и содержания авиаплощадок. Руководство и население Якутской АССР наглядно ощутили преимущества воздушного транспорта, как самого скоростного способа передвижения, а также доставки почты и срочных грузов. Лётчики и техники Исполкомовской авиации, эксплуатируя самолёты в экстремальных климатических условиях Крайнего Севера, приобрели первый бесценный опыт, который в последующие годы изучался и использовался в авиации спецприменения и местных воздушных линий. И, наконец, именно в Исполкомовской авиации впервые на руководящем посту в воздушном транспорте Якутии работал представитель коренной национальности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *НА РС(Я)*. Ф. 52. Оп. 25. Д. 12. Л. 229.
- ² *Аэров В.* Праздник Дня авиации в Якутии // Соц. Якутия. — 1935. — 20 авг.
- ³ *Воздушная* связь с районами // Соц. Якутия. — 1936. — 4 марта.
- ⁴ *Там же.*
- ⁵ *Бенкунский Г.С.* По ступеням памяти // Трасса мужества и дружбы: Сб. — Якутск: Нац. кн. изд-во РС(Я), 1992. — С. 127, 128.
- ⁶ Г.И.Иванов — врид председателя Совнаркома ЯАССР.
- ⁷ *НА РС(Я)*. Ф. 52. Оп. 25. Д. 14. Л. 150—152.
- ⁸ *Гольдэр Э.* Местная воздушная связь // Соц. Якутия. — 1936. — 11 мая.
- ⁹ *Исполкомовская* авиация открыла навигацию // Там же. — 30 мая.
- ¹⁰ *НА РС(Я)*. Ф. 52. Оп. 14. Д. 190. Л. 17.
- ¹¹ *Там же.* Оп. 15. Д. 261. Л. 103.
- ¹² *Без аварий* и поломок // Соц. Якутия. — 1936. — 12 окт.
- ¹³ *НА РС(Я)*. Ф. 52. Оп. 15. Д. 261. Л. 28 и об; *Бенкунский Г.С.* Крылья над Якутией // Северная трасса. — 1974. — 9 февр.
- ¹⁴ *НА РС(Я)*. Ф. 52. Оп. 15. Д. 261. Л. 124.
- ¹⁵ *Там же.* Л. 82.
- ¹⁶ *Афинский Г.П.* Наши итоги // Соц. Якутия. — 1937. — 18 авг.
- ¹⁷ *Зуев Ю.Н., Остапенко Ю.А., Бородин О.П.* Авиация в Якутии. — Якутск: Кн. изд-во, 1985. — С. 90, 91.
- ¹⁸ *НА РС(Я)*. Ф. 52. Оп. 25. Д. 23. Л. 311, 312.

ИГИ АН РС(Я): события и достижения 2004 года

2004 г. был отмечен для Института рядом особых событий, имеющих общенациональное значение. Выдающимся достижением всего коллектива стал выход в свет I тома двуязычного нормативного «Толкового словаря якутского языка» (объем 48 п.л.), содержащего 4000 слов и фразеологизмов на одну только букву «А», в Новосибирске в СИФ «Наука» РАН. Фундаментальный труд не имеет аналогов среди тюркоязычных словарей подобного типа и является вершинным результатом всего поступательного развития якутской языковедческой науки. Начало издания подобного высшего типа словаря, кропотливо готовившегося большим коллективом сотрудников Института на протяжении около 30 лет, является большим общекультурным событием для всего тюркского мира.

В течение всего года Институт вел важнейшую работу в качестве координатора-исполнителя по подготовке материалов Досье для представления Заявки якутского героического эпоса-олонхо как шедевра устного и нематериального культурного наследия человечества для рассмотрения Международным жюри ЮНЕСКО с целью включения его в Список мировых шедевров в номинации 2005 г. (научное обоснование Заявки, создание 2 видеофильмов, выпуск Каталога, Свода документов, мультимедийных дисков по запевам олонхо). В целом проведена огромная организационная, научно-исследовательская, редакционная и техническая работа общегосударственного значения, которая была высоко оценена министром

культуры РФ А.Соколовым во время его пребывания в Якутии в ноябре 2004 г.

Особым событием года можно признать высокие показатели по научному росту: сотрудниками Института защищены и утверждены ВАКом РФ 2 докторские диссертации и 6 кандидатских (в Якутске, Москве, Хабаровске). ВАК РФ отметил плодотворную и качественную работу диссертационного совета Д 021.004.02 ИГИ АН РС(Я) по защите докторских диссертаций по специальности 07.00.02 «Отечественная история», в рекордно короткие сроки утвердив защиту докторских диссертаций. В целом же за этот год диссертационный совет провел 15 заседаний.

Институт значительно укрепил и расширил свои научные контакты в российском академическом и международном масштабе. В 2004 г. Институтом впервые в ходе личных деловых встреч заключены 4 Договора о сотрудничестве в организации научных исследований, в том числе повышении квалификации научных кадров с Институтом российской истории РАН (Москва), Институтом истории и археологии Уральского Отделения РАН (Екатеринбург), Институтом истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН (Уфа), Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского НЦ СО РАН (Улан-Удэ), намечены совместные комплексные научно-исследовательские программы.

В 2004 г., наряду с Финляндией, Швецией, Норвегией, США и др., ИГИ АН РС(Я) включен в состав членов Университета Арктики –

виртуальной совместной сети учреждений высшего образования и науки на Севере, ведущих циркумполярные исследования, и приступил к работе.

Признанием уровня Института стало участие (директор В.Н.Иванов) в работе оргкомитета под председательством академика Ю.С.Осипова по подготовке Международной научной конференции «Управление Россией: опыт, традиции, новаторство. XVI–XX вв.», проведенной Администрацией Президента РФ и президиумом Российской академии наук. Конференцию приветствовал Президент РФ В.В.Путин. В.Н.Иванов выступил с докладом «Управление народами Сибири: исторический опыт. XVII–XX вв.».

Продолжена издательская деятельность ИГИ. В 2004 г. опубликовано 34 только плановых издания общим объемом 484 п.л. Среди них можно особо выделить «Диалектологический атлас якутского языка. Ч. 1. Фонетика» С.А.Иванова, монографию В.К.Крыловой «Времен связующая нить... Страницы истории Русского драматического театра в Якутии от истоков до 1990-х годов», несколько монографий сотрудников Института с основными положениями докторских диссертаций. В СИФ «Наука» РАН вышли в свет книги А.С.Ларионовой «Вербальное и музыкальное в якутском дьиэрэтии ырыа», А.Е.Захаровой «Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо)», Оконешникова Е.И. «Лингвистические аспекты терминологии языка саха»

Новое структурное подразделение – созданный Указом Президента РС(Я) № 604 от 19.11.2002 г. и фактически образованный в 2004 г. отдел языковой политики провел большую ор-

ганизационную и координационную работу по научному обеспечению языковой политики в РС(Я). Сотрудниками отдела подготовлена обобщающая аналитическая справка по языковой ситуации в Якутии, получившая одобрение Совета по языковой политике при Президенте РС(Я), на основе которой разработана Государственная программа по языковому строительству в Республике Саха (Якутия) на 2005–2007 гг.

В 2004 г. Институт продолжил также традицию по организации и проведению крупных научных мероприятий. В августе 2004 г. Институт впервые принял участие в работе Международного конгресса востоковедов – ICANAS XXXVII, на котором В.Н.Иванов выступил с докладом «Институт гуманитарных исследований АН РС(Я) – центр востоковедческих исследований на Северо-Востоке России». Проведены Всероссийские научные конференции: «Эпос тюрко-монгольских народов», «И.В.Попов – основоположник изобразительного искусства Якутии: исследователь, просветитель, гуманист», «История либерализма в Якутии», республиканские круглые столы, в том числе международные: саха-корейский «Этногенез народов Северо-Востока Азии», саха-польский «Исторические связи Польши и Якутии» в рамках Дней Республики Польша в РС(Я).

*Т.В.Аргунова,
ученый секретарь ИГИ АН РС(Я),
к.ф.н.*

Наш адрес 677027, г. Якутск, ул. Петровского,1
Институт гуманитарных исследований АН РС(Я), каб 403 (тел. 35-43-40)

Подписано в печать 17.01.2005 г.
Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 14,88. Тираж 990. Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов
ГУП НИПК “Сахаполиграфиздат”, Орджоникидзе, 38.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.